

СССР

ВЕРНУТЬСЯ В ДЕТСТВО?...

**ВЛАДИМИР И ОЛЬГА
ВОЙЛОШНИКОВЫ**

Год 1981. И мне снова пять лет. Крандец, товарищи...

СССР: вернуться в детство?.

01. НЕ МОГУ СКАЗАТЬ, ЧТО К ТАКОМУ ЖИЗНЬ МЕНЯ СОВСЕМ УЖ НЕ ГОТОВИЛА...

НУ, КРЫНДЕЦ

Ноги у меня замёрзли, просто атас. Это я поняла сквозь сон. Наверное, ветер опять поменялся и распахнул форточку. А Вовка где? На работу ушёл ранним рейсом? Я моргнула, просыпаясь. Окстись, Оля! Каким ранним рейсом?! Он уж сколько лет на пенсии. Был.

И я уже была. Не чувствую себя без него. Растворяюсь.

Вот уже неделю я просыпаюсь одна. Как же это тоскливо, Господи. Послезавтра девять дней. А мне без него даже шевелиться не хочется.

Ноги тем временем совсем заоченели.

Я вздохнула и открыла глаза.

Так, и что это? Лунный свет пробивался сквозь маленькое окошко со старой деревянной рамой. Нижняя половина створок прикрыта светлыми ситцевыми занавесками, натянутыми на нитку. *Таких* окон в нашем доме точно не было! Во дворе тихонько ходила и *гремела цепью* собака. Да не сидел наш алабай на цепи!

Я резко села. Уставилась на тоненькие ножки в байковых штанишках от пижамки. С котятками. Сплю я до сих пор, что ли?!

Рядом в постели кто-то заворочался. Я вскрикнула — и тут же оборвала крик, от неожиданности: голос прозвучал совсем по-детски.

— Доча, доча, что?! — одеяло откинулось, и на меня сонно распахнулись *глаза моей матери* — совсем молодой, сейчас у меня внучки старше выглядят! Вот тут я завопила снова.

— Оля?! Сон? Тише-тише, не бойся, это сон, просто сон... — мама сгребла меня в охапку и принялась укачивать, бормоча что-то успокаивающее.

Скрипнула дверь, и в комнату заглянуло озабоченное круглое лицо. Это точно не родственница. Судя по разрезу глаз — бурятка.

— Галя! Что случилось? — громким шёпотом спросила она.

— Сон страшный приснился, — также шёпотом ответила мама. — Ничего, сейчас успокоится.

Так, я, кажется, подозреваю, где мы.

— Мама, сколько мне лет?

Она испуганно замерла и посмотрела на меня, чуть отстранившись. Чёрные глаза в лунном свете казались огромными.

— Доча, ты что?

— Просто напомни, пожалуйста.

— Пять, — растерянно сказала мама.

Значит, Биликтуй.

Бурятская деревня недалеко от Ангарска, куда мама согласилась поехать учителем физкультуры. Она вообще после развода с отцом долго металась. Всё хотела куда-то уехать, начать жизнь заново, что ли, — я уж не знаю. Мы чуть не улетели в Алдан, к знакомым на северá. Несостоявшийся отлёт я могу объяснить только решением высших сил. С нашим приездом в аэропорт погода мгновенно испортилась настолько, что самолёт не выпускали шесть часов. За это время собравшаяся в зале ожидания почти вся огромная родня уговорила

маму никуда не лететь, и она сдала билеты. А через пару месяцев согласилась ехать работать вот в этот Биликтуй. В восемьдесят первом году это было.

Ей обещали дом, ещё что-то, но на месте оказалось, что дом только *будут* строить, а пока колхоз оплатит съём комнаты, которая оказалась мало того что проходной, так ещё и к зиме холодной настолько, что по утрам я не могла заставить себя надеть колготки, снятые со стула — до того они были стылые.

Сейчас в комнате стоял такой дубак, что зубы у меня стучали. Хотя, могу допустить, что стучали они тупо от ужаса. У меня вообще такая реакция дурацкая. Как сильный стресс словлю — начинает вот так колотить, как будто льдом меня обложили. Кстати, вполне возможно, что в Биликтеуе это и началось. И почки, скорее всего, я тут в первый раз застудила.

Я прижалась к маме, вдыхая тёплый родной запах. Боже мой. Сколько лет... Да даже ради одного этого...

— Париж сто́ит мессы, — пробормотала я.

— Что? — не поняла мама.

— Я пи́сать хочу, — выдала я первое, что пришло в голову.

— Ну, давай, — она спустила с постели ногу и вытянула из-под кровати большой эмалированный горшок. Я представила себе это удовольствие* и брякнула:

*Фи, графиня!

Голой ж...ой в холодную воду!

— Я передумала.

Мама вздохнула. Я бы тоже вздыхала, окажись я в такой дурацкой ситуации. Наши длинные часы* на полке показывали четыре утра. Два часа ещё спать можно.

**Они были реально длинные,
очень сильно вытянутые по горизонтали,
почти как шапка у Наполеона,
только ещё сплющенное.*

— Давай ляжем, — сказала я. — Холодно.

Мы укутались в толстое ватное одеяло, прижавшись друг к другу. Мама явно прислушивалась ко мне, но я лежала как мышь под веником, и она наконец задышала ровно и сонно. Я таращилась на светлый лунный квадрат, падавший на бок печки. Печка была здоровенная, но топилась как-то невнятно. Что-то там с ней было не в порядке. Вот честно, в чём я вообще не сильна, так это в печках.

Но в целом ситуация чёт напрягала меня прям конкретно. Надо было с этим что-то решать. Я вытянула из-под одеяла ногу, подцепила пальцами колготки, висящие на стуле, и втащила их под одеяло. Ах, ты ж, ёк-макарёк! Как будто из морозилки пакет в постель сунули! Я накрылась одеялом с головой и усиленно подышала. Стало теплее. Так, теперь втянуть и согреть футболку и кофту. Больше вы меня ледяное на себя одевать не заставите...

Я поплотнее прижалась спиной к маминому боку и не заметила как задремала.

КОВАРНЫЙ ПЛАН

Радиоточка заорала в шесть утра. У многих так было устроено, вместо будильника. Светлая пластмассовая коробочка, с набором мелких прорезей, собранных в тёмный кружок посередине, — собственно, «орало» — стояла практически в каждом доме. Официально она называлась «абонентский громкоговоритель», была подключена к проводной сети и транслировала ровно один местный радиоканал. В полночь вещание прекращалось, а

незадолго до шести утра начиналось снова — гимном и следом шестью пронзительными писками точного времени в шесть ноль-ноль.

Одно время мои двоюродные сёстры, Танька и Ирка (которые в Иркутске жили в одном доме с нами, через два подъезда) решили, что во время гимна нужно обязательно вставать. Точнее, Таня решила. Её как раз приняли в пионеры, и душа, видать, просила подвига. Таня выкручивала радио с вечера на полную громкость, подрывалась на первые сигналы, будила Ирку, и обе они, в трусах и майках, стояли перед радио на вытяжку. Танька при этом весь гимн держала пионерский салют, а Ирка, как недоросшая по возрасту даже до октябрят, — руки по швам.

Так, погодите. В пионеры принимают в третьем классе. Мне пять. Тане должно быть восемь, а Ирке вообще три, так что вся веселуха с подрывами в шесть утра начнётся где-то через год.

Я мрачно натянула колготки прямо под одеялом. Чтобы надеть футболку пришлось сесть. С*ка, как же холодно-то, мать вашу... ой, блин, главное, вслух не высказаться!

Сейчас, вспоминая этот лютый период нашей с мамой жизни, я понимаю, что всё происходящее было для меня настолько сильным шоком, что бóльшая часть просто стёрлась из памяти. При том, что предыдущий год я помню относительно неплохо. А тут...

Картинка: биликтуйские школьники собирают турнепс. Много лет потом я думала, что мне это название неправильно слышалось — ни в магазинах, ни в книжках никакой турнепс двадцать лет мне не встречался. Потом я вычитала, что турнепс существует. Только на картинках он был похож на бледную репу или редиску на стероидах, а в моей памяти — на гигантские полуметровые белые морковины, которые складывали в некое подобие полениц.

Ещё картинка: я боюсь заходить во двор. Там Полкан — огромная овчарка, пристёгнутая к цепи. Цепь в свою очередь пристёгнута к тросу, натянутому через весь двор. Старый бурят говорит, что Полкан не укусит, но я боюсь — и Полкана, и деда, который кажется мне совершенно чужеродным.

Ещё. Я бегаю по комнате. Мама поставила пластинку на нашем проигрывателе. «Снежная королева». Я что-то изображаю под музыку, и хозяйка-бурятка качает головой и говорит, что я, конечно, буду артисткой. Но проходит несколько дней и проигрыватель почему-то включать запрещено. Я прошу, а мама хмурится. И шёпотом говорит: «Нельзя». Я не понимаю: почему нельзя? Я и сейчас не понимаю: почему? Свет сэкономили или что?

Мама в школе, а я почему-то предоставлена сама себе. Я хожу по школьным коридорам, иногда захожу в начальные классы, учительницы подсаживают меня к спокойным детям за парты, в серединку, и я что-нибудь рисую. Но мне скучно. Иду в спортзал, но у мамы седьмой класс. «Иди, а то затопчут тебя», — говорит мне она. Я одеваюсь и иду на улицу, бреду куда-то вдоль дороги, снега на обочине выше колена, а по дороге иногда проезжают грузовики, но я упорно иду. Дохожу до какого-то памятника. Читаю. Ого! Оказывается, из этой деревни тоже уходили на войну солдаты, и кто-то погиб. Памятник погибшим героям... Почему-то этот памятник погружает меня в меланхоличное состояние, и я бреду обратно в школу. Почему я шарюсь сама по себе? Что, в деревне садика не было?

Больше *ни одной* картинки из деревенской жизни нет. Из почти года жизни. Ни одного праздника, даже новый год выпал! Что это вообще?

Я размышляю об этом, когда мы идём в сторону школы.

— Какое сегодня число? — спрашиваю я.

— Третье декабря, — отвечает мама. — А что?

— Я сегодня очень замёрзла. Давай в Иркутск поедem.

— Давай завтра? — предлагает она. — Завтра пятница. Оставлю тебя с бабушкой пока, да хоть два дня с вами побуду.

— А, может, ты тоже останешься? Напиши заявление на увольнение. А две недели мы на больничном просидим. У меня спина вот тут болит, — я неуклюже согнула рукав цигейковой* шубы и потыкала рукавичкой в район почек, — и писать больно.

**Это, кто не в курсе,
толсто стриженная
очень плотная овчина.*

Мама резко остановилась:

— А ты почему молчала?!

Я смотрела на неё снизу вверх. Мама у меня невысокая, но я в детстве была совсем мелкая.

— Я... сперва испугалась. А теперь мне больно даже идти.

Теперь испугалась мама. Кажется, переборщила я со своей хитрой политикой.

— Цистит?!

Она схватила меня на руки и собралась бежать в сторону школы, но метров через двадцать сдалась. Какая уж тут беготня, когда свежего снега по колено, а ребёнок в овчинной шубе похож на чемодан без ручки. Она дотащила меня до школы, посадила на лавку в широком коридоре: «Посиди!» — и куда-то побежала. Потом пробежала в другую сторону. Потом к нам подошла женщина в белом халате. Я удивилась: откуда бы в малокомплектной школе постоянный медик? Но оказалось, что тётя — директор и завхоз в одном лице. Тётя кивнула маме:

— Езжай, конечно! — потом что-то крикнула в другой конец коридора по-бурятски, ей также по-бурятски ответили, и она бодро махнула рукой: — Галина! Езжай с Баиром. Он вас до Ангарска подбросит!

— А вещи-то детские? — всполошилась мама.

— Баир! Иди сюда! — на весь коридор возгласила тётка.

Подошёл парень в шофёрской робе и телогрейке:

— Чё?

— К дому заверни, вещи возьмёт ребёнку.

— Ладно, чё. Заверну, раз надо.

Мы впихнулись в тесноватую кабину грузовичка и в два счёта добрались до съёмного двора. Забежали в дом, мама торопливо скидала мои вещички в чемодан. Полный чемодан получился, между прочим — большой, плоский, коричневый. Кожаный. Ну, почти кожаный. Из молодого дермантина*. Зато на двух молниях и с блестящей защёлкой на дополнительном ремешке.

**Я знаю, как пишется
слово «дерматин»,
но все вокруг меня
говорили и до сих пор говорят
именно так.*

— А проигрыватель? — спросила я.

Не то что бы он был мне сильно нужен, но сейчас нас прямо до ангарского автовокзала

на машине подвезут, а в другой раз она как будет корячиться?

— Может, потом? — сморщилась мама.

— Нет, давай сейчас, а?

Я себя отлично помню. Ребёнком я была покладистым и некапризным, что-нибудь просила чрезвычайно редко, и это имело свои плюсы — вот как сейчас.

— Ну, ладно, — согласилась мама, закрыла проигрыватель прозрачной плексигласовой крышкой и завязала в шерстяной платок. — Пошли.

Кульки шофёр пристроил в кузов, мы снова забрались в кабину.

Дорога... была. Каково уж было её изначальное качество, я судить не возьмусь, но сейчас она была гладко укатана снегом. Периодически попадались ямки-канавки, машина подскакивала, и мы бултыхались в кабине, подлетая чуть не до потолка. Мне такой способ путешествия по-детски нравился, хотя взрослою меня местами пугал до посинения. Парень пытался вести с мамой любезные беседы, она отвечала сдержанно.

Правильно, я тоже думаю, что этот шофёр — не лучшая для неё партия. И не потому что шофёр (и уж совсем не потому, что бурят), просто в Биликтуе мне оставаться совершенно не хотелось.

Ехать до Ангарска оказалось недолго, от силы минут двадцать. Грузовик остановился у деревянного одноэтажного дома, крашеного голубой краской. Честно скажем, дом больше походил на барак, но вывеска гласила: «АВТОСТАНЦИЯ». Ага, до автовокзала ещё дойти надо. Ну и ладно. Галантный бурятский шофёр выставил наши узлы-чемоданы на лавочку под навесом, предложил маме встретить её, когда она назад поедет. Мама отказалась, и он укатил.

— Пойдём, расписание посмотрим.

Моё предложение остаться и покараулить чемодан мама, по-моему, просто не услышала. С другой стороны, караульщик сейчас из меня... И вообще, мама всю жизнь боялась, что меня украдут. Вот, цыгане, например. Сейчас рядом цыган не наблюдалось — а вдруг? Притаились за углом, специально, чтоб выскочить, как только она потеряет бдительность.

Короче, потащились мы в здание автостанции вместе. Внутри пахло луковой шелухой, пылью и неустроенностью. Автобус, к моей несказанной радости, должен был прийти через десять минут. Места были, мы купили билетки и вышли на посадку.

На удивление, автобус подкатил в положенное время, без опозданий. Выглядел он не так архаично, как я опасалась — приличный междугородный брежневского времени — Брежнев же у нас сейчас? Недолго мужику осталось. Следом за ним мелькнут «короткие», целая череда. Помню, в детстве меня возмущали дни вселенского траура по поводу ухода этих руководителей: ну вот, опять мультики отменили!

Мда. Никогда я не была в политике сильна, не могла даже толком запомнить очерёдность, кто за кем рулил. Ну, простите.

Мы залезли со своими патефонами* в хвост, на свои места.

*Фигурально выражаясь.

Люблю, знаете, такое:

вместо шапки — «шляпа»,

вместо сумки — «чемодан».

Утрированное.

К величайшему маминому облегчению, задний ряд сидений вовсе остался пустым, и мы

сгрузили туда вещи.

— Ничего не болит? — спросила она меня в десятый раз.

— Голова немножко, — слабым голосом ответила я и привалилась к её боку. — Спать хочу.

— Ну, поспи. Целый час ехать, — она приобняла меня, и я почувствовала, что веки и впрямь начинают наливаться тяжестью. Неудивительно, спала-то я сегодня абы как. И вдруг меня пронзило совершенно дикое соображение!

Попаданческих книжек я в своё время перечитала предостаточно. И довольно многие из них эксплуатировали попаданчество детское, с таким эффектом временного забывья, которое потом, годам к десяти, двенадцати, а то и четырнадцати вдруг спадает. Глаза у меня вытаращились сами собой. Забыть себя сейчас, проснуться в Иркутске пятилетней Олей?! Ну, нет! Такой хоккей нам не нужен! Что делать?.. Мысли судорожно скакали в поисках зацепки. Зацепки? Крючок нужен. Якорь!

— Мам, у тебя есть ручка?

— Тебе зачем?

— Надо.

— Есть в сумке, искать нужно.

— Ну, давай я поищу?

— Ой-й... — мама сердито засопела и полезла в сумку. Рылась она довольно долго, даже кое-что вытаскивала и вручала мне подержать. Наконец ручка нашлась. — На! Зачем тебе надо было?

Я постаралась подальше высунуть руку из рукава цигейковой шубы и на тыльной стороне запястья крупно написала: «АКТАШ».

Мама выпятила губы:

— И что такое «Акташ»?

— Это «серый камень», — пробормотала я, пристраиваясь ей под бок, — по-туркменски, кажется...

Не могу же я до четырнадцатилетия не спать? Если я по этой метке ничего не вспомню — значит, судьба моя быть лошариком...

Дорога из Ангарска в Иркутск совсем не напоминала привычную мне многополосную. Одна полоса туда, одна обратно. Желающих обгонять нас не было. Да вообще машин было до крайности мало. Иномарками не пахло совсем. Это до Москвы с Питером, наверное, доезжали какие-нибудь фольксвагены, а у нас практически исключительно отечественный автопром. Импорт ещё сколько лет на авто закрыт будет...

Я немного потаращилась на мелькающие за окном заснеженные деревья и уснула.

КОНДУКТОРСКИЕ ВОСТОРГИ

Разбудило меня ощущение прекратившегося движения. Похоже, автовокзал. Приехали!

Выбрались мы последними. Мама поудобнее перехватила проигрыватель (вспомнила, как она его называет! «радиола»!) и оглянулась в страшном сомнении. Я бы тоже посомневалась. Можно было постоять, подождать трамвай, идущий в сторону Центрального рынка (или просто, как в Иркутске принято говорить, «рынка»; все остальные рынки с названиями, а центральный — просто рынок, практически в середине города, словно он и есть градообразующая точка). Так вот, можно было подождать трамвай или пройтись. Тут по ровному, минут пятнадцать.

— Пошли, — решила мама.

Пока его, этот трамвай, дождёшься.

Рядом с рынком располагалась большая посадочная автобусная площадь — натурально, площадь, утыканная несколькими рядами посадочных тротуаров-островков. Здесь была конечная двойки, доезжавшей практически до самого нашего дома. А рядом, даже без промежутка, сразу на том же острове...

К остановке подкатил старый оранжевый лиаз и затарахтел как трактор.

— О! Тройка! — непроизвольно воскликнула я.

Да, сдержанность — вообще не мой конёк. Чувствую, огребусь я ещё со всякими ляпами.

— Снизу идти? — с сомнением посмотрела на третий номер мама.

— Ну и что, зато уже поедem, — подбодрила её я, — садись!

Ну, реально, двойка эта, может, через час придёт.

Она всё ещё сомневалась, но в автобус мы залезли. Да, тройка тоже шла до Юбилейного, но поворачивала не налево, как нам требовалось, а направо, в ту его часть, которая называлась «Шестой посёлок». Можно было выйти в точке развилки и пройти примерно с километр до верха Юбилейной сопки, на которой стоял наш дом. С тройки идти было неудобно, да в горку. Проигрыватель не так приятно тащить, как хотелось бы. Да сумка у нас ещё. Такие вот разновекторные мысли.

Я прикинула на себя — дотащишься ли ты в двадцать шесть лет с такой поклажей? Пфе! Говно вопрос, простите мой дурной французский. Тем более, что дитё за руку волочь не надо. Я, после моего дивного перемещения, вообще чувствовала себя сжатой пружинкой. Скакать бы и скакать!

Сидячее место в салоне нашлось. Одно, правда, да и пофиг. Мама поставила на коленки проигрыватель, сверху — сумку, мне выдала шесть копеек, и я, страшно довольная, пошла отрывать билет. Блин, сколько лет мечтала снова это сделать!

Глупо звучит, но процедура оплаты за проезд в СССРовских автобусах представляла собой отдельное удовольствие для ребёнка. Напротив передней двери между поставленными навстречу друг другу двойными сиденьями обычно находилась касса — железный пломбированный ящичек с прозрачным верхом-крышкой, оснащённой прорезью, как копилка, и с крутилкой сбоку.

Кидаешь свои монетки, вертишь ручку — из специального узенького окошка с надписью «БИЛЕТ» вылезает, собственно, билет. Отрываешь. Краешек всегда получался

мелкозубчатый.

Если требовалась сдача — ждёшь рядом, пока кто-то ещё не подойдёт заплатить, и отсчитываешь себе, сколько надо. А если народу много и тесно — «Передайте за проезд». И передавали туда-сюда — и деньги, и сдачу. Утром этот аттракцион был особенно актуален, когда все на работу ехали. И вечером.

Рядом с этими кассами часто пристраивались «дежурить» дети.

И ещё на металлических пластинах, огораживающих лесенки-входы по бокам, были приделаны специальные круглые сплюснутые мусорки «для использованных билетов». Они всегда были строго коричневые, и мне кажется, что отливались они из какой-то смолы, типа эпоксидки.

Доехав до точки назначения, прежде чем выкинуть билетик, надо было обязательно циферки в его номере подсчитать: сумму справа и слева — а вдруг совпадает? Значит, счастливый!

Некоторые специалисты сходились во мнении, что счастливым билет считается не по сумме, а по полному совпадению набора цифр справа и слева. А уж если цифры стоят в одинаковом порядке или зеркалят друг друга — точно счастливый билет! Такой полагалось съесть, непременно загадав желание, но никому об этом не говоря (только тогда сбудется).

Жевать билеты я всегда брезговала, но всегда из любопытства считала.

Всю дорогу до дома я с упоением крутила ручку (вот, старый что малый, блин!) и даже ни разу не пострадала от желающих оттеснить меня конкурентов — планида сегодня благоволила, и на весь автобус ни одного жаждущего быть кассиром ребёнка более не нашлось.

Вообще, в лиазах имелось ещё одно козырное место: сразу за шофёрской «будкой», отделённой от салона перегородкой с большим стеклом. У этого стекла были закреплены два длинных горизонтальных поручня: взрослый и детский, и если встать посередине, то глядя в это окно и держась за поручень, можно было воображать себя хоть капитаном, хоть машинистом... Ладно, в другой раз как-нибудь.

ГОРОД В СТАДИИ ПОДРОСТКА

Город выглядел... непривычно маленьким.

Узкие дороги — в основном двухполосные, а максимум четырёх, даже самые центральные. Да и машин мало-мало, как будто в городе вечно обед первого января. Хотя, чего удивляться. В нашем доме на семьдесят квартир только у одних Кукауриных была машина — новенький жигуль. Да ещё у одних — мотоцикл с коляской. В соседнем стоквартирном доме на служебной машине привозили дядьку-полковника. Всё. Двор был пожизненно пустой, и вся проезжая часть совершенно спокойно занималась для детских игр.

Зато на остановках народу полно, город-то за шестьсот тысяч перевалил, всем добираться надо. Автобус наш наполнился довольно прилично.

— На руки ко мне пойдёшь? — предложила сидящая рядом женщина.

Очень распространено это было — чужого ребёнка на руки взять. Даже, я бы сказала, в порядке вещей.

— Спасибо, я не устала, — помотала я головой и продолжила таращиться в окно.

Низкие дома. Девятиэтажек единицы, не говоря уже о более высокой этажности. Насколько я помнила, технологии ещё не позволяли выше строить в нашей сейсмоактивной зоне. А трясёт нас регулярно, мелкие толчки десятками в сутки исчисляются, так что город застроен преимущественно домами от пяти этажей и ниже. Огромный деревянный центр —

я как-то прочитала, что он долгое время был самым большим из старых деревянных городов, поэтому сюда и туристы ехали.

Академического моста и в помине нет.

И многих микрорайонов, конечно же, всё ещё нет, вместо них пустыри или вообще лес.

Выгрузились мы на «Кафе». Остановка эта была оформлена самым наишикарнейшим образом — фактически, никак. Наверное, летом был какой-то кармашек, но зимой его совершенно погребло под снегом. А в метре от края начинался резко уходящий в болото уклон. Сейчас всё замёрзло, но всё равно неприятно вот так высаживаться. Надо сказать, что остановка эта по жизни какая-то невезучая. Так ведь и не будет над ней никакого навеса ещё лет сорок или даже пятьдесят...

Я ГЛАЗЕЮ ПО СТОРОНАМ И НЕМНОГО ПАНИКую

Мы дождались, пока автобус отъедет, перешли дорогу, и тут я увидела *его*! Магазины-стекляшку. Стекляшками, я так понимаю, будут называть всё большое, по кругу сплошь оформленное панорамными витринами. У нас наверху, между Областной клинической больницей (которую все местные для краткости просто называют «областная», без всяких там больниц) и школой тоже стекляшку построят. Года через три, что ли.

Но эта стекляшка стояла тут уже несколько лет и помнилась мне тем, что когда бы мы ни заходили в неё, там всегда, вот всегда продавалась жарено-копчёная мойва. Вообще, у него, видать, рыбная специализация была, что ли, потому что помню и солёную рыбу типа той же мойвы или селёдки, и бесконечные ряды витрин и холодильников, в которых лежала мороженая камбала, минтай, хек и прочая недорогая пролетарская рыба. Но мойва горячего копчения — это же моя любовь. Это было настолько вкусно, что мой рот немедленно наполнился слюной. И стоила эта рыбка какие-то смешные деньги, сорок копеек за килограмм, что ли, а свежемороженая — вообще двадцать. Я и свежемороженой бы купила, дома пожарить. Тут её пока вообще считают едой для кошек, дешевле минтая. Если бы не наш патефон дурацкий, обязательно бы попросилась зайти, а так с грузом крюк делать... Но я сюда прогуляюсь обязательно!

Это я всё думала про себя, пока мы переходили дорогу и направлялись вверх, к дому.

Штаны мои звонко, с присвистом делали ш-шур-ш-шур. Я зимами всегда была самая блатная. У большинства детей штаны были просто шерстяные или с начёсом, толстые такие. После прогулок эти штаны облеплялись сплошной снежно-комочковой бронёй. Мне же мама поверх одевала болоневые штаны, лично самошитые, с которых всё соскальзывало. Не знаю, почему так не делали все. Может, болонь в дефиците была? Я вообще не уверена, что правильно пишу название ткани, но все тётки вокруг дружно называли её именно так.

Зимы пока стояли холодные, под болонями у меня было двое толстых рейтуз да колготки, на тушке — футболка, водолазка, свитер шерстяной (с клёвыми оленями!) и толстая цигейковая шуба подпоясанная «настоящим солдатским» ремнём. Не знаю, насколько он был настоящий, но бляха со звездой. На голове тонкая «лыжная» шапочка, а поверх — цигейковая же шапка на резинке вместо вязок. Удобнейшая вещь, между прочим! Поднятый воротник перевязан полосатым вязаным шарфом в два оборота. Довершали наряд толстые двойные рукавички на резинке, продёрнутой через рукава шубы — чтоб не потерять.

На ногах у меня были валенки. Да и у мамы на ногах тоже были валенки. Не те, которые потом будут (как сапоги с валяными голенищами) и даже не с резиновыми литыми подошвами. Просто валенки, цельные, которые от долгого лежания на складах сплюсциваются в вертикальной, скажем так, проекции до такой степени, что первое время

стоять на них трудно, как на коньках, а стопа испытывает непредусмотренные природой боковые нагрузки. Мои уже слегка обмялись, но подошва всё ещё была кругловатая.

А вот шуба мамина мне совсем не нравилась. Не знаю, сколько ей уже лет, но искусственный ворс совсем сваялся, сделавшись взъерошенно-сосулечным. Шапка какая-то страшенькая... При этом мама была тоненькая, совсем как старшеклассница. Размер сорок четвёртый, наверное. Во всяком случае, помню, как я, учась классе в десятом, нашла однажды в шкафу её пальто этих лет. И оно на мне не сошло!

А потом — года через два это будет — случилась у неё тяжёлая ангина, давшая какие-то лютые осложнения, в том числе ревмокардит. В больнице она лежала долго, и почему-то ничего не помогало, пока не подключили гормоны. И вот тут её разнесло со страшной силой. Выписывалась мама, поправившись на тридцать килограмм.

Ужас, как на мой взгляд.

Интересно, можно будет этого как-то избежать?

На этой мысли дорога вильнула влево, оставив нам направление, которое можно было назвать разве что просёлком. Блин, я и забыла, что тут неасфальтировано всё! Хорошо, хоть грязи нет. Зато есть снег, — порадовала сама себя я. Ноги вязли.

Прямо посреди Юбилейного микрорайона остался квадрат частного сектора — обычных деревянных домов по типу деревенских, только на совсем небольших участках, сотки по две-три. Когда-то кто-то пустил слух, что именно этот кусок крайне нужен городу для какой-то многополосной дороги, и люди ждали что вот-вот, вот сейчас, буквально со дня на день, к ним придут и начнут изымать дома́ и раздавать за это квартиры. А поскольку по закону выдавать жильё взамен положено было не по площади дома, а по норме квадратов на каждого прописанного, попрописывалось в этих домиках просто дохрениллион народу. Они будут надеяться ещё лет сорок, пока не станет окончательно ясно, что именно этот кусок нахрен никому не упёрся.

Воду этот частный сектор получал из двух колонок, вокруг которых заледенели большие пятна, похожие на выпуклые полярные щиты. Сразу за краем частного сектора начиналась ограда восемнадцатой школы. Ну, всего с треть дороги осталось! Да и уклон здесь не такой уж сильный, допрёмся.

Собственно, на самой-самой верхушке круглой сопки Юбилейного, через дорогу от нашего дома, располагалась областная больница. Будущая. Пока это был забор, обнесённый колючей проволокой, и трудились там весьма специфические работники, которых каждый день привозили-увозили на нескольких закрытых решётками грузовиках.

И заснеженные тополя не закрывали пятиэтажки с верхом, а стояли совсем маленькие, едва доставая своими макушками до третьих этажей.

Ой, с этими тополями случай был...

Однажды, классе во втором или в третьем я училась, приходил в школу какой-то агитатор из природоохранного общества, так красиво всё рассказывал, и главное — о пользе деревьев в городе. Как-то он зацепил тополя. И мы, несколько девчонок со двора (дурынды с инициативой), буквально через пару дней нашли обрезанные тополиные ветки. Видать, дорожная служба или дворники вдоль проводов деревья подрезали и часть мелких обрезков растеряли. Так мы все эти ветки собрали и тупо за домом навтыкали. *И они все прижились!* Это ж тополя! Теперь у нас за домом типа лес. Нет, в будущем, из которого я выпала — тополиный лес, а в этом настоящем его пока нету. Может, и не будет, потому как в прошлый

раз одним из двигателей этой гражданской инициативы была я, о, Господи...

За два дома от нас нам попалась лавочка, и мама поставила поклажу — отдышаться.

— Не устала?

— Не-а, — помотала я головой. — А ты? Может, я за санками сбегаю? Радиолу поставим.

— Да нет уж, — мама махнула рукой, — чего тут, этот дом пройти, да ещё дом...

Стоять просто так было скучно. Понимаете — совсем позабытое чувство переполнения движением, которое требуется выпустить. Напротив подъезда жильцы залили водой небольшой откос, рядом валялось несколько картонок.

— Я тогда с горки съеду?

— Ну, иди.

Я с удовольствием скатилась с горки. Трижды! На третий раз, сидя внизу подумала: а может, оно не сразу произойдёт? Ну, забывание вот это? Не резко? Может быть, детское и наивное постепенно выдавит меня, взрослую тётку, да так, что от моих воспоминаний и следа не останется?

И я снова буду переживать лютейший ужас перестройки и девяностых как в первый раз, не имея возможности хотя бы минимально подстраховаться?

Да ну, нафиг!!!

Я легла на снег, раскинув руки, и уставилась в бледное зимнее небо. Почти как Андрей Болконский в небо Аустерлица.

После сна в автобусе моя память никуда не пропала! Всё я помню.

Или нет? — как будто ехидно спросил кто-то.

Это так меня испугало, что я судорожно начала перебирать всё, что я могла бы помнить — и забыть. Занятие, в сущности, дурацкое и бесполезное, ибо, если уж что-то забыл — фиг ты его таким образом реанимируешь! Но имя алабая, написанное на руке, я держала в памяти чётко: Акташ. И Вову помнила. И множество подробностей из нашей с ним жизни.

— Оля, ты чё там? — обеспокоенно крикнула мама.

— Иду! — я подскочила и побежала в горку, втыкая носки валенок в ямочки, продавленные в склоне вместо ступенек.

Я здесь. Но имя Акташа, пожалуй, стоит записать и сохранить как-то более капитально.

ДОМ

Подъезд встретил по-советски ухоженно. Деревянная дверь на пружине, крашенная краской, которую я про себя называла «официальный зелёный». Это нечто такое средней интенсивности, но не растительного, а больше минерально-зелёного цвета. Малахитовый, что ли. Иногда шла партия, в которой больше угадывалось морской волны. Очень любили такими цветами красить подъезды: перила, двери и нижнюю часть стен, которые называли «панели».

И ни одной двойной двери у квартир, не то что металлической, а даже деревянной. Лет через семь-восемь, однако, это начнётся, а пока народ жил беспечно. Двери были самые простые, чуть ли не из реечного каркаса, обшитые фанеркой. Максимум, чем люди выделялись — кто для красоты наборными реечками обшил, кто особенно покрасил. Самыми пафосными казались мне двери, оббитые блестящим, словно гляцевым дермантином, с обязательной поролоновой подкладкой, от чего дверь приобретала вид слегка надутый, и с красивыми мебельными гвоздиками-цветочками.

Причём, вся эта красота делалась именно снаружи, в подъезд. Что уж у них там внутри квартир было, я не знаю.

Бабушка увидела нас, захлопотала. А я смотрела на неё и думала, что здесь она моложе, чем я была *там* — ей ведь сейчас шестьдесят восемь всего! И так от этих мыслей защипало в носу, что я начала плакать, тихо глотая слёзы. Это вызвало панику в рядах и громкие сетования в духе: «Говорила я тебе: не надо туда ехать! Угроишь ребёнка! Что за жисть такая — у чужих людей, в проходной комнате!» — и так далее. Не могу сказать, что здесь я с бабушкой была несогласна. Идея оказалась в корне дурацкой.

Мама что-то отвечала, а я хлюпала носом и боролась с валенками. Они не отдавали ноги, хоть я и вставала на правый носок левой ногой, чтобы правую выдернуть.

Ой, вэй...

03. ОТ ПЕРЕМЕНЫ МЕСТ...

ЖИТЬЁ ПРОСТЕЦКОЕ

В конце концов меня освободили от валеночного плена, оперативно выпростали из шубы, и я пошла мыть руки. Первейшее дело, без этого никак.

Квартира эта была получена за три года до моего рождения, когда из района танка* расселяли старые дома. Вот там, всего лишь в двухкомнатной квартире, жила раньше вся огромная бабушкина семья.

*В Иркутске, как во всяком уважающем себя городе, есть свой стоящий на постаменте танк.

Вполне действующий, между прочим.

Нет, надо сначала. В сорок один год бабушка потеряла мужа. Поехал сердце проверять в Омск, и на теплоходе умер от приступа стенокардии. К тому времени старший сын, Саша, уже учился в Омском педагогическом, а младшая — моя мама — ещё сидела у бабушки в животе. Следом за мужем, во время вспышки менингита, умер ещё один сын, месяца не прошло.

Тянуть хозяйство без мужика в деревне оказалось очень непросто, и через пару лет баба Рая решила вернуться в город своего детства — в Иркутск. Здесь им выдали квартиру: с одной совсем маленькой комнаткой, в которой поселилась, собственно, бабушка, с небольшой кухней, и с ещё одной просторной комнатой, в которой жили все остальные восемь детей.

А, нет, вру! Старшая дочь, Заря, вышла замуж, и им с мужем дали отдельное жильё.

Семеро. Туалет на улице (тогда бóльшая часть Иркутска так жила), вода в колонке, баня по субботам городская.

Вскоре женился и Саша, они с женой ушли на диванчик в кухне. Самое интересное, что друг за другом переженились и остальные — все, кроме двоих младших. И все привели супругов под бабушкино крыло. Детей успели завести, некоторые и двоих! И бабушка сидела во дворе с колясками. Удивительно, но все они это время до последнего вспоминали как самое счастливое в жизни! Очень дружно жили. И весело.

Потом началось расселение, семейным давали отдельные квартиры, а бабушке, маме и Найлю (это последний неженатый сын остался) — вот эту распашонку. А, не сказала же я: у нас трёхкомнатная малометражка: проходной зал с древним бабушкиным диваном, наша с мамой, девять квадратов, и Наилькина — совсем крохотусечная, шесть, наверное.

Наиль почти всё время на вахте — бурит по северам, воду ищет. В комнате у него практически пусто: диван да стул. Все его вещи умещаются в половинку встроенного между комнатами шкафа, типа шеститумбового, у которого три секции на одну спальню и три на другую.

Из прочих замечательных предметов были у Наиля радионаушники — купил себе радио слушать, чтоб, значицца, другим не мешать. Наушники имели провод для подключения к радиоточке, и такая радиоточка в его комнате была — вторая на квартиру, после кухни. Наушники выглядели шикарно (ну, мне так казалось) и были предметом, выбивающимся за рамки моей детской обыденности.

Очень мне хотелось ими попользоваться, послушать — как оно там говорит? Но Наиль новой вещью сильно дорожил и переживал, как бы я чего не поломала. Лучше б дал

послушать, честное слово. Кончилось всё довольно драматически. Я не смогла преодолеть себя, дождалась, пока все уйдут в кухню, пошла к Наилу в комнату и надела на голову заветный предмет. Почувствовала я себя, конечно, минимум королевой, а максимум — космонавтом. Но наушники молчали. А за дверью комнаты была розетка.

Были. Две.

Я подошла и рассудила логически. Правая показалась мне страшной, она слишком выступала из стены и даже была слегка замазана извёсткой — ну разве может такая красота как радионаушники стыковаться с такой неприятной вещью? Ну, не-е-ет. Зато левая — аккуратненькая, плоскенькая, заглаженная — самое то!

Дальше я помню боль в ушах и свой крик. И как влетевшая в комнату мама срывает с меня эти наушники и швыряет их в стену. И орёт что-то про «пожалел» и «чуть ребёнка не угробил». Заметьте, опять. Все с завидной регулярностью стремятся меня угробить. Ладно-ладно, это чёрный юмор такой.

Наушникам, кстати, ничего не было. Зря все боялись, что я чё-нить погну, хе-хе.

Мне тоже ничего особо не было, кроме прокачки скилла самосохранения и обострившегося чувства юмора. А вот у мамы, наверное, первые седые волосы появились.

Ой, что-то унесло меня в воспоминания. Давайте про квартиру.

Хрущёвка у нас была самая обыкновенная, без выпендрёсов. Комнаты побеленные — именно известью, которую покупали страшными комками, долго гасили, процеживали сквозь марли и ещё что-то. Потолки всегда были чисто белые, стены — подкрашенные колерами (чаще всего самыми простецкими, типа синьки или зелёнки). Белили часто, по три раза в год: к новому году, к первому мая и к первому сентября. Зачем такая частота — я, честно говоря, никак не понимаю. Принято так было. Прилично. В коридоре, туалете, ванной и кухне до половины стены снизу покрашено светлой голубой краской, выше — тоже побелено.

Полы в комнатах крашенные деревянные, в коридоре и кухне — поверх досок закрытые квадратной нарезкой из какого-то материала типа линолеума, но однотонного: голубого, бежевого и зелёного. Сторона каждого квадрата сантиметров тридцать. Потом такого не будет, начнут просто линолеум стелить. В туалете и ванной на полу мелкая керамическая плитка, терракотовая, без глазури.

Под потолком везде — просто лампочки, до люстр пока не дожили. Двери в комнаты представляли из себя подобие большой рамы со вставленным зернистым стеклом. В кухню — стеклянной была только верхняя половина, нижняя — фанерка. А в ванную и туалет — простые реечные рамки, оббитые тоненьким ДВП. Что ДВП, это я точно знаю, потому что однажды Ирка (у себя в квартире, но разницы нет — дом-то один) повисла на вешалке-палочке для полотенец. Ну, как на турнике. Да ещё ногами в дверь упёрлась, изображала чего-то. Ну и благополучно выдрала вешалку с мясом. Ой, мама их, тётя Валя, ругала-а-ась...

У бабушки в зале кроме её дивана стоял старенький чёрно-белый телевизор на хлипком столике, сервант (из нижней широкой тройной тумбы и верхней части поуже, со сдвижной стеклянной «витриной» для парадной посуды) и большой обеденный стол с двойной крышкой, которую можно было раздвинуть и в серединку вставить ещё одну секцию. Этот стол мы периодически таскали в четвёртый подъезд, где жил ещё один мамин брат, Рашид, с женой Валей и детьми Рашидкой, Танькой и Ирккой. Когда вся родня собиралась на день рождения, одного стола никогда не хватало. И посуду к ним таскали по той же причине.

Стулья собирали по соседям — вот со стульями у нас был напряг, пока дядь Рашид не завёл несколько специальных досок. Укладываешь такую доску на пару табуретов — и ловко получаешь временные лавки.

Ещё у бабушки был ковёр, небольшой, полтора на два метра, с очень простым геометрическим узором, но шерстяной. Подозреваю, что его привезли аж из Омской области, двадцать пять лет назад.

Из зала можно было выйти на балкон, на котором стоял эмалированный бак с солёной капустой (замороженной, естественно), лыжи (мои и мамины), мой маленький велосипед «Лёвушка», санки и ещё какой-то невнятный бутор. Балконная дверь была единственной из всех выходящих на улицу рам, которую не заклеивали бумажными полосками (чтоб тепло не выдувало) — иначе как за капустой-то ходить? Неизбежные щели по периметру всей двери обкладывали специальным поролоновым валиком, иначе в них ощутимо сквозило.

У нас с мамой стояла полуторная кровать с полированной спинкой (одна на нас двоих), полированный двухтумбовый шкаф, который она забрала после развода с отцом, довольно крепкий и устойчивый детский столик с детским стульчиком и целая куча кукольной среднегабаритной мебели: шкафчики, кроватки, жестяной чемоданчик с кукольными вещами, заводная стиральная машина, которая могла отжимать мокрые кукольные одежки или платочки. Видимо, здесь же будет жить и наша радиола.

Половина выходящих на нашу сторону секций встроенного шкафа тоже была занята моими игрушками и книжками. Чего там только не было: разнообразные конструкторы, набор масок из папье-маше (волк, Чипполино, доктор Айболит, заяц и ещё куча всяких), парк игрушечных автомобилей, механическая игра «За рулём», коробка заводных игрушек, маленькое игрушечное (но вполне играющее) фортепиано*, огромная стопа коробок с настольными играми, коробка пластинок, фильмоскоп с огромным набором диафильмов, даже здоровенная игрушечная арфа, к которой прилагались специальные картонки-схемы для извлечения мелодий**... Этот шкаф был предметом лютой зависти всех детей, которым хоть раз удавалось на него взглянуть.

**Никакого электричества,
чистая механика!*

***Вполне прилично выходило,
между прочим. Узнаваемо.*

Я представила, как начну с упоением во всё это играть и слегка передёрнулась. Как-то всё это... маразмом отдавало, что ли. Ну, разве что в настолки*, они здесь реально прикольные. И то — сколько раз меня это увлечёт? Явно ведь, не так, как в первом детстве.

*В настольные игры, то есть.

Ладно, теперь расскажу про нежилое.

В туалете стоял самый обычный унитаз с верхним бачком и дёргалкой на верёвочке, в комплекте — старое эмалированное ведро в качестве мусорки. В ванной — чугунная слегка пожелтевшая ванна и фаянсовая раковина (смеситель на это всё один, поворачивать нужно туда-сюда), зеркальце маленькое, узенькое, и я себя в него практически не вижу — высоко мне. Кафеля на стенах нет. Мыло только кусками, про жидкое здесь и не слышали пока. Шампуней тоже не видать.

В кухне: эмалированная, слегка оббитая раковина, относительно новая (восемь лет) электроплита «Лысьва», сравнительно новый холодильник «Океан» и второй, старенький,

совсем маленький «Саратов», стол-тумба (с нижним отделом и большим выдвижным верхним ящиком) и к нему подвесной шкаф-тумба, крашенные белой краской. А! Три табуретки.

В коридоре нет ничего, кроме ростового зеркала в деревянной раме и старой вешалки на стене из шести крючков. Ой, нет! Вру! Ещё полуавтоматическая стиральная машинка «Сибирь» (даже с центрифугой!) напротив туалета стоит.

Всё, на этом опись имущества закончена.

ДУМЫ. БЕЗ БЫЛОГО. НАВЕРНОЕ

На кухне уже закипал электрический чайник, огромный, словно знаменитому похожему на ведро роботу* его верхнюю полусферу отломали и носик к ней присобачили.

*Да-да, из культового кино

про хороших и плохих мальчиков

со светящимися мечами.

Мама, кажется, жаловалась бабушке, что всё оказалось не так блестяще, как в момент вербовки было описано. Бабушка ответственно предлагала порубить всех нахер саблей. Фигурально выражаясь, конечно.

Я тоже была за саблю, но с советами не лезла. Пять лет, какой советчик. Сильно умное начнёшь говорить — помчатся со мной к «неврипитологу», а ну как у дитятки горячечный бред?..

Меня другое волновало — блин, чё делать? Нет, вот так: ЧЁ ДЕЛАТЬ, БЛИН?!

Я проверила по очереди все отделы шкафов в комнате — чисто в памяти встряхнуть, где что лежит. Переделалась в домашнее. Господи, маленькие ручки, маленькие ножки, непривычно как, ужас...

Нашла в шкафу раскраски и карандаши. Тэкс, раскраски мне без надобности, цветные карандаши я терпеть не могу (кроме акварельных, которые появятся хрен знает когда), а вот простой...

Простой карандаш нашёлся. Даже два: ТМ и М2. М2 рисовал так жирно, что меня аж оторопь взяла. Эх, мне бы акварельные... Люблю чёрным акварельным рисовать. Что-нибудь вместо него, интересно, можно подобрать? Уголь? Мдэ...

Внизу под пачкой раскрасок обнаружился альбом для рисования, в простой картонной корке с максимально примитивным рисунком — кретинически радостный ёжик* и прочее. Белый картон, одноцветный рисунок, проще некуда. Зато внутри такая бумага! Листы были толстые и фактурные, пожалуй что и под акварель пойдут. Сорок листов. Тридцать семь копеек, на задней корке было пропечатано.

*Напоминающий столь же кретинического крота

из чешского мультика без слов.

Только в хипповом парике.

Тут меня посетила новая мысль, что хорошо бы сперва привыкнуть к новой мелкой моторике. К более мелкой мелкой моторике, чем старая более крупная мелкая моторика. Какова фразочка, а? Специально оставлю.

Портить хорошую бумагу на эксперименты было жаль, я выдернула из пачки раскрасок первую попавшуюся и села за свой маленький стол. Тэкс, проверим, что у нас со шприховкой.

В комнату заглянула мама:

— О, а ты чего вся разделалась-то? В больницу пойдём?

— У меня всё прошло, — ответила я, сосредоточенно шприхуя. — Мама, у нас есть просто листочки белые? Или тетрадки?

— Как это «прошло»?! — возмутилась мама. — А если ночью снова заболит, а лекарства нет?

— Не заболит.

— Так, ну-ка, хватит дурью маяться! Одевайся и пошли!

Я глубоко вздохнула и подпёрла руками лоб. Ругаться с ней, что ли? Слово моё последнее...

— Мама, — терпеливо сказала я, — у меня ничего не болит. И ничего не болело! — торопливо добавила я, увидев, что она начинает сердиться. — Я специально тебе сказала, потому что я не хочу там больше находиться. И я туда больше не поеду. Там холодно и неприятно. Тупое, бессмысленное времяпрепровождение! С бабушкой останусь. А в больницу мы пойдём, только если тебе больничный надо. Я пожалею, две недели дома просидим. А ты съезди и заявление на увольнение напиши, и не придётся отрабатывать. Или едь отработай, если охота всё здоровье своё проморозить. Почки простудишь — тебе что, новые купят?

Вот это меня понесло...

— Что? — растерянно спросила мама.

Но из-за её спины вдруг высказалась бабушка:

— Вот, даже ребёнок понимает! По-женски простудишься, будешь всю жизнь лечиться!

В поликлинику мы сегодня так и не пошли.

Мама с бабушкой долго спорили и препирались в кухне, бабушка, кажется, давила на то, что деревенская школа матушку прокинула с обещаниями, и хорошо бы им все эти претензии выкатить.

Я слушала-слушала, потом постаралась максимально по-детски сформулировать мысль и вышла в кухню.

— А нельзя устроиться на работу поближе к бабушке? У нас две школы рядом.

Я точно знаю, что когда она летом приедет и будет искать работу, в восемнадцатой школе ей скажут, что целый год маялись без учителя физкультуры, и буквально две недели назад нашли — где ж вы были, девушка...

Мама с бабушкой уставились друг на друга.

— А чё? — сказала бабушка. — Сходи да узнай.

— Думаешь, места есть в середине года? — усомнилась мама.

— За спрос в нос не дадут, — тихонько подкинула я.

— Правда что! — согласилась бабушка. — Сходи, спроси. Рабочий день ещё. Вдруг надо физрука? Переводом пойдёшь!

Вот оно, прозвучало это волшебное слово! «Переводом»! В этом случае и отработок не требуется, и стаж не теряется. И сумасшедшего детсадовского ритма удастся избежать.

Да, в прошлый раз матушка устроилась в садик от безысходности — ну не было больше рядом рабочих мест по пед. образованию. Эксперимент получился удачным. Для садика.

Работать в две смены — конечно, вперёд! Извините, няни опять нет, ах, что же делать... При этом Галина Николаевна и новатор, и активист, и дети её обожали. Грамот — хоть всю квартиру облепи! Печаль только в том, что дома мы её практически не видели, а на зарплате эта пахота сказывалась очень малосущественно. Очень хитрая в садах система. Вроде и

работаешь за троих, и спрашивают за троих, а получаешь за одного с маленьким хвостиком. И всё с цифрами в руках!

Если ей удастся в школу устроиться, думаю, педагогика ничего не потеряет. Просто в этом варианте реальности будет новатор-физкультурник. И дети её будут обожать, как везде. А если смотреть с точки зрения прилагаемых усилий, из всех педагогических вариантов физрук — самое милое дело. Тетрадей нет, уже здорово. Спартакиаду провёл — уже зрелищно, молодец, премия и всё такое.

— Иди, Галя! — подбодрила бабушка. — Нечего в той деревне сидеть, болезни одни.

Мама ушла, а я наконец спокойно прижалась в мягкому бабушкиному животу.

— Хулиганка ты, а? — спросила она.

— Ты не представляешь, как там холодно, — вместо ответа сказала я. — Печку не топят, батарей нет. Что за жизнь такая дурацкая? Ты не отпускай её, даже если она ничего не найдёт. По ночам лежим, трясёмся.

Бабушка неодобрительно поцыкала.

— Ай-я, дёрнуло же её...

— Грустно ей, — вслух подумала я. — Замуж ей надо. У всех муж есть, а у неё нет.

Это я имела в виду всех своих тёт, часть из которых была бабушкиными дочерьми, а часть — невестками. У всех был муж, а у мамы — нет. Непорядок!

Бабушка помолчала.

— А если он тебя обижать будет?

— Дядя Ринат же Лёшку не обижает, — резонно возразила я. Лёшка был сыном егс жены от первого брака. — Посмотрим. Познакомимся. Не обязательно за первого встречного замуж выходить, можно и подружить сперва, да?

Бабушка засмеялась и поцеловала меня в макушку.

— Баб, а у тебя тетрадка есть?

— Тебе зачем тетрадка?

— Рисовать хочу.

— Ну так иди альбом возьми.

— Он для красок, жалко мне.

— Пф! — фыркнула бабушка. — Я тебе ещё куплю! Иди, рисуй.

Я почти закончила набросок Акташа, когда примчалась мама, глаза по рублю.

— Мама! — чуть ли не закричала она с порога. — Есть место!

— В какой?

— В восемнадцатой!

— Ставка?

— Пока полставки, но предлагают на вторую смену на продлёнку выйти, а с сентября — ставка.

— Ну, согласилась?

— Согласилась, — мама плюхнулась в кухне на стул. — Вот, смотри! — она сунула бабушке листок, который та начала внимательно читать, сдвинув брови.

— Покажи, — попросила я и пристроилась рядом, прижавшись к бабушкиной руке.

В листе, сдобренном печатью и размашистой подписью, значилось:

«Гарантийное письмо» — и дальше, собственно, о том, что мама нам уже рассказала.

— Завтра поеду в Биликтуй, отдам в школу и документы заберу, — пояснила мама бабушке, — а в понедельник — на работу, в первую смену.

Класс.

04. ШИФРУЮСЬ

ПИКТОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

4 декабря 1981, пятница

Утром я проснулась поздно, часов в девять. Учítывая, что всё последнее время мне приходилось вставать и переться с мамой в школу, чтоб как минимум без двадцати восемь быть там, девять — это прям барство. А вообще, я — ярковыраженная сова, и заставлять меня идти куда-то в раннюю рань — издевательство над личностью. По честному, так я вообще плохо помню, что происходило на первых двух уроках, когда я училась в первую смену. Мой максимально продуктивный период — вечер и ночь. Иногда, правда, нападают на меня периоды рваного ритма, когда я начинаю спать как попало, а всё время в промежутках между снами книжки писать или рисовать всякое, но не думаю, что прямо здесь и сейчас кто-то мне это позволит. Спим до девяти — и то хлеб. И главное — спим тепло, какое счастье!

Мама укатила в Биликтуй, бабушка осчастливила меня молочной рисовой кашей с изюмом*, после чего я полностью поступила в своё собственное распоряжение и удалилась в нашу с мамой комнату.

*Который она называет «юзюм».

Вчера вечером я-таки выцыганила у мамы пару тетрадок и нормальную пишущую ручку. Ручка, правда, мазала. Кто не в курсе, это такой удивительный эффект, когда паста начинает немножечко подтекать, скапливаться на шарике стержня и может выдавать неожиданные жирные утолщения в буквах, не предусмотренные вашими намерениями. Столкнувшись пару раз с такой подлостью, я вспомнила, что в тетрадку была вложена промокашка. По временам начала восьмидесятых это уже излишество. Школы, по-моему, уж лет десять как массово с перьевых на шариковые ручки перешли, но промокашки пока продолжали вкладывать в тетрадки. Вот об неё я и стала периодически носик ручки обтирать.

Расписывать свои соображения в подробностях было опасно. Я с трудом представляла, как я смогла бы объяснить с мамой, если бы она нашла, допустим, мои аналитические соображения по двадцати предстоящим годам. Мдэ. А она найдёт, обязательно. Я, конечно, постараюсь, чтобы это было сделано как можно позже, но у неё на всякие записи и записки прямо нюх, были в своё время прецеденты.

Поэтому я размышляла, а опорные мысли зарисовывала. Иногда получались большие картиночки, иногда маленькие, иногда и вовсе пиктограммы.

Нет, в этих рисунках не было схемы волшебного спасения мира (и, в частности, СССР). Не думаете же вы, что я решила самолично, в одну харю, совершить столь глобальное чудо? Этакая «девочка в очках и заговор мировых элит». Чувствуете ассоциативный ряд, да? У меня, между прочим, и шрам на лбу подходящий есть. Нет, без дураков! Натуральный шрам, точно в нужном месте. Не совсем в виде молнии, конечно. След от встречи с батареей.

Эх, расскажу. Было мне тогда чуть больше года. Кому рассказываю — говорят: не можешь ты помнить! Ну, как не могу, если помню? Я, может, и запомнила-то именно от шока.

В общем, я мелкая, стою на диване, и спинка его мне удобно так под мышку подкладывается, опираться. Стою и детским своим соображением думаю: вот если я сейчас

побегу — вот так, чтобы спрыгнуть с дивана и разбежаться — ух, как быстро побегу, наверное! И все эти мыслишки не словами идут, как взрослому привычно, а чисто картинками, образами. И так мне эта идея понравилась, что спрыгнула я и побежала. И тут я понимаю, что не могу остановиться, и так меня быстро несёт, что ноги-то позади туловища — не даром говорят, что у детей башка тяжёлая. Ну и... пролетела весь зал, да лобешником прямо в батарею, в чугуниевое ребро. Больно, аж искры из глаз! Дальше помню, что реву и мама мечется вокруг. Она говорит, весь халатик у меня в кровище был. Как уж там зашивали или так пластырь прилепили — я чёт даже и не спрашивала, но шрам у меня есть.

Но даже наличие почти что волшебного шрама не поможет мне в борьбе с теми силами, которые решили Союз скушать. Да в борьбе с никакими силами не поможет. Тут разве что Владимир Олегович (муж мой драгоценный), появление которого я в отдалённом светлом будущем подозреваю, маленько поспособствовать исхитрится — и то... Как в Ералаше, что ли: «Кто на нас с Васей?» Смешно, конечно.

А Владимир Олегович заявиться должен. Столько лет по мирам ходить и на посошок вдруг свалить? Да хрена с два! Вообще на него не похоже. Когда только — вот вопрос. Временные и вероятностные ветки — штука сложная.

А пока я его жду, сто́ит озаботиться выживанием. В стране начался дефицит. В восемьдесят первом в Иркутске, едва ли не ранее, чем во всём СССР, были введены первые талоны: на мясное и на масло. Для меня факт поразительный и ничем, кроме целенаправленного угнетения области, необъяснимый. Когда в школе, в мой первый вариант жизни, я писала доклад о переселенцах столетней давности и работала в отделе редкой книги Молчановки*, меня поразила информация о количестве производимого в начале XX века в нашем регионе мяса и особенно — масла. Сибирское маслоделие регулярно выхватывало призовые места и золотые медали на всяческих мировых выставках, а дохода приносило больше, чем вся Российская золотопромышленность! А тут — 300 грамм в месяц на человека, и то поди отovarь...

*Библиотеки им. Молчанова-Сибирского

Лучше в ближайшие годы не станет, будет только хуже, к восемьдесят восьмому году по талонам станет практически всё, остро потребное для жизни. Последние талоны напечатают в начале 1992 года и не выдадут народу только потому, что из Москвы придёт приказ отпустить цены — и наступит всеобщий дикий рынок... Я даже не знаю, честно говоря, что хуже: тотальный дефицит или безудержная инфляция и миллионы, на которые не знаешь, что купить, пока они не обесценились. Тут, как говорится, «оба хуже».

И что делать?

Листочек покрыли рисунки колбасок, куриц, сыра и прочей еды, за которой вскоре придётся стоять часами, причём иногда всей семьёй, потому что «не больше килограмма в одни руки» и тому подобное. Голодать — второй раз, с*ка, голодать! — не хотелось категорически. Носить будет тоже нечего, но это чуть позже. Листок покрылся красивыми, жирными, креативными вопросительными знаками, похожими на изогнутые воздушные шарики.

Мы будем вытягивать за счёт дядь Рашида с тётей Валей (это которые в одном доме с нами живут-то, в другом подъезде, я рассказывала), им как раз нынче привалило счастье — дача. Аж четыре (смешно, да?) сотки*. Там будут грядки. Это шанс, мдэ.

*Бывало и меньше — три, например.

Хотя, казалось бы: куда уж меньше?

Но, вы меня извините, за прошедшие годы я приобрела скверную привычку кушать мясо каждый день. Во всяком случае, в любой момент, когда мне этого захочется. А не вот это вот «месячная норма на выбор: 1 кг мяса, *либо* 800 граммов колбасы, *либо* килограммовая пачка пельменей на человека (включая несовершеннолетних)». В реале мяса было не достать, если только кости, прикрытые некоторым намёком на мясо. Колбас, в самом шикарном случае, предлагалось аж ДВА вида: «Русская» (с кусочками жира) и «Молочная» (без жира, соответственно) — и исключительно от Иркутского мясокомбината, который с каждым годом пихал в продукцию всё больше и больше пищевой целлюлозы (читай — картона), желатина, сои и прочей бяки. А я такое уже не ем. Сосиски по справкам, только для диабетиков. Изредка привозили ещё супнаборы. Их на талон давали то ли два килограмма, то ли четыре. Вот оно, изобилие — четыре килограмма костей, покрытых тонкой плёнкой заветренного, тёмно-бордового, почти чёрного мяса.

Фубля.

Чё делать, главное?

Садоводческий участок раньше девяносто первого года получить — шансы до крайности слабые.

НО! Вовка, помнится, говорил, что в Пивоварихе спокойно продавались старые дома. А дом в деревне — это автоматически огород! Я нарисовала домик. И рядом кружку с пивом, чтобы, тысызыть, отметить название населённого пункта.

Ещё лучше то, что в деревне (в отличие, кстати, от садоводства) можно спокойно держать скотину. Как минимум, курочек, кроликов, поросёнка.

Рядом с домом выстроились клетки с кролями, пошли клевать куры, упитанная хрюшка выглянула из-за забора.

Кстати, работала со мной бабуля одна (в далёких с любой стороны двухтысячных) держали они с дедом кроликов. Мало того что мясо, так ещё и вся семья в шубах-шапках. Да, кролиный мех на одну зиму. Да и пофиг! К следующей зиме шкурок ещё накопится! Со шкурками я, так-то, немножко умею, надо будет только найти, где всякая потребная для обработки химия продаётся.

Ну вот, уже свет в конце тоннеля! Если у нас будет еда, на неё можно будет выменять практически всё.

А если нет?

Если всё это не выгорит, есть ещё вариант «вундеркинд». Я нарисовала человечка со звездой во лбу. Вундеркиндом-математиком быть не хочу, не вижу себя в профессии. Вообще профессию менять не хочу. Хочу быть писателем. И немножко художником.

Но тут, товарищи, возникает следующий вопрос. В СССР нормально платили за любой вид публикации — что в газетах-журналах, что на телевидении (папа мой, помнится, изумлялся, когда у него на соревнованиях взяли интервью, как у тренера, а потом по почте пришёл квиток на получение гонорара, чуть не двенадцать рублей, не такие уж малые деньги в 1985 году). А вот платили ли что-нибудь детям? Допустим, пришлю я в редакцию условного «Костра»* рассказ, и его печатают. Что-нибудь хоть кому-нибудь полагается?

Хотелось бы не предположений, а минимальной хотя бы конкретики.

*Журнал для средней школы.

Написать, что ли, да послать куда-нибудь? Я рисовала книжечки. Открытые, закрытые. Толстые и тонкие томики. Что-то же я читала об авторском праве...

Блин, не юрист я ни фигя, да к тому же привыкла пользоваться интернетом, а вот так, чтоб на память... Нет, авторское право было точно. Причём, насколько я помню, никуда не надо специально обращаться. Как-то там... публично произнесённое, в любом виде опубликованное и даже, вроде как, рукопись. Коряво звучит. По-любому, в законе как-то более гладко всё это, но суть такая. Потом, был период, когда страна вступила в международную... конвенцию?.. короче, в какую-то международную фигню по авторскому праву. Было это то ли в шестидесятых, то ли в семидесятых годах. Я рисовала циферки, толстые, как рогалики.

О! Кстати, рогалики сейчас продаются офигенно вкусные. С маслом — так вообще отпад, потом таких не будет, удешевится всё, упреснится, да и масло пойдёт на вид маргарина...

Так, о чём я? Конвенция (для удобства уж будем так). Потом Россия из неё выйдет и будет руководствоваться исключительно собственными законами. Но, в любом случае, авторское право есть. И о том, что правом на авторское право (симпатичный оборот получился) обладают только совершеннолетние, я ни разу не слышала. Надо будет уточнить. Если такого действительно не сказано, то я смело смогу публиковаться. А законным представителем будет мама. Или папа.

Ну, что, как справедливо сказал (в отдалённом светлом будущем) один знакомый автор: процесс писательства — моторный навык. В среднем ненапряжном режиме я могу выдавать авторский лист (примерно двадцать пять листов машинописного текста) за четыре дня.

Но это за компом.

Компьютера нет — значит, автоматически все правки усложнятся, а процесс закрепления текста на бумаге замедлится. Раза так в четыре. Или в шесть...

Никакого фэнтези (кроме, фактически, Толкиена, который издавался в странных переводах, больше похожих на вольные пересказы), попаданчества, боярок и прочего «непотребства». Лукьяненко своих «Рыцарей сорока островов» опубликует только в девяностых, остальные «попаданчеры» где-то также потянутся. Пока с трудом одобряется разве что фантастика, и то — строго придерживающаяся линии партии. Да и тему нужно выбрать максимально детскую, иначе как (ну, реально — как?) объяснить феномен взрослых переживаний у ребёнка?

А опубликоваться, наверное, проще всего будет в детском журнале типа «Пионера» или «Костра». Есть ещё газетный вариант, «Пионерская правда», одно время, помнится, там даже Булычёв со своей Алисой и лиловым шаром печатался. С одной стороны — вроде как газета, страницы серые, и вообще всё это непрочно, а с другой — зато выходит два раза в неделю (продолжения по месяцу ждать не надо) и стоит всего одну копейку. Некоторые умудрялись и из газет подшивки делать, если хотелось книгу сохранить.

Я начала было рисовать бегущую девочку в космонавтском шлеме, но остановилась, уставившись на лист. Нет. Вторично. А потом... Однажды где-то кто-то брякнул, что женщине ассоциировать себя с героем-мужчиной гораздо проще, чем мужчине — с героем-женщиной. Я перевернула лист.

Это будет мальчик. Мальчик Коля, который по какой-то причине переезжает жить из большого и шумного города (типа Москвы) куда-нибудь в глушь. Пусть это будет связано, скажем... с распределением брата. Ну, после института которое. Молодой перспективный специалист едет осваивать для Родины некие природные богатства. А Коля за братом

потащится — сперва в гости.

Рука сама собой начала рисовать здоровенную воронку в земле.

А что? Вот туда они и поедут. Железногорск-Илимский — отличное место для всяких приключений! Горно-обогатительный комбинат, молодой город вокруг него, тайга — глуше некуда, сибирские реки, пещеры есть! Приключайся — не хочу! Братец — инженером на ГОК как раз и приедет. А там тебе и БелАЗы — вот это впечатляющая махина! Про технику сейчас любят. Человечка рядом с БелАЗовским колесом нарисовать — смотрится оглушающе. И про белоснежные пески Янгеля*, из которых варят оптику не хуже Цейсовской, тоже можно вставить, никто же не знает, что Союз через десять лет развалится, и производство забросят, а городок превратится в город-призрак... Пока есть повод гордиться. Соцреализм в полный рост.

*Маленький, заброшенный

в период перестройки

городок. Пески там

белые-белые, сказочные...

Такс. Это техническая сторона.

А теперь — природа. Дремучая чаща стоит стеной сразу вокруг городка. Через дорогу от дома начинается ягодник. Пацан попадает в такие места, где можно зайти в лес и несколько недель идти, никого не встретив. Зверя полно.

Я задумалась.

Нужен кто-то, кто станет проводником в «дикий мир». Допустим, тунгус или эвенк. Нет! У Вовки-то такой друг был... удэгеец! Вместо СВД дадим ему что-то разрешённое... условное ружьё.

В принципе, в эту историю можно вплести и попытку огородничества в условиях крайне короткого лета. Пионеры-ботаники. Победа над трудностями, человек и природа. Все молодцы.

А что, вполне такая пионерская проза получается. И экстрим. И всякого экшена можно понавтыкать. Одна история про то, как из тайги кабан выскочил и начал вокруг «Урала»* гонять, охотников караулить, которые на крышу залетели, не помня себя, как — а у них мало того, что разрешения на кабана нет, так ещё и одна мелкашка** с собой. Или про то, как люди реально чуть не замёрзли, еле дошли до зимовья. С медведями эпизодов сколько!

*Не того «Урала», который мотоцикл,

а того, который грузовик с кунгом.

**Малкалиберные винтовки,

на кабана категорически бесполезные.

Думаю, неплохо выйдет. Пока у детей мозговулины не засраны человеками-пауками, человеками-тараканами и прочими летучими мышами, должно неплохо читаться.

Тетрадка моя приобрела вид совершенно хаотического граффити, кто не в курсе — фиг поймёт. Единственное, что меня смущало: линии у меня остались уж больно уверенные. Поначалу, вчера ещё, непривычно было. Рука маленькая, пальчики крохотусечные, все предметы крупными кажутся. Даже первые штриховки ложились криво, но я упорно старалась. Полвечера я раскрашивала. Ещё за полвечера испещрила тетрадь в клетку всяческими узорами и схемками. И что в итоге — рука начала держать карандаш и ручку более чем уверенно. На очереди кисточки, но это чуть позже.

Что касается писательства, то, однако же, не миновать мне встречи с печатной

машинкой. Иначе как — сдавать какой-нибудь машинистке? Это опять платить. Да ещё за два экземпляра (ибо защитой своих авторских прав я собиралась озаботиться), а для этого — либо к нотариусу нести, либо по почте себе отправлять, в любом случае текст нужен.

А машинку, кстати, я даже знаю, где взять. У тётъ Клары на шкафу стоит, я видела. Не знаю уж, для чего они её покупали (или тоже у кого-то взяли), но это из разряда чемодана без ручки: никому не надо, а выбросить жалко — вещь! Как бы так исхитриться, выпросить её у них хоть на короткое время? Попробовать. Вдруг я не смогу с компьютерной мягкой клави* перестроиться? Тогда ничего не поделаешь, придётся кому-то за перепечатку платить, потому что бросать идею сочинительства я не собираюсь.

*То есть «клавиатуры».

И, кстати, знаю ещё один сюжет, который должен неплохо зайти в более взрослое издание. Всегда хотела написать о женщинах тыла во время Великой Отечественной. И я даже знаю, кто будет в центре.

Я захлопнула тетрадку, сунула её в середину стопки раскрасок и пошла в кухню:
— Баб, расскажи мне, как ты в войну председателем колхоза была.

05. МОЛОКО, РИСУНКИ, ЛЫЖИ...

ТРИ ПОРОСЁНКА

Мы душевно поболтали с бабушкой, и тут она заторопилась:

— О, чё я сижу-то! За молоком же надо!

— Я с тобой! — подскочила я.

— Ых, — с досадой заметалась бабушка, — мы вдвоём-то ещё дольше собираться будем, разберут всё молоко.

— Да не разберут! Я живо! — я бросилась одеваться. — В три поросёнка* пойдём?

— Конечно, куда ещё, — бабушка с кряхтением натягивала рейтузы. Зима ж!

*«Три поросёнка» —

любовно-народное название

типовых магазинов,

выстроенных тремя приземистыми

квадратными коробками в ряд

с небольшим смещением по диагонали.

Я нарядилась молниеносно, схватила хозяйственную сумку и кошелёк с мелочью, лежащие на табуретке — там ещё не самообслуживание, очередь до прилавка, денег сразу заплатить не будет — махом меня гулять отправят, а потом ведь и не пустят вперёд, вот и стой заново. А я без молока жить непривыкшая, мне чай с молоком для фунгиклирования мозговулин потребен!

— Ба, я побежала! Очередь займу!

— Да куда... — только и успела сказать она, но я уже крутанула ручку нижнего замка и выскочила в подъезд.

До трёх поросят надо было спуститься через три больших двора, великанскими ступенями уходящих по сопке вниз. Две больших лестницы, практически двухэтажных, и ещё две маленьких. Бежать в три поросёнка я не боялась — хулиганья в этих дворах особо не водилось, никогда я не слышала, чтобы у ребятишек мелочь отбирали или ещё что. А бегала я, хоть и мелкая была, как заяц.

Вон и магазины!

В ближнем к нам располагался хлебный, потом овощной, в который я заходить не любила (пахло там как в заброшенном овощехранилище: сыростью, землёй и холодом), и последним — заветный молочный!

К магазинам я подлетела без десяти два, и в очереди была уже пятнадцатой (да-да, очередь перед закрытой дверью — с часу до двух продуктовые на обеде). Ну, пятнадцатая — это неплохо, без молока не уйдём! Было слышно, как за двумя дверями погромыхивают выставяющиеся ящики из толстой проволоки, в которых привозили молочку. Стеклянно звенела тара.

Молоко у нас в Иркутске всегда было только литровое. По пол-литра наливали кефир, сливки, ряженку. В маленьких баночках по двести миллилитров — только сметану. На этом в те замечательные годы ассортимент молочки в стекле заканчивался. Поверх бутылок на молочку у нас в Иркутске никаких маркировок и этикеток больше не клеили. Вся необходимая информация продавливалась на крышечках из фольги. Иногда они были разноцветные, но иногда (наверное, когда нужная фольга заканчивалась) — одинаково

серебристо-серые.

Иной раз сметану привозили только разливную, и бабушка для такого случая ходила в магазин со своей банкой. Бывало, что и молочная бочка приезжала. Для разливного молока мы держали трёхлитровый бидончик. Да, мне всегда казалось, что разливное молоко вкуснее, но мама не очень одобряла: то в бидон недолюют, то бочки недомоют, то, пройдохи такие, водой бодяжат. Не знаю, как на счёт недомоя, вроде, никто не помер. Меня другое удивляло: я никогда не могла угадать, по какой схеме появляются эти бочки и сметаны. А всё время с бидоном тоже не находишься, как дурак.

Иногда, внезапно, непонятно по какой причуде, молоко вдруг вместо бутылок привозили в треугольных* пол-литровых картонных коробках. Но сегодня должно быть обычное — гремят же.

*Странно-неудобных, не призмой, а тетраэдром.

Вообще, в этом магазине было два отдела: молочный и всякий-разный (сейчас бы я условно назвала его «прочая бакалея», а в детстве никак не могла определиться). Но все стоящие конкретно ждали молока. Пока стояли, я заглянула в кошелек: три рубля с копейками. Ну, молоко, положим, сорок шесть, это я помню. А сметана? Баночку надо.

— А сметана сколько стоит? — спросила я у бабульки, за которой стояла.

— Так, тридцать семь копеек! — подняла брови бабуля.

— Спасибо, — я углубилась в подсчёты. Получалось, мне нужно два литра молока и сметану. Рубль, двадцать девять. Ну-ка, может, я мелочью наберу...

Ровно в два загремели замки. Сперва глухо — внутренняя дверь в магазин открывается, потом громко — непосредственно перед нами, двери в «предбанник». Народ втёк стремительным потоком и меня заодно внёс. Никто, надо сказать, из очереди меня вытеснить не попытался — а за нами к открытию собралось ещё человек сорок. Люди плавно заполнили больше половины пространства для покупателей, весь длинный паровозик — в основном пенсионеры и дети (работающие-то на работе все) — сложился петлями и спрессовался. О личном пространстве здесь весьма условное представление.

Продавщица попалась бодрая, очередь таяла на раз-два. Вот и бабуля передо мной составляет кефирчик в авоську.

— Мне две бутылки молока и баночку сметаны! — я высыпала в блюдечко перед продавщицей свои копейки.

Она шустро пересчитала и сгребла мелочь, выставила продукты:

— Следующий!

В том месте, где очередь заканчивала стоять сплошной стеной, послышались недовольные голоса:

— Женщина, ну куда вы без очереди?!

— Да вон моя внучка! — я узнала взволнованный бабушкин голос.

— Баба, я уже купила! — крикнула я, сгружая свои бутылки в сумку.

В ответ на мой тоненький вопль стена бабусь раздвинулась и вынесла меня на берег, где хлопала крыльями взъерошенная баба Рая. Волосы аж из-под пухового платка выбились, что ж так волноваться-то...

— За хлебом пойдём? — предложила я.

— Ну, пошли, — она вздохнула. — Масло надо было спросить.

— Нету масла! — услышала продавщица. — В понедельник будет привоз.

— Ну, вот! — почему-то обрадовалась я. — Пошли, булочку с изюмом купим?

— А чё, стряпанно не хочешь? — удивилась она, выходя из магазина.

— Тогда мало молока взяли, — резонно возразила я. — На стряпню сразу бутылка уйдёт!

— Хм, — бабушка поджала губы. Молоко водой разбавлять она не любила. — Тогда картошки пожарю с колбасой?

Она, наверное, не столько спрашивала меня, сколько думала вслух. Но идея жареной картохи — да с колбасой! — вызвала у меня приступ восторга. Так вкусно, как бабушка, никто это делать не умел.

— Давай!

В хлебный мы всё же зашли и булок купили, хотя вид открытых витрин, наполненных хлебом, который люди брали просто руками, вызывал у меня желание зажмурить глаза. Мама дорогая... Хорошо, у нас хоть был пакетик с собой, потому как в магазинах никакой упаковки было не предусмотрено, даже купить.

С другой стороны, забыла я, что ли, как мы с Танькой и Иркочкой летом за хлебом ходили? Пока назад булки тащим — что они, что я корки пообкусываем. Вкусно же, пока горячий. Хрустит. А пахнет одуряюще! А пакетов чаще всего не было, мдэ.

ОТ СЛОВА ХУДО

Дома я наелась булки с молоком, потом борща со сметаной — именно в таком порядке, не могла удержаться, аж тряслась, помыла посуду (это всю жизнь моя обязанность) и пошла к себе. Была у меня мыслишка: кое-какие зарисовки к будущей повести поделать. Тем более, бабушка сказала, альбомов мне ещё купит. Можно сильно себя не ограничивать...

Всё было здорово, пока я не поняла, что плохо помню линии сопкок вокруг Коршуновского ГОКа. А как выглядит карьерный самосвал в восемьдесят первом году — вообще имею весьма смутное представление. Да и анатомию зверей бы подглядеть где-нибудь, чтобы не опростоволоситься со своими художествами. Блин, как интернета-то не хватает! Мне надо было много чего. Как выглядит Москва и, в частности, вокзал? Поезда дальнего следования — внутри и снаружи? И прочее, и прочее...

Единственным путным источником информации на данный момент могли быть книги. Энциклопедии, альбомы с фотографиями или рисованными картинками. Нет, лучше с фотками, а то знаем мы этих фантазёров.

А единственным источником книг в больших количествах была что? — Библиотека!

Местная, детская художественная, сидящая пока в приспособленной квартирке в соседнем доме, для этих целей не годилась совсем. Набор книг там был убогий. Вот когда они в новое здание переедут, в пристрой к девятиэтажке, тогда у них и хранилище приличное будет, и в читальном зале всякое интересное. А пока... В школу, что ли, ломануться? Прикрыться матушкой, попроситься в библиотеку? Библиотекаря там, вроде, неконфликтная тётка была — если там работает сейчас именно та, которую я помню. Постараюсь навести дипломатические мосты. Другого варианта у меня всё равно нет.

Значит, в понедельник нужно будет постараться совершить рейд в школу.

А пока... я пристроилась у окна и сделала несколько зарисовок. Сильно мне хотелось нарисовать бабушку, но я очковала раньше времени вскрыться. Надо будет в этой школьной библиотеке что-нибудь про обучение рисунку и живописи найти, типа я сама по книжке научилась. Научилась же я как-то сама читать? В три года, никто не знает — как. Значит, и это вполне сможет прокатить. И в тему рано проявившегося таланта вполне впишется.

Потом мы с бабушкой ужинали, и я снова в подробностях расспрашивала её обо всяком

житье-бытье: и что она из детства помнит, и про революцию, и про войну... Потом она пошла новости смотреть, а я всё-таки достала вторую непечатую тетрадку и сделала целую кучу заметок.

Посмотрела на свои записи.

Ой, проблемы будут у меня с аттестацией... Почерк-то фактически взрослый, скоропись. Нет, пишу я очень разборчиво, но букву «т», допустим, привыкла писать полупечатным вариантом, а не так, как положено, тремя крючочками. И «ш» всё время снизу подчёркнуты, а это по требованиям запрещено. Мда. Ну, буду стараться, что сказать.

Надо, кстати, за этот год выяснить, как у них тут с экстернатом обстоит. Не сидеть же мне, в самом деле, десять лет за школьной партой. К тому же я, вроде, собралась вундеркинда изображать. Надо как-то всё это по-умному обстряпать.

Потом я долго думала: куда бы затолкать эти записки? В конце концов засунула внутрь цилиндрического жестяного чемоданчика с кукольными вещичками. Надеюсь, мама туда не полезет.

Спать одной на полуторной кровати можно было хоть поперёк. Я завалилась с книжкой, выбрала из того небольшого набора, что имелся: Пушкинские «Повести Белкина», из которых я более всего люблю «Барышню-крестьянку» и «Метель». За этим чтением бабушка меня и спалила, выключила свет и книгу отобрала, возмущаясь, что «уже полдвенадцатого, а она читает!»

КОГДА ЭНЕРГИЯ ПРЁТ

5 декабря 1981

Мама приехала в субботу утром. Хорошо, что я в прошлый раз подбила её проигрыватель привезти, и так у неё целый чемодан вещей оказался — такой же, как тот, что в прошлый раз у нас с собой был, тоже коричневый, на молнии, с округлыми уголками и ремнём, да ещё целый куль объёмного барахла, в покрывало увязанный. И тащилась она со всем этим счастьем по автобусам, как мы позавчера.

— В этот раз с двойкой повезло, пятнадцать минут всего ждала! — победно объявила она.

Ночевала снова в дубаке, явно толком не поела, притащилась с кулями, но на удачном автобусе — уже радуемся! А ещё её явно распирало от ощущения начала чего-то нового в своей жизни, и это чувство требовало бурной деятельности. А делать пока было особо нечего. Мама быстренько растасовала барахло по шкафам и вешалкам и остановилась посреди зала, уперев руки в бока:

— А пошли на лыжах?

— Пошли!

Термометр, приколоченный штапиковыми гвоздиками к раме балконной двери, показывал всего минус двенадцать. Пока соберёмся да дойдём, ещё потеплеет.

Мама загнала меня в комнату, открыла балкон и извлекла наши лыжи — простецкие деревянные, но просмолённые (это считалось довольно круто). Дальше из какого-то ящичка извлеклась мазь в виде невнятного куска, и мама натёрла ею обе пары (к этому моменту меня уже выпустили в зал). Насколько я понимала из своего последующего опыта, технологически всё это было довольно примитивно, но, наверное, всё же, лучше так, чем никак.

Мамины лыжи были с нормальными креплениями и страшными-страшными чёрными ботинками*, а мои — с кожаными колечками под носики валенок и приделанной к ним

резинкой для пятки, чтоб с ног не слетали.

**Натуральная кожа, типа кирзы,
а в выступающем носке подошвы
дырки под штырьки креплений.*

Холодные они были, просто атас.

*Всегда брали на размер или два побольше,
чтоб толстый шерстяной носок влез.*

К лыжам полагались палки — алюминиевые, с пластмассовыми кругляшами внизу. Мои палки по росту были нормальные — как раз мне под подбородок, а вот лыжи коротковаты, никак не на длину вытянутой вверх руки. Ну, ничего. Пойдёт пока.

Первая нестыковка случилась перед самым выходом.

— А я что одену*? — спросила я.

*Да, я знаю, что «надену».

Но как же меня это раздражает иногда...

Я стояла в коридорчике, уже в своих блатных штанах (болони поверх толстых) и в свитере, и непонимающе смотрела на почти пустую вешалку.

— Как что — шубу! — мама сняла мою тяжеленную цигейку с крючка.

Я отступила на шаг назад.

— Да ты что, я же в ней сварюсь! Двенадцать градусов всего. Да десять уже, наверное.

Куртки-то нету, что ли?

— Ну ты чё, Оля! Какая куртка? Зима!

— А сама ты что в куртке?

— Я же взрослая! — выдвинула убийственный аргумент мама.

— Хм! А я что — иду кататься или как памятник стоять?

Мама сморщилась в сомнениях.

— Ну, давай ещё кофту оденем, — предложила я, — а сверху куртку.

Всё же легче будет. Как в цигейке на лыжах-то бежать?

Последний вариант с трудом, но был принят. Мне притащили из шкафа курточку, но с условием:

— Если только холодно станет — сразу говори!

— Ага, — просто согласилась я, чтоб лишнего не брякнуть. И мы пошли.

До леса нужно было пройти четыре дома, стоящих вдоль дороги, плюс один — торцом. Потом начинался небольшой кусок сосновых насаждений — прямоугольник уже практически взрослых деревьев, растущих стройными рядами, а потом уж обычный для Иркутска смешанный, в основном сосново-берёзовый лес. Впереди нас по тропинке в сторону леса шла парочка компаний. Оглянувшись, я заметила, что и позади тоже идут лыжники. Короткий зимний день входил в свой тёплый пик, и люди торопились покататься с удовольствием.

Перед сосновым квадратом земля поднималась вверх небольшим двухметровым уступом. Я сунулась было туда, но вблизи уже сообразила, что ямки в склоне (которые вместо ступенек) сделаны под взрослый шаг, и мне забраться именно здесь не светит. Пришлось пройти метров на пятнадцать в сторону, где подъём был совсем пологим. Я шла и думала: да, Оля. Пора осознать, что ты — очень маленькая собачка...

...Однажды (году, однако, в две тысячи двадцать первом) мы подобрали на улице щенка настолько мелкого, что собацкая докторица поначалу аж приняла его (её, вообще-то) за

тойку. Собачка подросла, но не сильно. И хорошо работала звонком, но поначалу отчаянно боялась чужих. Когда муж однажды начал возмущаться: что, мол, это за собака такая трусливая, я сказала:

— Вова, просто она отлично осознаёт свои габариты.

Вот и мне, пожалуй, пора начать чётко осознавать свои габариты. Смерить себя надо, для начала. Интересно, метр роста хоть есть?

Народу в лесу было множество. Среди обычных отдыхающих выделялись высоченные прогонистые* мужики в форме, очень похожей на профессиональную спортивную. Помню свои ранние детские ощущения (я на лыжах лет с трёх), когда они проходили мимо: мне казалось, что головы этих дядек где-то на одном уровне с вершинами сосен...

**Не знаю, бытует ли
слово «прогонистый»
где-то, кроме Сибири,
но у нас оно применяется
для людей высоких,
с удлиннёнными руками-ногами,
не широких в кости,
зато очень выносливых.*

Народ в основном ломился по главной трассе. Я её как раз любила не очень. Была она торная, но... Вот сейчас с полкилометра относительно пологий спуск, и сразу начнётся долгий, выматывающий подъём, а за ним — снова спуск, но уже крутой. А с таких гор при своём мелком росте я ездить боюсь. Да я вообще длинных крутых гор боюсь, трусиха я. И рулить я не успеваю. А тут, на минуточку, ни фиги не чистый склон. Метра четыре ширина извилистого спуска, а со всех сторон — нормальные сосны. При этом тут же нескончаемым потоком люди идут вверх — по краю. А по центру те огромные дядьки, про которых я упоминала, летят вниз. Они-то, конечно, рулить умеют. Но представляю, какие чувства испытывают эти товарищи при виде кого-нибудь типа меня, раскорячившегося посреди дороги...

Поэтому, слегка скатившись, я свернула с основной трассы направо.

— Оля, ты куда? — окликнула меня мама.

— Пошли там! — махнула я рукой. — Там тоже лыжня. И горочки, смотри, какие удобные.

Горочки там правда приятные. И небольшие, как раз для меня, вверх-вниз. А в конце сворот и хороший пологий спуск, когда катишься, катишься, чуть ли не целый километр, а скорость примерно всё одна и та же — умеренно-быстрая. Приятный спуск, одним словом. И прибываешь ровно на ту же Лунную поляну, что и в первом варианте, только не слева, а справа.

А на Лунной поляне — хорошая лыжня большим овалом, как будто стадион, а вокруг — сопки, да все разные, есть покруче, есть поположе, вот и получается, что горок накатано множество и на самый разный вкус и уровень. Мечта лыжника выходного дня!

Мы катались часа два, пока солнце не перевалило за сопку и поляна не начала наполняться длинными тенями. Сразу стало прохладнее, и народ потянулся по домам. И мы тоже.

06. СЪЕЗДИЛИ С ПОЛЬЗОЙ

ПЛАН-ПЕРЕХВАТ

6 декабря 1981

Часов в десять меня разбудил разговор. Мама с бабушкой оживлённо обсуждали, у кого они давно уже не были, и что хорошо бы к Кларе.

Удивительно тоже. Когда мы жили с бабушкой, каждое — каждое! — воскресенье на протяжении нескольких лет они с мамой поднимались и ехали к кому-нибудь из родственников. Чаще всего это была или самая старшая бабушкина дочь, Заря, или вторая по старшинству — Клара.

Вариант тёти Клары в детстве привлекал меня сильнее. Во-первых, у них посреди двора образованного четырьмя стоящими квадратом пятиэтажками, имелась здоровенная игровая площадка с качелями и большой деревянной горкой (зимой можно было кататься, а летом — всячески лазить в своё удовольствие). А во-вторых, у тёти Клары была угловая квартира, а дома в упомянутом квадрате — соединены между собой двумя рядами огромных квадратных балконов, которые все называли «лоджия». Большинство людей эти лоджии, конечно, почти сразу застеклили — получились такие летние комнаты. У дяди Вали даже топчанчик там был сгорожен. Честно сказать, он и зимой иногда на нём умудрялся спать, если переберёт. Лежит себе, чуть не инеем покрывается — и хоть бы что!

Лоджия как архитектурный объект меня восхищала. И вообще, в отличие от нашей, трёшка у них была полнометражная, и бóльшая степень свободы мне тоже нравилась. Но сегодня меня влекло нечто другое. Очень мне хотелось выяснить: что за печатная машинка хранится у них на шкафу, работает ли она, и на каких условиях они согласны одолжить её на неопределённое время? Последний пункт был самым слабым в плане, но я надеялась на... на что-нибудь.

Бабушка поглядывала в окно и в определённый момент скомандовала: «Пошли!» — после чего мы начали собираться как красноармейцы по тревоге. Всё дело в том, что микрорайон наш не до конца застроен, часть нижней дороги, по которой идёт двойка, всё ещё видно, и времени нам как раз хватает, чтобы нарядиться и вылететь на остановку к прибытию автобуса.

Автобус, естественно, тоже был лиаз, только на этот раз красный, как пожарник. Мама по привычке поставила меня на козырное место позади водительской будки. С другой стороны — какие могли быть варианты? На руки к ней я лезть не хотела, да и тесно в зимнем. Народу много, дети все всегда стоят. Смотреть в большое стекло — не худший вариант.

Ехать предстояло не так далеко, но с пересадкой: напрямую из Юбилейного в Солнечный ничего не ходило.

Мы доехали до Байкальской и увидели выезжающий из Солнечного шестнадцатый автобус. Мама с бабушкой, переглянувшись, даже дорогу переходить не стали. Этот автобус, вполне возможно — единственный на линии, а значит, пока-а-а он до Рынка доедет, да пока-а-а вернётся. А тут идти десять минут. Бабушка у нас пока бодрая.

Дверь у тёти Клары, как всегда, стояла не запертая. Я как-то спросила их — почему они не закрываются? Дядя Валя очень удивился и говорит:

— Ну, мы же все дома.

Я не нашлась, что на это возразить.

— Здра-а-авствуйте! — с порога возвестила бабушка.

— Ой, мама! — закричала тётя Клара из кухни. — Так я и знала, что вы приедете! Тесто поставила!

Все выбежали нас встречать, и в узком коридоре сразу стало тесно. У тётя Клары* с дядь Валей было две дочери, обе старше меня. Алёнка на восемь лет, модница и выпендрёжница, а Ира на десять, отличница, комсомолка и так далее. При этом Алёнка была копией татарки-мамы, жгучая брюнетка, а Ира — беленькая, вся в отца.

*Да, покойный дед Нугман

назвал двух дочерей

в честь революционерок:

Клары Цеткин и Розы Люксембург.

Тётю Розу все очень любили,

была она доброй, весёлой

и красоты удивительной,

но умерла молодой —

что-то с почками случилось,

и не смогли спасти...

Пошёл шум-гам и громкие разговоры. Мама с бабушкой сразу ушли к тётя Кларе на кухню, где шипело масло и жарились пирожки. А я тихонько прошлась по комнатам, вспоминая, как тут у них всё...

Мебель у тётя Клары с дядей Валей вся была полированная, блестящая. Не думаю, что они специально выбирали что-то особенно модное — покупали ведь то, что в магазинах было. Интересно, что вместо крайне распространённых стенок в зал они поставили три шкафчика на ножках одного типа и цвета, но немного отличающихся — даже по высоте. Первый шкаф был с большим остеклённым верхом — то, что называется «горка». Полным хрусталя. Нет, что ни говорите, хрусталь — это красиво, в разы красивее тупо гладких бокалов. Второй шкаф — с глухими дверцами, как под документы. А третий — книжный. Я непроизвольно затормозила около полок. Попросить почитать что-нибудь?

Мда. Классика у нас и так была, пусть набор немного другой, но легче нужное в библиотеке взять, чем в такую даль с пересадками таскать, а из прочего меня заинтересовал разве что двухтомник Макаренко, но это я уж в прошлой жизни несколько раз перечитывала и сейчас острой потребности освежать воспоминания не ощущала.

Здесь же стоял раздвижной, прямо как у нас, обеденный стол и шесть венских стульев с мягкими сиденьями. И большой бордовый диван. И люстра в зале, кстати, висела хрустальная, из множества сверкающих пластиночек. Смотреть люблю. Мыть не люблю, мда.

В коридорчике, соединяющем три комнаты, прижимался к стенке трельяж. Вот такую штуку я хочу! Причёску со спины видно, класс! Я пошевелила боковые створки и увидела, что на полочках стоят духи и одеколоны. Духи я, честно сказать, не очень люблю, а вот одеколон в большом голубом флаконе с грушей-пшикалкой с детства мне нравился. Я взяла увесистую стекляшку и осторожно понюхала. Запах был приятный и не похожий на среднестатистические мужские ароматы. Пахло дирижаблем над васильковым полем. Такая вот ассоциация, не могу лучше объяснить.

В родительскую спальню я заходить не стала — неудобно как-то. Заглянула в открытую дверь. Две составленных рядом кровати-полуторки, трёхтумбовый шкаф чуть не до потолка, на полу — метра два простой ковровой дорожки, бордовой, с зелёными бордюрами по краям. В углу — восхищавший меня в детстве абажур со шнурком-дёргалкой.

У Алёнки с Ирккой стояли такие же кровати, но по углам. Два секретера и плательный шкаф — двухтумбовый и пониже, чем родительский. А на шкафу как раз и просматривалась печатная машинка.

Алёнка зашла в комнату и увидела, что я стою на цыпочках и тяну шею.

— Ты что, печатную машинку увидела?

— А кто на ней печатает? — сразу воспользовалась ситуацией я.

— Это мама печатала, когда диплом писала. Ей тогда её отдала тётя... — тут последовало длинное объяснение в духе «двоюродного деда кумы внучатой племянницы невестка».

— А она работает?

— Наверное, — Алёнка пожала плечами, — не знаю, её никогда не снимают. Пошли, мама там пирожки пожарила.

Мы все уселись за столом, развёрнутым в зале, стали чай пить с пирожками и снова всякие новости обсуждать. Я дождалась паузы в разговоре и спросила:

— А печатная машинка работает?

Все уставились на меня в недоумении.

— Ой, я про неё и забыла! — всплеснула руками тётя Клара. А дядя Валя, которому в этом цветнике было откровенно скучно, предложил:

— Хочешь посмотреть, как она печатает?

— Хочу! — немедленно согласилась я.

— Да поешьте нормально! — попыталась остановить нас тётя Клара.

Но дядя Валя уже придумал себе развлечение. Он устремился в девчачью спальню, стащил со шкафа машинку, обдул от пыли и начал демонстрировать мне её, как слона. Вблизи, надо сказать, аппарат выглядел крайне архаично. Чем-то он (аппарат) напоминал мне старый бабушкин «Зингер» — древнюю ручную швейную машинку, которая обычно стояла у Наиля в шкафу. По... как это назвать?.. по архитектуре, что ли? В общем, по общему виду и проглядывающим сбоку железякам агрегат вызывал ассоциации со всеобщей механизацией сороковых годов. И здоровая же была бандура! Называлась «Радянська Украина», с такой буквой и, с точкой наверху. И сама буква «і» в раскладке тоже была. И «э» отзеркаленная, не знаю, как она называется.

— А что такое «радянська»? — спросила Ира, которая тоже пришла посмотреть агрегат.

— Советская, — важно пояснил дядя Валя и принялся объяснять нам, что и как там работает, тыкать кнопки. Толку от этого было мало, потому как бумаги в машинке не было. — Ира, дай-ка листок!

Листок нашёлся от тетрадки, но теперь никто не знал, как его вставлять.

— Клара! — громогласно позвал дядя Валя. — Иди сюда!

Теперь уж пришли все. Тётя Клара посмотрела на ветерана машинопечатания и поджала губы. Поняв, что от неё не отстанут, она вставила листок, напечатала пару слов, показала, как новую строчку начинать, большую букву делать. Все вокруг тоже хаотически тыкали. Алёнка забралась за аппарат, натыкала несколько слов, периодически возмущаясь, что «такой буквы вообще нет!» Потом села Ира. Потом мама — ну, любопытно же. Даже

бабушка попробовала. Ну, и я, конечно. Кнопки, естественно, оказались куда как тяжелее компьютерных. Но ничего не западало, не отваливалось, и буквы получались чёткими.

Мы толклись вокруг машинки, как папуасы, честное слово. Механизм!

И тут тётя Клара сказала:

— Валя, ты её на шкаф потом не затаскивай. Торчит там, как чёрное пятно. На лоджию вынеси, под топчан поставь.

— Так она там заржавеет! — всплеснула руками я.

— Ой, да и ладно! Кому нужна она, эта рухлядь!

Дядя Валя успел раскрыть рот и выпучить глаза — должно быть, чтобы возмутиться, что вовсе она не рухлядь! Вон как буквы ровно печатает и вообще! Но я тоже считала, что это вовсе не рухлядь, а если рухлядь...

— А если она вам не нужна, мне её отдайте!

— Оля! — поражённо воскликнула мама. — Чё придумала-то? Зачем нам такая громадина?!

— Но, и я говорю, — сразу согласилась тётя Клара, — огромная такая, куда её?

Дяде Вале, видать, стало немножко жалко машинку. Это же его «двоюродная тётка жены кого-то» с барского плеча задарила.

— Забирай, Ольга! — рубанул он. — Раз им не надо — забирай!

— Да зачем нам эта машинка! — чуть не завопила мама. — Не надо нам!

— Надо! — упёрлась я.

Ишь, чего удумали! Мне такая халява прёт, а они против!

— Галя, погоди, — дипломатически вмешалась бабушка. — Олечка, ты подумай, посмотри: такая большая вещь, тяжёлая — зачем она тебе? Она много места занимает...

Уговорить решили, значит, да?

— Я буду писателем, — упрямо сказала я.

Тут захохотали все, кроме бабушки.

— Оля-а, — с некоторой жалостью даже сказала тётя Клара, — писателем быть — это не просто так! Тут талант нужен. А потом — ты думаешь, это так легко: раз — и сел, и пошёл печатать, как в книжке? Это же учиться надо.

— Я научусь.

— Давай, не вредничай! — раздражённо велела мама.

Когда она начинает говорить таким голосом, с ней лучше не спорить. И я выложила последний козырь:

— Давай, если я напечатаю, что ты скажешь, то мы её возьмём.

По-моему, она не очень хотела соглашаться, но дядя Валя, предчувствуя развлечение, заорал:

— Ну-ка, Алёнка, давай новый листок!

Чистый лист я вызвалась вставлять сама — иначе как я потом это буду делать?..

...Ну, в принципе, и медведей выучивают на велосипедах ездить.

Я села за стол перед аппаратом. Мда, с эргономичностью есть определённые проблемы, но это всё потом.

— Что пишем?

И тут они все вдруг зависли. Тоже удивительный феномен. Сколько раз я замечала, что в подобных ситуациях люди начинают дико тормозить, выскивают какие-то логические обоснования, связи. Казалось бы — перед вами никакой специфической задачи не стоит,

возьмите что угодно...

— «У Лукоморья» подойдёт? — спросила я. Пушкин — наше всё.

— Нет! — мама вдруг решила проявить характер. — Давай «Маленькой ёлочке холодно зимой»*.

*Новогодняя хороводная детская песня.

Автор текста: З. Александрова,

композитор: М. Красев.

Я слегка пожалала плечами. Скорость я вам, конечно, не выдам. Моторика движений другая, с непривычки начнёшь торопиться — такая лажа получится, да и раскладка немного другая, не говоря уж о силе нажатия. Но и по полчаса буквы искать не буду.

После первой строчки они перестали хихикать, и хвост четверостишия я допечатывала в гробовой тишине.

— Дальше пишем?

Мама переглянулась с тётёй Кларой и с бабушкой.

— А, ну-ка, напиши: Ира и Алёна идут в школу, — потребовала тётя Клара.

Да пожалста!

— Ну, до остановки-то я вам её донесу, — сказал дядя Валя.

В конечном счёте, нас отправилась провожать вся семья. Машинку вместе со всякими внезапно вылезшими причиндалами и запчастями замотали в старое байковое одеяло, поставили на санки и так довели до остановки, и не до той, что в Солнечном, а снова до Байкальской. Там мы минут двадцать тусили, пока не подошла наша двойка, и дядя Валя помог нам погрузиться в салон. А с нашей конечной до дома мама моё приобретение уж сама дотащила. Всё-таки не холодильник.

Глядя, с каким сопением она тащит машинку по подъезду, я начала опасаться, как бы она дома её в сердцах не швырнула, и предупредила:

— Ты только её не кидай. Ремонт дорогой, наверное.

Это возымело некоторый эффект. Как же, дорогая вещь, всё-таки! Хоть и старая.

СТИХИЙНЫЙ СГОВОР

Дома, неторопливо разглядывая машинку ещё раз, я подумала, что чем-то она напоминает мне виденные как-то на ретро-выставке дореволюционные «Ундервуды». Вполне вероятно, что на базе «Ундервуда» кто-то и построил. Но древность... Я нашла непонятные выбитые цифры. Серийный номер? И ещё цифры: «1939» — вот это, скорее всего, год! Ничего, главное, что печатает.

Бабушка сидела на своём диване и улыбалась, покачивая головой. Должно быть, я ей казалась забавной: мелкая кнопка, а деловая такая, изображает взрослую. Хотя, мама, помнится, уже начала накачку меня в духе «ты должна быть умная, как Ленин!» — да, ни больше, ни меньше. Ленин считался эталоном умищи, куда круче, чем Эйнштейн или там Циолковский. Надо сказать, что в школе я их ни разу не разочаровала, с лёгкостью выхватив золотую медаль.

— Ну и зачем тебе этот гроб на колёсиках? — мама остановилась рядом.

— А вот, когда будешь аттестоваться, я тебе конспекты уроков печатать буду. Произведёшь на всех благоприятное впечатление.

Пока впечатление произвелось на маму. Она уставилась на меня круглыми глазами, а бабушка неожиданно серьёзно сказала:

— Правильно! Стаж у тебя непрерывный, подавай на аттестацию на следующий год.

Получать побольше будешь.

— Сговорились, тоже мне! — фыркнула мама и плюхнулась рядом с бабушкой на диван.

— А если и сговорились, — я втиснулась в середину, — неправда, что ли? И в институт тебе надо. Тётя Клара институт закончила — вон у неё какая люстра красивая.

Это, конечно, был тупейший аргумент. Максимально детский и наивный, который я смогла придумать.

— Ха! У Клары Валентин по триста рублей в месяц получает! — возразила мама.

— А дядя Саша с тётей Ниной? — успела я вперёд открывшей рот бабушки, и той только и осталось сказать:

— Да!

Саша — самый старший мамин брат — и его жена Нина оба были учителями. Вот уж никогда не сказала бы, что они бедствовали! Дядя Саша, кстати, тоже был физруком, тётя Нина — всю жизнь на группе продлённого дня воспитателем. Двоих сыновей поднимали, не напрягаясь, да ещё тёть Нинина мать с недавних пор с ними жила, после смерти мужа оставшись со смешной пенсией по потере кормильца, чуть ли не в двенадцать рублей. Помню, бабушка наша ворчала, что вот, дескать, как это: не работать. Естественно, всю жизнь баба Аня не сидела сложа ручки — пятерых детей подняла, вела огромное хозяйство. Официально просто никуда не устраивалась. Я, честно говоря, не очень понимаю, как ей удалось при советских законах избежать привлечения за тунеядство, но разговор был такой, что в итоге дед помер, а дети уже поразъехались, и осталась она в беспомощном состоянии, вот Нина с Сашей и взяли её к себе.

Так я не про то. Дом у этих двух учителей был полной чашей. По советским нашим временам — и обставлен, и ковры, и хрусталия полные серванты. Собирая родню на дни рождения, тётя Нина готовила такой стол — закачаешься! И на юга отдыхать ездили.

Более того, несколько лет назад они купили дачу, участок небольшой, зато хороший двухэтажный дом с печью — кухня, гостиная и три спальни, не каждый деревенский дом так просторно построен. А недавно им принесли открытку: очередь на машину подошла, и дядя Саша со дня на день должен был выкупить новенький жигуль! До этого личной машины у нас в родне ни у кого не было.

Да, они почти всегда работали в две смены, но тут уж, знаете ли, хочешь зарабатывать — вот и работаешь. Можно подумать, работягам на заводах легче было.

Мама начала возмущаться, что не хочет она учиться «и вообще», но, по-моему, задумалась.

07. И ВОТ Я ПРЕДПРИНЯЛА РЕШИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ...

МУРАВЬИШКА

7 декабря 1981

В понедельник я проснулась в девять — а мама в школе. Бабушка меня завтраком накормила и в кухне своими делами занялась, а я оказалась предоставлена сама себе. Вторая школьная смена, на которую я запланировала поход в школьную библиотеку, начнётся в два, а значит, у меня есть как минимум ещё четыре часа времени. Четыре часа, в которые я буду предоставлена сама себе, аллилуйя!

Я ещё раз критически оглядела комнату. Знаете, что меня раздражает? Огромный детский уголок. Если бы не он, можно было бы сюда невысокий стол поставить, самый простецкий, пусть даже самоделишный, а на него машинку.

А что у нас во встроенном шкафу в верхних отделах, под потолком, а?

Если вы не знаете, что такое целеустремлённость, так я вам расскажу. Дано: маленький гном, одна штука (я); рост у меня сто четыре сантиметра, я смерила. Стремянки нет. Стола большого в комнате нет. Но есть довольно крепкий (на мой профессиональный взгляд, ха) детский стол, на который влезает две табуретки. С этого уровня я могу, приподнявшись на цыпочки, дотянуться до запирающего шпингалета. Но рассмотреть внутренность шкафа уже не могу, и для этого мне нужна ещё одна табуретка, поменьше, которая встанёт на две предыдущие.

В резерве у меня оставался ещё один маленький стульчик, но пока я справляюсь с осмотром и без него — да, я залезла на всю эту пирамиду.

Верхние отделы щепочного шкафа (то, что называлось изысканным словом «антресоли») оказались практически пустыми, несколько старых тетрадок не в счёт. Отлично! Я сползла с пирамиды и выбрала из кукольного уголка предмет, который, по моему мнению, должен был стоять в самой глубине пустого шкафа — большой кукольный шифоньер.

Да, я ничего не собиралась выбрасывать! Осуждайте меня хором или кидайте тапками, но к тому моменту, когда родятся мои первые дети, всё это ребяческое богатство будет пролюблено (роздано, утащено в садик), а годы будут самые что ни на есть говённые. И детские игрушки пойдут им под стать — самый дешманный и непрочный китайский ширпотреб. Моей старшей дочке одни рассказы достанутся о том, как классно я играла. Но не в этот раз. Я планировала законсервировать своё барахлишко лет на пятнадцать. Потихоньку, как муравей, затащить и утрамбовать, пока возражать некому. Кстати, надо тетрадку вытащить с черновиками из кукольного чемоданчика...

Бабушка зашла в комнату в тот момент, когда я с шифоньером в руках залезла на столик и примеривалась к первой линии табуреток. Хорошо, что выше не успела забраться — полюбому бы сверзилась от неожиданности.

— Оля! — бабушка кинулась ко мне. — Ты зачем это?

— Баба! — я прижала к себе шифоньер, который она пыталась вынуть из моих рук. — Я делаю перестановку! Мне нужно рабочее место, для писательства.

Бабушка явно огорчилась. Подозреваю, она надеялась, что я пару дней поиграюсь, пока блажь не пройдёт, а тут такое.

— Ты лучше подстрахуй меня, — попросила я.

— Да погоди, не лазь! — она ссадила меня вместе с шифоньером на пол. Давай большой стол хоть занесём? Он понадёжнее будет.

— Давай! — обрадовалась я. Большой стол сразу раздвинул бы горизонт моих возможностей.

Стол пролез в дверной проём еле-еле, как будто этот проём именно для того делали, чтобы ширину столов измерять. Помощник из меня был совсем смешной, мы чуть не расколотили стеклянную вставку в двери, но в конце концов пролезли. Удивительно, но бабушке даже не пришло в голову со мной спорить. Это что, я уже тогда была такая упёртая? Или научилась давать логические обоснования поступкам? Вот уж не знаю.

Бабушка взгромоздила на стол детский столик, и, в принципе, даже табуретки не понадобились.

— Можешь мне подавать? — предложила я. — А я наверх залезу.

— Ну, давай!

В четыре руки мы быстро утолкали в пустое пространство всю игрушечную мебель и большую часть игрушек из нижних отделов шкафа. Антресоли наполнились практически до состояния «битком».

— Всё? — спросила бабушка.

— Всё! Спасибо! — я спрыгнула на пол.

— Стол пусть тут стоит. Мама придёт — вместе унесём, а то разобьём мы с тобой стекло.

— Ага.

— Ну, пошли чай пить!

— Ты иди наливай, а я пока тут пыль вытру.

Я навела марафет в освобождённом углу, попила чаю (процедура неожиданно включила тарелку супа и бутерброд) и начала собираться в школу. К двум пойду, чтоб толкучки у дверей уже не было. Приготовила свой альбом, пару карандашей, тетрадку, ручку. Резинки стирательной вот у меня приличной не было, эта розовая — слёзы одни, как кирпич...

— Ты куда? — спалила меня бабушка.

— Погуляю схожу.

— А-а. Ну, иди. Подушка-то в шкафу, достать тебе? — имелась в виду специальная подушка для катаний с горы, мягкая и с одной стороны клеёнчатая, с ручкой — вместо ледянок нам мамы шили.

— Не, я, может в школу зайду. Ты меня не теряй.

Школа у нас совсем рядом: дойти до соседнего дома и перейти дорогу — вот и школьный двор.

— Ну, аккуратно через дорогу иди, — напутствовала меня бабушка, и я потопала по лесенке. Неуклюжая, всё-таки, обувь — валенки.

На втором этаже я вспомнила, что меня, наверное, дежурные не пропустят в младший блок без сменки. Да блин! Наверх в негнущихся валенках идти ещё неудобнее.

Бабушка открыла дверь на мой звонок, удивилась.

— Ичиги мне дай, — попросила я.

Летнюю обувь где искать? А в Биликтуре, в том холодном доме, я носила такие

полутапочки-полуботинки, самошитые из овчины, мехом внутрь. Мама называла их ичигами, и они точно должны быть где-то тут, дома.

Получив кулёк с меховыми тапками и посмотревшись в зеркало (на всякий случай, вернулась же), я снова поковыляла по лестнице.

ЗДРАВСТВУЙ, АЛЬМА МАТЕР!

В восемнадцатой школе я проучилась все десять лет, и знала тут всё и всех (как облупленных, ха!). Раздевалки у младшего блока не было, все раздевались в классах. Я переобулась, сняла шубу (шапку и шарф — в рукава!) и подошла ко входу в младший блок, у которого стояли трое бдительных дежурных. У всех троих — октябрятские звёздочки. Второй класс. Хотя, может, и третий.

Судя по тишине, занятия у второй смены уже начались.

— Ты куда, такая маленькая? — строго спросила меня девчонка в белом фартуке.

— Моя мама сегодня работает в продлёнке, — ответила я. — Я иду к ней.

Тут главное — уверенность! А то не пустят, и будешь как олень целый час топтаться, пока кто-нибудь из учителей не пойдёт.

— Пусти её, Юлька, — сказал пацан, и одна из широких глухих створок, крашенных белой краской, слегка приотворилась — только мне и прошмыгнуть.

Я поднялась по лестнице, памятной мне тем, что однажды я тут слетела со второго этажа. Сдуру поехала по перилам за остальными, а ранец перевесил. Обошлось ушибом, но больно об перила было, шопипец.

Кабинет продлёнки находился в самом конце второго этажа, над спортзалом младшего блока. Но он был закрыт.

Не поняла.

Я подёргала ручку.

— А ты кого ищешь? — спросили сзади.

Татьяна Геннадьевна! Я по голосу узнала. Класная тётенька, много лет в младшем блоке завучем и учителем была. Я шустро повернулась:

— Здравствуйте! Я маму ищу. Меня Оля зовут.

— Очень приятно, Оля. А я — Татьяна Геннадьевна. А как зовут твою маму?

Диалог начал напоминать сказку про Красную Шапку.

— Галина Николаевна. Или Гульчачак Нугмановна — я не знаю, как вы решили её здесь называть.

— Понятно. Она сейчас с продлёнкой на обеде. Я могу тебя проводить, только давай вещи твои в кабинете оставим, чтоб в столовую не тащить.

— Так закрыто же, — я для убедительности подёргала дверь.

— А у меня есть второй ключ! — Татьяна Геннадьевна продемонстрировала мне объёмистую связку, открыла кабинет и помогла мне разместить шубейку на довольно высокой вешалке.

И тут мне пришла в голову мысль. Сейчас проверим, насколько гениальная.

— Татьяна Геннадьевна, а может, я не буду маме работать мешать? Вы могли бы попросить библиотекаря, чтобы мне разрешили почитать в читальном зале?

— А ты умеешь читать? — удивилась она.

— И весьма неплохо, — чопорно ответила я, и Татьяна Геннадьевна засмеялась.

— Ну, пошли.

Библиотека располагалась в вечно сумрачном аппендиксе рядом со входами в

спортивный зал. Мы поднялись на второй этаж, и Татьяна Геннадьевна распахнула передо мной тугую дверь:

— Заходи! — и в глубину помещения: — Анна Дмитриевна!

Тэ-экс, а библиотечка-то не та, которую я помню...

Из-за стеллажей показалась хозяйка помещения:

— Да, Татьяна Геннадьевна, что случилось?

— Анна Дмитриевна, вот эта девушка — дочка нашей новой учительницы физкультуры. Утверждает, что неплохо умеет читать. Пусть почитает. Мать пока на продлёнку вышла, чтобы не мешать там.

— А что, учительница — и не знает, что детей до школы не нужно читать учить? — неодобрительно проворчала библиотечка.

— А она меня не учила, — решила я заступиться за маму.

Библиотечка посмотрела на меня удивлённо и ревниво спросила:

— А кто тебя учил?

— Никто, — я пожалала плечами. — Никто не знает, как вышло, что я умею читать. Оно как-то само.

Татьяна Геннадьевна, намеревавшаяся сбегать меня с рук и уйти, остановилась и следила за диалогом.

— Так не бывает! — категорично заявила библиотечка.

— И, тем не менее, так есть, — я развела руками. — Возможно, я — природный феномен. А у вас есть что-нибудь о Железногорске-Илимском? Или хотя бы о железодобывающей промышленности. Мне нужно узнать, как выглядит карьерный самосвал.

— Очень интересно, — сказала Татьяна Геннадьевна. — А ты можешь мне что-нибудь прочитать?

— Конечно, могу.

Божечки мои, сеанс выразительного чтения — да пожалста!

Татьяна Геннадьевна обернулась к стойке библиотекаря и вперилась взглядом в китайскую стену одинаковых книжек с надписью «Война и мир». То ли какие-то классы дружно «прошли и сдали», то ли у них наоборот началась эта «ипапая», как у нас один пацан в классе написал.

— По-французски я не читаю, — сразу предупредила я.

— Да нет, конечно... — пробормотала завуч, а библиотечка вынула из кучи тонких книжек, хаотически сваленных на двух сдвинутых столах, «Кота в сапогах».

Ну, что ж. Вы хотите сказочных интонаций? Их есть у меня!

Через минуту библиотечка сказала:

— А дома у тебя такая книжка есть?

— Честно говоря, не помню. Возможно.

— Так она наизусть рассказывает! — торжествующе «разоблачила» меня Анна Дмитриевна.

Нет, я даже возмущаться не буду, ещё не хватало!

— А принесите что-нибудь... — Татьяна Геннадьевна неопределённо провела рукой в воздухе, — сложное.

Анна Дмитриевна исчезла за стеллажами и вернулась с толстым томом Большой Советской Энциклопедии (том, насколько я успела заметить, начинался с волшебного слова «ОБИГАРМ»), раскрыла где-то посередине...

— Вот, давай отсюда, — ткнула пальцем Татьяна Геннадьевна.

«Народная одежда». Ну, вы как специально!

— Народная одежда, создаваемая трудовым народом (см. *Народное творчество*) и бытующая в его среде, занимает особое место в истории костюма... — я читала, и меня прямо распирало, так местами мне хотелось выступить со своими комментариями. Сколько лет я в своё время этой темой занималась!

— Достаточно, — Татьяна Геннадьевна погладила меня по голове. — Может, тебя по первым классам поводить, а? А то техника чтения у нас на обе ноги хромает.

Библиотекарша потянула том.

— Погодите, мне же теперь интересно, что такое «обигарм»! — я залезла в начало книги. Курорт в Таджикистане, оказывается. Понятненько. — Знаете, Татьяна Геннадьевна, я как-то не планировала выступать с художественным чтением, но если вы считаете, что это повысит общую успеваемость по классам, то я могу.

Она помолчала, глядя на меня.

— Ладно, я подумаю. Читай пока. Что ты там хотела, про карьерные самосвалы...

Найти статью с приличной картинкой БелАЗа оказалось нетривиальной задачей. Пока Анна Дмитриевна рыскала в лабиринтах своего хранилища, я от нечего делать разобрала по стопкам кучу тонких детских книжек: про животных, про войну, про детей, сказки... о! Отдельно — рассказы о Ленине и прочих революционерах. Боже ж мой, ещё же надо о линии партии не забывать, блин...

Наведение порядка библиотекарше понравилось, она перестала пыжиться и пыхтеть, и когда я спросила, нет ли у неё чего-нибудь по обучению рисунку, особенно рисунку человека, животных и движению, она уже не смотрела на меня подозрительно, а принесла несколько весьма дельных книжек настолько хорошей сохранности, что сразу стало ясно: вряд ли их вообще кто-то читал. Я пролистала книги. Нет, поразительно! Готовая же методика обучения рисованию. Почему нас тогда учили настолько лажово? Тут прозвенел очередной звонок и вскоре толпой ввалились дети — класс шестой-седьмой, наверное — и я, наконец, оказалась избавлена от пристального внимания Анны Дмитриевны. Пока она принимала и выдавала книги, я успела сделать несколько набросков карьерного самосвала и кое-что учебное из книжек накидать — для видимости. Ну, должно же у меня документальное подтверждение быть, что я в библиотеке сидела и рисовала, да?

Я просидела над книгами ещё урок, и тут примчалась Татьяна Геннадьевна:

— Олечка, пойдём со мной. Давай книжки отдадим...

— Вы, пожалуйста, далеко их не убирайте, я завтра ещё приду, — успела я попросить библиотекаршу, и мы побежали. В коридорах было оглушающе. С непривычки аж голова в плечи произвольно втягивалась. Вокруг мелькали толпы в синем (мальчишки) и чёрно-коричневом (девчонки). И поверх — мазки красных галстуков у третьеклашек. Мы добежали до продлёнки — продлёнщики, пользуясь моментом, бегали и орали вместе с другими классами. Мама стояла в дверях кабинета, присматривая за этой вакханалией, увидела нас и вытаращила глаза:

— Оля?!

— Галина Николаевна, — пулемётом протараторила Татьяна Геннадьевна, — мы тут познакомились с вашей дочкой. Вы нас не теряйте, мы по классам пройдемся, покажем образцовую технику чтения.

— Хорошо, — ничего не понимая, пробормотала мама. Прозвенел звонок на урок, и она

встрепенулась: — Продлёнка, заходим!

Следующие два урока «по улицам слона водили». Мы с Татьяной Геннадьевной показывали аттракцион невиданного чтения, читая всякое, куда нам тыкали учителя. Не могу сказать, что я особенно устала. С одной стороны, было немного жалко времени, а с другой — это была вроде как тестовая компания меня любимой — к той картинке, где человечек со звездой в лобешнике. Потом меня торжественно привели в продлёнку — и тут мама увидела, что у меня на ногах, и покраснела:

— Оля! Ты почему в ичигах?!

— Мы с бабушкой сандали не нашли, — я посмотрела на свои ноги. — А что тебе не нравится? Тепло, удобно.

— Как из леса!

— Ничего страшного, Галина Николаевна, — утешила её завуч. — Ну что, Оля, остаёшься здесь?

— А можно мне в библиотеку? — я всё так и таскала с собой свои тетрадки. — Я ещё порисую?

В общем, просидела я в библиотеке до самого закрытия. Выхожу — а навстречу мама с моей шубой, продлёнка, оказывается, тоже до пяти. А тут — цок-цок — библиотекарша идёт. Увидела нас:

— Здравствуйте! Так вы у нас новый учитель физкультуры? — это, понятное дело, маме.

Я чёт не очень хотела слушать, что она вещать будет, вдруг опять начнёт о вреде раннего чтения — оделась быстренько и пошла вперёд. Шла, загребая снег, размышляла про ещё одну идею книжки, такая, чтоб и сюжет был, и мастерилка заодно. Была у меня в прошлой жизни подобная, но перекраивать придётся под нынешние реалии...

Мама догнала меня почти у подъезда. Немножко прошла молча.

— Ты, говорят, книжки по рисованию сегодня брала?

— Да, хорошие есть в библиотеке книжки, — согласилась я. — Я завтра ещё пойду.

Мы зашли в подъезд, и я начала прыгать через две ступеньки, что в валенках было делом довольно рискованным.

— Может, тебя в кружок по рисованию записать? — предложила мама. — В школе есть, я бы договорилась.

— Не надо, — помотала я головой, — я в кружок не хочу.

Нечему им меня учить, если уж по-честному. Но не могу же я так нахально сказать? А маме идея кружка понравилась, она всячески расхваливала открывающиеся мне лучезарные перспективы, пока мы не пришли домой, и она не зашла в нашу комнату...

08. ПОДУМАТЬ. ХОРОШАЯ МЫСЛЯ, УМНАЯ...

ТОРОПЫЖКА Я

— Мама! Ты что это наделала?! — возгласила матушка, остановившись на пороге комнаты.

— А это не я, это дочь твоя! — бабушка мгновенно примчалась и начала в красках рассказывать, как снимала меня с пирамиды. Да со шкафчиком в руках!

— Оля?! — мама развернулась ко мне.

— Ты, главное, мои игрушки никому не отдавай. *Вообще* никому! Они мне потом пригодятся, — я протиснулась между ними в комнату и ткнула пальцем в пустой угол: — Мама! Мне нужен стол под печатную машинку. Пусть старый, страшный — всё равно, лишь бы крепкий и мне по росту. Этот сильно маленький, — я показала на мой детский, — а тот большой. Что-то среднее надо.

Мама вдруг сделалась как сдувшийся шарик.

— Денег нет, да? — догадалась я.

Она вздохнула:

— Подожди, зарплату получу в январе, посмотрим.

— И платью тебе новое надо, — в порыве вдохновения брякнула я. — В старых платьях замуж не выйдешь.

— О! Чё это вы — замуж меня собрались выдавать?

— Ага! — я от избытка чувств заскакала рядом. — Только ищи работающего и малопьющего.

— А что не совсем непьющего? — мама сощурилась.

Я в ответ тоже сощурилась:

— Совсем непьющий — сильно подозрительно. Прямо как говорящая лошадь.

Тут бабушка начала хохотать, и мама за ней следом, и все пошли ужинать.

Потом они под благовидным предлогом выперли меня из кухни, закрыли дверь и о чём-то долго разговаривали. А я нашла в книгах набор открыток про Баргузинский заповедник и сделала несколько набросков зверей — природа как раз соответствующая. Нашёлся, кстати, там же и набор открыток с видами Москвы, и даже поезд подъезжающий в нём был — не думаю, что за два прошедших с момента издания года вид пассажирских поездов как-то сильно изменился. Так что я рисовала. Это было более безопасно, чем прямо сейчас черновики писать, хотя идеи кой-какие у меня были. Сидела я, по ходу дела крутила всякие мысли — гоняла, так сказать, свой керосин...

Всю последующую неделю я ходила в библиотеку как на работу — во вторую смену. По моему, я даже несколько достала своим постоянным присутствием Анну Дмитриевну, так что решила не злоупотреблять пока её терпением, поблагодарила и объявила, что не буду более ей досаждать. Но взамен попросила комплект учебников для начальной школы.

Анна Дмитриевна посмотрела на меня долгим взглядом.

— Вы же понимаете, что учителю физкультуры нужно иметь комплект учебников — иначе как же он будет готовиться к занятиям в группе продлённого дня? — железно аргументировала я.

— Так это для мамы? — подняла она брови.

— Конеч-чно!

— Ну, тогда ладно.

Я забрала пачку учебников и пошла к маме. Только спустилась из библиотеки в вестибюль — Татьяна Геннадьевна мне навстречу.

— Здравствуйте!

— Здравствуй, Олечка! — она хотела пролететь мимо.

— Татьяна Геннадьевна, у меня к вам очень серьёзный вопрос.

Она резко затормозила:

— Слушаю.

— Татьяна Геннадьевна, я хочу сдать экзамены за начальную школу. Как это можно сделать?

Она слегка нахмурилась и поджала губы:

— А мама знает, что ты пошла ко мне с таким вопросом?

— Пока нет.

Она посмотрела на стопку учебников, которую я временно пристроила на лавочку:

— Это ты для этого взяла?

— Нет, это для мамы. Ей же нужен свой комплект учебников, как она будет с детьми уроки делать?

— М-гм, — она постучала носком туфельки. — Хм. Знаешь что, пойдём ко мне в кабинет? Поговорим.

— Пойдёмте.

— Давай-ка я тебе помогу маленько, — она взяла мою пачку и поцокала вперёд.

Кабинет у Татьяны Геннадьевны находился на втором этаже и, на удивление, во вторую смену стоял пустым — редкость чрезвычайная. Или, может, это специально, чтоб ей отдельный кабинет завуча не выделять?

— Садись, — она кивнула мне на парту, стоящую впритык к её столу, и села сама. — Смотри, Оля. Я убедилась, что ты очень хорошо читаешь. Но этого недостаточно, чтобы пройти аттестацию за все три класса начальной школы, программа очень большая... — минут пять (очень терпеливо) добрая Татьяна Геннадьевна разъясняла мне сложности школьной жизни.

— Здóрово, — сказала я. — А есть какие-нибудь проверочные работы или контрольные, которые можно написать, допустим?

Чтоб доказать всем, что ты — не олень? — мысленно добавила я.

Завуч посмотрела на меня с любопытством.

— Хорошо. Вот, смотри, я как раз получила контрольные по математике, за первое полугодие. Я просто покажу тебе, сколько тут заданий... — она развернула передо мной листочек со штемпелем.

— Вам один вариант решить или два? — со всей пролетарской честностью глядя учительнице в глаза, спросила я.

— Хорошо, давай, попробуй решить первый, — она протянула мне двойной листочек.

Я посмотрела на заголовок.

— Давайте не будем мучиться и сразу третий класс возьмём?

Татьяна Геннадьевна с сомнением взяла у меня листок и выдала другой, а с ним — чистый.

— А для черновика дадите?

— Держи.

Особо я не торопилась, да, честно говоря, чего там торопиться-то, третий класс...

Татьяна Геннадьевна следила за мной со своего места, потом встала, подошла, заглянула сбоку — быстро куда-то вышла. Вернулась она спустя буквально минуту, когда я уже дописывала последний ответ к дополнительному заданию со звёздочкой. Чувствовала я себя при этом, как тот пацан из старого «Ералаша» (семиклассник он там или типа того, который к первоклашкам пришёл и: «Я тут всех умнее!»).

Татьяна Геннадьевна влетела в кабинет, а за ней — ещё одна учительница, возрастная уже. Валентина Акимовна. Помню её, она нашу Таню учила (о, и сейчас учит), очень строгая тётя, но сильный педагог.

— Всё, — я отодвинула от себя листок.

— Смотри! — Татьяна Геннадьевна схватила его и затрясла перед лицом Валентины Акимовны.

— Да погоди же, дай проверю, — та вынула у неё из рук листочек и нацепила на нос очки, которые висели у неё на груди, на специальной цепочке. Лицо пожилой учительницы сделалось суровым. Она прошла лист до конца, перевернула: — Сама?!

— Да!

— Не верю! Ну-ка, — она схватила со стола новый чистый листок и шлёпнула передо мной, — решай второй вариант!

Я пожалала плечами. Второй — так второй.

Когда я второй раз отодвинула листочек, Татьяна Геннадьевна сдавленно воскликнула:

— Двенадцать минут!

— Проверим! — сурово осадил её Валентина Акимовна и снова надела очки.

Потом они устали на меня вдвоём.

— Можно, конечно, придраться вот тут к оформлению, — Валентина Акимовна потыкала пальцем в мою писанину.

— Валя! — укоризненно всплеснула руками Татьяна Геннадьевна.

— Мда. А русский?

— Проверим?

— Погоди, я детей отпущу.

Она ушла и вернулась с ещё одной дамой, похожей на добрую волшебницу Виллину из Волковских сказок. Та села за соседнюю со мной парту. Её тоже помню, обалденная учительница, подружку мою в начальных классах учила и у нас заменяла несколько раз. Лидия Андреевна, кажется.

— Что, диктант? — спросила она.

— Давайте, — согласились все, выдали лист в линейку и начали мне диктовать.

Примерно посередине диктанта в дверь застучали, просунулась мамина голова и ввалилась она сама. Мама, видать, собиралась громко спросить: «А что случилось?» — но Валентина Акимовна строго сказала: «Ч-ш-ш!» — и показала глазами на свободную парту.

Потом Лидия Андреевна, мягко улыбаясь, задавала мне каверзные вопросы типа «а почему ты это слово написала вот так, а не вот так?» Потом возникли ещё какие-то слова и ещё вопросы, и три учительницы многозначительно переглядывались между собой на мои ответы, страшно напоминая мне тройку ведьм.

— Да, в начальной школе ей делать нечего, — Валентина Акимовна сняла очки и переплела на груди руки, сразу сделавшись похожей на памятник Ришелье. — Проверить

более детально, но садить даже в третий класс, я считаю — бессмысленно.

— Запрос придётся делать в районо, да, Таня? — спросила Лидия Андреевна и недовольно поджала губы. — Разрешат ли нам? Волокитчики...

Татьяна Геннадьевна согласно покивала:

— Хорошо, девочки, давайте я с мамой поговорю, — две пожилых учительницы ушли, а мама подседа ближе. — Видите ли, Галина Николаевна, сегодня Оля обратилась ко мне с вопросом, можно ли сдать экзамены за начальную школу... в ускоренном порядке, так скажем.

— Оля?! — страшно удивилась мама.

— Да. И видите, какой спонтанный у нас получился...

— Консилиум, — подсказала я.

— Да, — засмеялась Татьяна Геннадьевна. — Так вот. Несмотря на высокий уровень знаний, вы должны понимать, что экстернат... не очень одобряется. Требуется особое распоряжение главы районо. Или даже выше. Я, конечно, попытаюсь обратиться, но... Возможно, что нам даже и не разрешат принимать такие экзамены. Это уже от облоно* зависит. Скорее всего, вас пошлют в другую школу. Если вообще разрешат сдавать. А Оле сколько лет?

**Районо — районный отдел
народного образования,
облоно — областной.*

— Шесть будет в феврале, — растерянно сказала мама.

— М-м! Ещё только *будет!* — Татьяна Геннадьевна прикусила губу и покачалась на стуле. — Давайте вот как. В феврале мы начинаем набор на следующий учебный год. Как только Оле исполнится шесть, я включу вас в списки — в порядке исключения. К себе вас возьму, я как раз первый класс набирать буду. Но только — никому! Позже октябрьских не берём уже, а у вас — февраль!**

***Принимались в первый класс
только дети, которым
уже исполнилось семь лет
или должно исполниться
в ближайшие два
после первого сентября месяца.*

Мама сделала большие глаза и заговорщицки закивала.

— И я постараюсь вопрос с вашим экстернатом пробить, — Татьяна Геннадьевна сложила руки замочком. — А ваша задача: к сентябрю освоить программу на зубок!

Школьную ограду мы прошли молча. И дорогу перешли молча. И только потом мама сказала:

— Ну, ты даёшь. Не могла меня сперва спросить?

Я пожалала плечами, хотя, наверное, в шубе это было малозаметно.

— Знаешь, оно как-то внезапно получилось.

Мама только вздохнула.

Бабушка открыла дверь с возгласом:

— Раздевайся скорей, «Королевство кривых зеркал» идёт!

Это, конечно, мне подгонялка. В детстве сильно я это кино любила, и в особенности за то, что героиня там была Оля, хоть и характер у неё оставлял желать лучшего. Все Оли,

наверное, такие. Если я сейчас откажусь кино смотреть, все решат, что я заболела. Я поскорее разделась, плюхнулась на диван напротив телика, а чтоб от скуки не помереть, тетрадку взяла. Колоритное кино, так-то, подделаю-ка я наброски персонажей в движении...

А потом, к вечеру, меня вдруг (очень своевременно, да-да) посетила мысль: а семейное обучение в данный момент вообще разрешено? И не дуб ли я дерево? Стоило ведь сперва поинтересоваться обоснованиями — что там в законе об образовании написано, например? Может, и не стоило дёргаться, а надо было спокойно полтора года дома посидеть, и только потом про экстернат заикаться. Потому что сдам я сейчас экзамены за начальную школу — и ка-а-ак заставят меня в четвёртом классе сидеть! Мне шесть лет, а там все дылды, вот удовольствие-то!

РОДНЯ

12-13 декабря 1981

В субботу школы тоже учились, а вот продлёнки не было. Я подкараулила маму после первой смены и уговорила сходить её в дальнюю стекляшку, за мойвой. Мы купили здоровенный бумажный пакет — килограмма два, наверное! — сразу жарено-копчёной. Одну рыбку я съела прямо там, в магазине, аж трясло меня — так хотелось. А уж дома отвела душу!

Ни разу не видела, чтобы человек был так счастлив за восемьдесят копеек.

Бабушка смотрела на меня почему-то жалостно, а потом сказала:

— Баба Маня-то мойву тоже сильно любила...

Баба Маня — это моя вторая бабушка, папина мама. И до меня вдруг дошло, что здесь она умерла совсем недавно, в восьмидесятом. Пятнадцатого декабря.

— Год уж во вторник будет, — вздохнула бабушка.

А я ведь помню похороны. И каких-то родственниц с Тулуна, которые приглашали меня в гости, и плыть на лодке, вроде, надо было...

— Блинов во вторник сделаешь? — попросила я бабушку. Она слегка подняла брови:

— Хорошо.

Потом мы ещё успели в лес пробежаться на лыжах. Мы вообще каждую субботу с мамой наладились на лыжах ходить — если погода, конечно, позволяла. А то знаете, есть такие экстремалы, которым всё нипочём: хоть ветер с ног сбивает, хоть дубак минус тридцать. Мы в этом отношении, как бы это сказать, дамы без фанатизма.

А в воскресенье мама с бабушкой снова засобирались в гости. На этот раз к дяде Саше — это который тоже учитель физкультуры, я рассказывала. На улице, неожиданно и нетипично для Иркутского декабря, случилась чуть ли не оттепель, и в автобусах вместо прибитого снега на полу стояли лужицы с мокрой снежной кашей. Мы трое в валенках, конечно, как корабли...

Тётя Нина встречала гостей в дверях, красивая-а-а. Мне она, помимо прочего, вообще казалась всегда образцом элегантности, даром что девушка из деревни. Хотя... Кто их знает, откуда её родители в ту самую деревню прибежали, родословной-то никто не спрашивал. Отец её здоровенный крепкий мужик был, с такой выправкой... я долго думала, что он военный. А магушка даже куриного мяса не ела, брезговала, потому что — внимание! — курица в сору роется!

Но выяснять, кто каких кровей, себе дороже было. Мы-то тоже из купеческих, и лучше об этом было не говорить.

Маленьких детей у Дядь Саше не было, тётя Нина делала отдельный детский стол, не там собралась целая куча подростков, а больше таких мелких как я никто сегодня не взял, и бабушка тихонько посадила меня рядом с собой. А я вовсе была не против. Посижу хоть, посмотрю, какие они все молодые...

Стол как всегда ломился, и ели и пили, а уж пели! Тётки у меня знатные певуньи, одна мама у нас других талантов, со слухом у неё не очень.

Постепенно мужики начали выходить в подъезд курить. Дядь Саша не курил, но ходил поговорить за компанию, в чисто мужском кругу. И тут бабушка завела разговор про высшее — всё-таки Нина и Клара учителя, да Клара к тому же завуч. Все знали, что с высшим образованием получают побольше, но вот насколько?

— Правильно, мама! — сразу оживилась тётя Клара. — Я давно Гале говорю: надс поступать. Сейчас у тебя двадцать рублей разница, а стаж за десять лет перевалит — двадцать пять станет, а после пятнадцати лет — тридцать!

— Правда, Галя, — поддержала тётя Нина, — на заочном не так трудно учиться. Люба у нас пошла с начальных классов, вчера рассказывала, вообще: кто согласен на тройку — зачётки на стол — и всё. А вкладыш с оценками и не спросит никто, главное — диплом.

— Так мне неохота, — сморщилась мама. — Это ещё куда ездить — в Улан-Удэ!

Да, в Иркутском Пединституте отделения физкультуры, к сожалению, не было.

— Три года отучишься — уже перерасчёт ставки идёт! — важно подняла палец тётя Клара. — И с высшим аттестоваться легче — ещё плюс десять рублей. И на время сессии сохраняется зарплата.

Аргумент!

Вернулись мужики, и разговор сполз на другие темы, но мама ещё Клару с Ниной расспрашивала — кажется, начала рассматривать перспективу института всерьёз.

ГАЛАНТЕРЕЙНОЕ

Вторая половина декабря прошла спокойно, даже сонно. Мама работала, я строчила каждый день как пулемёт; бабушка мне купила целую пачку тетрадок, и я уже несколько штук исписала. Сразу в идеале, понятное дело, не получалось, и внутри этих тетрадок торчал уже целый пучок вкладышей, помеченных порядковыми номерами — с исправлениями и дополнениями. Печатать пока не начинала. Решила: сперва закончу книгу, отлежится пару месяцев, вычитаю — потом начисто сделаю. Иначе что за удовольствие, перепечатывать туда-сюда? В отдельной тетрадке продвигался синопсис*. Кажись, без синопсиса не берут большие произведения. Может, и берут, но я хотела прям с козырей зайти.

*Условно говоря, скелет книги.

Вечерами, когда мама дома, рисовала иллюстрации, доводила до ума.

Ещё, из знаменательного, меня достало мытьё волос тупо мылом. У меня от этого волосы становятся как мочалка, и сразу, как только высохнут, такое впечатление, что три дня назад мылся.

Здесь вообще в основном всё мылом. Посуду мыли мылом. Стирали тоже мылом, только уже хозяйственным. У бабушки для мыла даже была отдельная тёрка, которая стояла под ванной. Когда нашу «Сибирь» для стирки выкатывали и в стиральный бак заливали горячей-прегорячей воды, бабушка прямо туда мыло на тёрке тёрла. Так-то нормально растворялось, кусков на одежде я не видела.

Но голову мылом мыть — чёт уже перебор.

И вот я выпросила у бабушки полтора рубля* и пошла в промтоварный.

*Большие деньги!

*Восемь булок хлеба второго сорта можно купить,
и ещё шесть копеек на проезд в автобусе останется.*

09. ПРЕДНОВОГОДНЕЕ

ВСЁ РАДИ КРАСОТЫ

В промтоварном я долго бродила вдоль витрин, рассматривала всякие нужные и полезные вещи. Шампуни там тоже были. Один шампунь стоил рубль, но по виду подозрительно напоминал одеколон. Был он налит в стеклянную бутылку и когда продавщица его пошевелила, совершенно жидко забултыхался. Ну, вода водой. Назывался «Надежда». На что они надеялись, спрашивается?

Второй шампунь совершенно конкретно и прямолинейно назывался «Желтковый» и был упакован в алюминиевый тубик, толстый, как для клея «Момент». Стоил рубль тридцать. Зато на тубике было обещано, что он концентрированный. Хм.

Я ещё посомневалась и выбрала желтковый. Стелянную бутылку я со своей природной ловкостью по-любому разобью. А потом ещё и в ванне на осколок наступлю. Ну, нафиг!

Ничё такой шампунь оказался, кстати. Непривычный немного, но уж куда лучше, чем мылом мыть.

БУРОВИКИ

Двадцать седьмого декабря ударил мороз. Термометр упал ниже тридцати, окна ледяными узорами покрылись чуть не до самого верха! А к обеду с вахты приехал Наиль, мамин брат!

Сперва все радовались, обнимались-целовались, потом за столом посидели, а потом он выпил, я бы сказала, лишнего и уснул.

Утром в понедельник мама на работу ушла, а бабушка заметалась. Наилька, я так поняла, ей денег довольно прилично дал, и она хотела что-нибудь вкусненькое к новому году купить, но это ж надо в центр ехать (или как у нас все говорили «в город») — а тут я.

— Да езжай, баба, — успокоила её я, — мы нормально посидим. Я рисовать буду. Мандаринок купи, а?

Новый год. Мандаринов хочется. А их не просто *купить* — их *достать* надо. Найти, где «выбросили», и очередь отстоять. И один килограмм в одни руки.

Бабушка решила — понеслась. А я спокойно своими делами занялась. Вдруг, часов в одиннадцать — звонок. Смотрю в глазок — мужик незнакомый.

— Кто там? — спрашиваю.

А он:

— А Коля дома?

Да какой Коля, думаю?

— А у нас Коль нету, вы ошиблись.

— Да как нету? Коля, буровик!

И тут до меня дошло:

— А, Наиль, наверное?

— Да, да! — обрадовался дядька.

— А вас как зовут?

— Лёха!

— Подождите...

Я пошла в кухню, взяла железную кружку с ложкой и начала энергично звенеть у Наиля над ухом. Через пятнадцать секунд интенсивных упражнений один глаз открылся:

— Оля, ты чё?

— Там пришёл мужик, тебя ищет. Говорит, Лёха его зовут.

— А-а... Лёха с Бохана... Скажи: щас...

Лёха принёс с собой три банки кильки в томате, штук пять плавленых сырков «Дружба», булку хлеба и две бутылки водки по 0,5. Мужики сели в кухне и начали разговоры разговаривать. После трёх рюмок Лёха спросил, можно ли у нас курить в форточку, но Наиль сказал, что мама будет ругаться (это он, конечно, про бабушку), и они пошли в подъезд. Потом вернулись и бодро приняли ещё по одной.

Я подумала, что перспектива сидеть с двумя наливающимися мужиками меня как-то не очень прёт, и пришла на кухню. Наиль немедленно весьма официально представил меня своему товарищу в качестве любимой племянницы, отрекомендовав как очень умную девочку «пять лет, а уже читает». Лёха к моим достижениям отнёсся весьма положительно и даже процитировал Ленина: «Учиться, учиться и ещё раз учиться!» Молодец какой.

— Чё отмечаете-то? — спросила я. — Тринадцатую зарплату, поди?

— Точно, глянь какая умная! — восхитился Лёха. — Такая маленькая, а про тринадцатую зарплату знает!

— По триста рублей-то хоть заработали? — ехидно спросила я.

Тут Наиль прямо обиделся.

— Пф-ф! Триста рублей у нас только директор получает, который в конторе сидит и ничего не делает! Смотри! — внезапно (я-то думала, что он вообще беспартийный!) он извлёк из кармана партбилет и развернул на последней заполненной странице.

Вот тут у меня глаз выпал. Нет, я знала, что буровики по северам получали прилично, но... Зарплата *начиналась* от планки четыреста пятьдесят. И выше, да. А в графе «декабрь» вообще значилось «1576»!!! Да он с этой суммы только взносов заплатил сорок семь рублей с копейками!!!

— И ты, имея такие деньжищи, спокойно смотришь, как твоя мать на старом облезлом диване спит?!

Повисла звенящая тишина. А я смотрела на Наиля и чувствовала, как у меня в висках стучит:

— Ты посмотри, как мы живём! Нищета голимая! Ладно, сестра должна сама себя обеспечивать — но мать-то! Она, вдова, без отца вас вырастила, недоедала, недопивала — а ты?! Да у неё даже шкафа приличного нет!!! И положить туда нечего!!!

Я швырнула на стол партбилет, ушла в комнату и хлопыстнула дверью. Заперлась на шпингалет. Меня мелко трясло. Видеть... видеть вас не хочу! Я ревела тихо-тихо, размазывая по щекам злые слёзы.

Плохо, когда парни растут без отца. И у старшего брата не всегда получается его заменить. Саша тоже выпивал. Нет, не так. Саша *мог себе позволить* выпить — и прилично выпить! — на праздник. А трое младших братьев пили страшно. Хитрое ли дело — четыреста рублей пропить? Сто бутылок «Экстры» — и готово. При наличии друзей вообще влёт. А «друзья» на выпивку набегут, только свистни...

Рашида жена держала, тётъ Валя. Билась за него изо всех сил. Ринат тоже недавно женился, третий раз уж. А Наиль вот один, бабушку не слушает...

В зале бормотали и топтались. Потом Лёха неожиданно громко и нетрезво начал:

— А чево-э-э... поехали! У меня... — что у него, я не услышала, Наиль на него шикнул.

Снова забормотали.

Потом кто-то тихонько толкнул мою дверь, почувствовал, что заперто, и Наилькин голос сказал:

— Оль... Ты это... Мы щас...

В зале стало тихо. Потом хлопнула дверь и в замке провернулся ключ.

Я вышла в кухню, сердито вытерла крошки со стола. Потом сердито схватила пустую водочную бутылку — хотела в ведро выкинуть, но вспомнила, что можно ведь сдать. Сколько там точно копеек, не помню, но сколько-то будет. Серdito отмыла бутылку от этикетки. Вторую они унесли с собой.

Потом я подумала, что эта пустая бутылка, должно быть, не единственная, пошла к Наилю в комнату — и точно! Ещё две нашла. Тоже помыла. Немножко успокоилась. Хоть какая-то мне польза от этой нервотрёпки.

Но психанула я, конечно. Хорошо, никого больше не было, а то спалилась бы по полной. А так, даже если он что перескажет — бабушка не поверит, подумает, что ему с пьяных глаз примерещилось. А мама и слушать не будет, сильно она злится, когда Наиль выпивает. У нас на стене даже след есть...

Прошлым летом — чётко помню, что летом, потому что балкон открыт был — Наилька вот так же выпил. И начал маме (моей маме) что-то втирать, да ещё момент выбрал совсем неподходящий. Хотя, в таком состоянии кто их, эти моменты, выбирает. Да ещё назвал её детским дразнильным прозвищем: «Чачб́и». По-татарски это значит «лохматая». Ну, короче, она психанула и швырнула в него тем, что в руках было — литровой эмалированной кружкой с компотом.

Очень эпично было. Компот пролетел пять метров и расплылся по свежепобеленной стене хризантемой. Наиль-то, конечно, увернулся, но, по-моему, проникся и с тех пор, даже выпив, маму не донимает. У него вообще характер рассудительный и нескандальный, не пил бы — золото, а не мужик бы был. Эх...

Я составила в авоську три водочных бутылки, подумала, добавила к ним заодно четыре молочных и маленькую от сметаны, нарядилась, взяла с гвоздика мамины ключи и пошла в три поросёнка, в «Приём стеклотарь». Очередь была небольшая, и приёмщица сегодня не вредничала, что «тары нет» да «бутылки грязные». Водочные взяла без разговоров, выдала мне шестьдесят копеек. Нормально!

Оттуда я почапала в молочный, там у нас прямо в молочном отделе сама же продавщица посуду принимала. Уж не знаю, может, исхитрялась совмещать ставку продавца с приёмкой или как. Короче, в молочке я получила ещё девяносто копеек, страшно обрадовалась и прямо оттуда по длинной аллейке прошла в промтоварный, купила ещё тюбик шампуня, про запас. Двадцать копеек прикуркулила, а на лестнице к дому ещё две копейки нашла. Вах! Я богатенькая буратина!

На лестничной площадке около двери никто не топтался, дома тоже была тишина, так что мой поход остался незамеченным, а то бы мама с бабушкой в обморок попадали.

Не успела я раздеться и чайник вскипятить — примчалась мама. Быстро-быстро похватила какие-то одёжки и помчалась обратно в школу — репетиция у них к новому году. Генеральная! Придёт поздно.

Вечер в окнах совсем посинел, а бабушки всё не было. Как она там по очередям, не

случилось бы чего... Я что-то так заволновалась, даже ничего делать не могла, всё стояла у окна, на дорогу смотрела.

И тут явился Наиль — и снова с Лёхой! Явление было обставлено шумом, звуком затаскиваемых крупногабаритных предметов и криками: «Заноси!» — «Давай-давай!» — «Осторожней!» — и тому подобных. Кроме них двоих по подъезду таскались туда-сюда ещё четверо грузчиков в серых робах. Зал наполнился какими-то пластинами разных форм, обёрнутых кусками упаковочной серо-коричневой бумаги.

Вот это внезапно!

И тут явилась бабушка, остановилась на площадке, опасливо заглядывая в квартиру, потом пробежала в зал со своими битком набитыми сумками и закрутилась посреди. Мужики снова все ушли вниз, там что-то грохотало и кричали. Бабушка растерянно оглянулась на меня:

— Это что это?

Я привалилась к косяку нашей комнаты:

— Как видишь, Наиль решил мебель купить.

— Жениться, что ль, надумал? — слегка испуганно пробормотала бабушка.

— Не исключено.

Она вдруг засуетилась, заметалась, побежала в кухню и начала так активно там греметь кастрюльками, как будто Наиль женится вот прямо сейчас.

Внезапно с какой-то очередной доской зашёл наш дядя Рашид с четвёртого подъезда.

— Мама, куда ставить?!

Бабушка выскочила из кухни с озабоченным лицом:

— Туда, туда, в зал неси!

— А я подхожу с работы — смотрю: таскают что-то. О! Наиль! Подошёл — сразу: на, тащи! — Рашид засмеялся и пошёл вниз.

Последним заволокли диван странной, на мой взгляд, конструкции. Сзади, сразу за спинкой, у него было ещё пространство, а сверху — крышка, как у пианино. Может, его как-то из пианино и переделали, типа оптимизация производства? Хрен знает, короче.

В эту бандуру можно было складывать постельное или ещё какие вещи, а диван раздвигать, но все сразу решили, что лучше не раздвигать, потому как если постоянно двигать, всё быстро расхлябывается.

Не имею оснований не доверять этим утверждениям.

В обсуждении раскладывания дивана принимали громкое участие решительно все кроме меня. Даже грузчики. Более того, к грузчикам в этом вопросе особенно прислушивались, как к людям компетентным. Потом Наиль отслонявил им пару бумажек, и работники советской торговли ушли.

Помимо полированной крышки диван имел такие же полированные боковушки-подлокотники и мягкую часть, обитую красивой бордовой тканью с бежевыми, под вид золота, узорами: дужки, листики, завитки. Бабушке диван страшно понравился.

Лёха тут же принялся хвастаться, что это благодаря его уму и красоте (зачеркнуть) связям — кто-то опять типа «троюродной сестры одноклассницы зятя» работал в мебельном — всё так быстро получилось! В обход очереди и вообще: диваны только привезли, их даже и не выставляли ещё. А стенка — ух ты это стенка? — немножко с браком, поэтому её списать должны были, но...

— Вы тётя Рая, посмотрите, — Лёха развернул одну из длинных пластин, в которой я

угадала боковушку шкафа, — здесь царापина. Не спорю, большая царापина, да, Коля?

— Н-но, — кивнул Наиль.

— Но эта царापина куда? — Лёха смотрел на нас как фокусник.

— Внутрь? — не поняла бабушка.

— Да нет же! Она даже не внутрь — она *между* шкафами будет, это ж стенка! А ценник получился — триста рублей всего!

Я прямо восхитилась. Молодец вот эта дамочка из мебельного. Списанный, фактически, товар продала за триста рублей. Три месячных зарплаты начинающего воспитателя, например. Интересно, а не должны ли они были, по идее, разобрать комплект и продать ликвидные части отдельными предметами?

У стены стояла целая пачка ДВПшных задних стенок. На последнем, как специально видно было, что с тыльной стороны изначально была наклеена (но впоследствии тщательно ободрана) заводская бумага с данными. Ох, мутят что-то в мебельном... По этой же причине название сказать вам не смогу.

— Мы сейчас соберём, и вы сами посмóтрите! — торжественно завершил спич Лёха, и мы с бабушкой стратегически отступили в кухню, чтоб не мешать.

— Баб, а куда они стенку поставят, там же у нас сервант?

Сервант выкидывать тоже было жалко. Да, жалко, и не ржите надо мной! Он ещё крепкий, о-го-го! Ещё лет пятьдесят на даче прослужит! Дачи, правда, пока нет. А выкинем — где такой возьмём?

Бабушка поцыкала зубом.

— Скажу, пусть на эту сторону переставят, между дверями.

Она пошла в зал, и стало слышно, как она позвякивает парадной посудой. Ну, правильно — вытаскивает, иначе сервант вообще неподъёмный будет.

Тут пришла мама, тоже удивилась, но деловито включилась во всеобщий хаос. В какой-то момент стало совсем тесно, и старый бабушкин диван вытащили в подъезд. Только хотели спускать вниз — вышел сосед-алкаш из однушки. Тык-мык, «если вы выбрасывать собрались, так, может, я...» Отдали ему, короче.

Стенка получилась весьма симпатичная. Вполне в духе времени: здоровая, от угла рядом с балконом чуть не до самой двери, пять двухтумбовых секций. Три застеклённых, в рамках, (одна из них — сервант, со стеклянными полками и зеркалом по задней стенке), одна совсем глухая, с полками, и одна тоже глухая, но более глубокая, плательная, под вешалки. Ну и, как положено, тумбы и выдвижные ящички по низу, тумбы-антресоли по верху. Что меня несказанно порадовало, в этой комплектации не было ни открытых полок-пылесборников, ни невнятных секретеров и баров, которые со страшной скоростью выламывались. Зато в придачу шла отдельная тумба под телевизор. Это вот кто-то здорово придумал!

И Лёха-таки был прав. Поставили шкаф с царapiной встык с другим шкафом — и никто никаких дефектов ни в жисть не заподозрит. Зато в зале сразу стало узко — прям вот до невозможности. Прикидывали так и этак — не получилось никакого другого варианта, кроме как сервант к нам с мамой в комнату втащить. Теперь тесно у нас, но хоть ходить можно. Как заходишь, справа наш плательный шкаф и сразу кровать — всё, ровно впритык по размеру комнаты, а слева — сервант, а сразу за ним дверцы встроенного шкафа, тоже тютелька в тютельку. Детскую мою мебель пока всю в угол сгрудили, хорошо хоть, мы с бабушкой кукольное царство убрали.

Ну вот, теперь в зале стало можно повернуться. Плательный шкаф всё-таки поставили отдельно, к узкой стене, вместе со столом, а в середину стеночного ряда уместили тумбу и на неё телевизор — там в стене как раз розетка была. Теперь и диван напротив, между дверями в спальни, хорошо встал.

Бабушка выставила мужикам сковороду жареной картошки, солёных огурцов и белого мороженного солёного сала. Откуда-то опять возникла наполовину початая бутылка водки, которая довольно быстро кончилась. Видно было, что всем троем работникам хотелось продолжения, но бабушку они стеснялись, пошли в подъезд покурить, а потом забрали куртки и откланялись все втроем. К Рашиду пошли, поди, продолжать. Бедная тётя Валя.

Мама быстренько помыла пол, и они с бабушкой уселись на новый диван, страшно довольные.

— Теперь люстру надо, — размечталась мама, — и ковёр на весь пол!

— И на диван новое покрывало, — поддакнула бабушка.

Да. Вот оно — эталонное представление восьмидесятых об идеальном интерьере. И я, между прочим, ничего принципиально против не имею. Нормально и удобно, можно жить. И ковры я люблю. Это, наверное, часть восточной крови во мне говорит.

— Эх, жаль, полочек открытых нет, — выдала вдруг мама, — я бы ва-а-аз хрустальных поставила.

О! Про хрусталь-то в образцовом интерьере я и забыла! Хотя и он мне тоже нравится. Красивое. Если оно без фанатизма.

— И нисколько не жаль! — решительно возразила я. — Все эти открытые ниши только пыль собирают. А рюмки-вазочки мы прекрасно за стекло поставим, очень красиво будет. Тряпочку дай, я полки протирать начну.

— Хозяйственная растёт! — довольно усмехнулась бабушка и пошла за тряпочками.

А чего сидеть-то? Протрём, да барахло сложим, уж сколько есть.

10. ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРОЙ

ВОТ И ЁЛКИ

Двадцать девятого числа дети учились последний раз во второй четверти, а тридцатого с утра начались ёлки, в которых моя активная матушка принимала самое деятельное участие. Она и меня хотела с собой взять, но я отказалась.

— Не хочу. Дети большие, классов много. Затопчут там меня.

Нет, правда. О школьных празднествах я имею весьма чёткое представление. Вместо этого мы с бабушкой остались свою ёлку наряжать.

Ёлочка у нас была метра полтора высотой, из жёсткой пластмассы и довольно худенькая, но этот недостаток был и её одновременным преимуществом: в маленькой квартирке в любой уголок поставь, вертикальная проекция чуть больше табуретки. На табуретку мы её и примостили, привязав бельевой верёвкой — так повыше было. Табуретку обмотали белой простынёй, типа снег — иначе как под ней подарки прятать, никакой интриги.

А вот игрушки были совершенно шикарные. Через полсотни лет бы сказали: «винтаж». Исключительно стеклянные, некоторые чуть ли не пятидесятих годов. И множество игрушек было фигурных: зверюшки, птицы, сказочные персонажи — огромное разнообразие. Мама ёлочные игрушки любила не меньше обычных и при каждом удобном случае покупала что-нибудь новое и оригинальное.

Хранилось это богатство в большой картонной коробке на щепочных антресолях в комнате Наиля. Он нам эту коробку снял, потом принарядился, надел шёлковый галстук «вырви глаз» и положил на стол в зале перед бабушкой сложенную новогоднюю открытку:

— Поздравляю тебя, мама, с новым годом. Вот. Купи себе новое пальто.

Бабушка аж за сердце схватилась.

— А тебе, Ольга, что купить?

В прошлый раз я попросила у него набор посуды: тарелочка глубокая, мелкая и две кружечки, с картинками из сказок. В промтоварном продавался. Очень мне этот набор нравился. Но в этом варианте событий тарелки меня мало интересовали.

— Знаешь, на Ленина магазин есть в кривом доме? «Художник»?

— А ты откуда его знаешь? — подозрительно сощурился Наиль.

— Да неважно. Купи мне хорошую художественную акварель. «Нева» или типа того. Только чтоб для художников, ладно? И если совсем разгонишься — беличьи кисточки, однёрку, тройку и пятёрку. Тоже для художников, чтоб нестриженные.

Наиль озадачился и уехал, сказал, что к друзьям, вернуться обещал второго-третьего и краски мне привезти. Посмотрим...

Мы вдвоём с бабушкой заглянули в открытку. Там лежало двенадцать двадцати пяти рублёвых бумажек. Ого!

— Хватит на пальто? — спросила я.

— С меховым воротником! — бабушка спрятала деньги в шкаф и под села ко мне на диван:

— А тебе зачем такие краски?

— Иллюстрации к книжке рисовать.

— М-м. Писатель будешь, а ещё и художник?

— Ага.

— Мх.

Бабушка задумалась, искоса поглядывая на печатную машинку. До сих пор я не особо к ней подходила.

— Ты не переживай, — сказала я, — настанет и её время. Вот с черновиками закончу — и начну.

— Конечно, начнёшь! — бабушка обняла меня и поцеловала в висок.

Не верит, конечно, ни фига. Но... Спасибо хоть за такую поддержку. Мне всё равно приятно.

ТИПА ЗАГОВОР

После обеда пришёл папа. Не так уж он часто ко мне приходил тогда. Не особо его мама с бабушкой привечали.

Я надеялась, что где-то перед новым годом он придёт, внутренне готовилась, и мне удалось не разреветься при виде него. Господи, сколько лет... Очень я соскучилась.

Принёс большой новогодний кулёк — ну, как обычно в те годы: конфеты (и чтоб обязательно побольше дефицитных, вафель в шоколаде, типа «Красной шапочки» и «Мишки на севере»), большая шоколадка, маленькая шоколадка, огромное и очень красивое «подарочное» яблоко и два мандарина. Это так меня растрогало, просто не высказать.

Бабушка прохаживалась мимо нас, важная, как линкор.

— Пойдём, погуляем? — предложила я.

Я собиралась страшно папу озадачить, и для этого мне не нужны были свидетели.

Мы вышли во двор, отошли в дальний край игровой площадки и присели на скамеечку. Я немного запуталась в датах и не могла вспомнить, Санька родился уже или где-то вскоре вот-вот, но отец точно должен уже второй раз быть женат. А это упрощало дело, потому как жена у него была наполовину бурятка.

— Пап, ты же на тренерскую ушёл уже? — уточнила я.

— Да, а ты откуда знаешь?

Предположила, хе. И ставку тебе, я так понимаю, положили минимальную. Судя по тому, что я помню про алименты. Двадцать пять рублей ровно мы получали — четверть зарплаты. А, может, уже и шестнадцать с копейками, если Санька родился.

— Про институт не думал?

Папа посмотрел на меня сбоку:

— Ты этим голову себе зачем забиваешь?

— За надом. Я слышала, что дядя Саша говорил.

— Это Галин брат-то?

— Да. Он же физрук. Уговаривал маму идти учиться. Ставка выше. Аттестация больше плюсов даёт, — я качала валенком. — Только в Иркутске нету. Надо в Улан-Удэ ехать.

— Ну вот! А ты знаешь, какой там конкурс? И в первую очередь своих берут, бурят.

— Да знаю я про бурят, — я нетерпеливо соскочила с лавочки и встала перед ним, — и про то, что по-родственному у них всё, я тоже слышала. Я вообще много чего слышу, — это заявление заставила отца посмотреть на меня более пристально. — Ты послушай меня! Всё равно ты к этому придёшь. А у тебя теперь *есть бурятская родня*, — я посмотрела на него многозначительно. — Не бывает так, чтоб буряты в Улан-Удэ жили, и у них нужных знакомств не было.

— Я не понял — тебя что, подучил кто-то?

— А то что я сама по себе умная, такой мысли ты не допускаешь?

Папа смотрел мне в глаза. Как говорится, «никогда ещё Штирлиц не был так близок к провалу».

— У дяди Саша день рожденья был десятого, — сказала я, — я сидела и слушала всё, что они там говорили. Нет другого способа повысить зарплату. Даже если у тебя чемпионы страны будут, а образования не будет, любой халявщик с дипломом института получать будет больше тебя. В Улан-Удэ сплошная круговая порука, родня, друзья... Просто так ехать — шансов нет. А у тебя *будет*. У тебя ещё и фамилия подходящая.

— Бурятская? — усмехнулся отец.

— Не только. Ты знаешь, у них знаменитый поэт есть, наш однофамилец. А поэтов у них не так много.

— Да ты чё?

— Да, я в газете видела. Михаил зовут.

В глазах у отца появился азарт. Всё. Теперь он из одного чувства авантюризма захочет туда поступить.

Вообще-то он и так бы до этого дозрел, но года через три-четыре, когда у него чемпионы Союза появятся, а ситуация будет ровно как описанная мной (бумажки нет — гуляйте). Так чего время терять?

Потом мы ещё побегали по площадке и покидались снежками. Увалялась я, как снеговик, и домой пошла совершенно довольная. А под конец попросила:

— Пап, подари мне на день рожденья бумагу для печатной машинки. Не надо игрушек.

— Бумагу? — страшно удивился он.

— Ага. Мне сильно надо. Я книжку печатать буду.

— А, ну раз книжку — подарю, конечно!

Тоже не верит. Но, как было написано в инструкции к китайской микроволновке, над которой мы ржали всей семьёй: «это нормально!»

ОЛЬКИНА ГРАМОТА

Между тем, я старательно писала. Тетрадки я выбрала в широкую линейку, хотя всю жизнь для конспектов предпочитала в клетку, с записью без пробелов, в каждой строчке. А тут подумала, что для перепечатки читать потом сильно мелко будет, неудобно.

Путём нехитрых арифметических вычислений, даже с учётом диалогов (если их, конечно, не избыточно)*, я пришла к пропорции: тысяча символов = страница. А с учётом всяких вставок, правок и дополнений, без которых никак не обходилось, тетрадь в восемнадцать листов как раз тянула на такую малоизвестную обычному читателю штуку как авторский лист. Это стандартная единица, которую используют для оценки объёма текста в издательствах, сорок тысяч знаков (это с учётом пробелов). На не самую большую, но уже полноценную книжку, нужно где-то десять авторских листов. Значит — примерно десять восемнадцатилистовых тетрадок.

*И не в стиле Дюма,

которому платили построчно:

«— В Париж?

— В Париж!

— В столицу?

— В столицу.

— Да.»

Можно было взять тетрадки и по сорок восемь листов, но в магазине все они, во-первых, были в клетку, а во-вторых, мне показалось, что ими будет не так удобно пользоваться при перепечатывании.

Если от меня не требуется зарабатывать на жизнь, готовить еду и иными способами печься о ближних, я могу работать всё своё свободное время. Вот просто абсолютно. Не то что бы я совсем интроверт, но вполне счастлива, общаясь с крайне небольшим кругом лиц. И в данный момент обстоятельства были для меня близки к идеальным, компьютер бы ещё... А пока я была ограничена скоростью письма и тренированностью мышц кисти. Да, поначалу напишешь полстраницы — руку как будто тянуть начинает, а если торопишься — аж сводит. Потом я вспомнила все свои хитрые сокращения, которыми в студенчестве пользовалась, стала в обязательном порядке физкультурные пятиминутки себе устраивать (в том числе и для рук) — и дело пошло веселее.

На сегодняшний день в левой нижней тумбе серванта, куда я упаковала бóльшую часть своих художественно-писательских причиндалов, лежало уже шесть плотно исписанных тетрадок.

Из официального (или, пожалуй, сказать «официозного?»): 19 декабря Леониду Ильичу вручили четвёртую звезду Героя Советского Союза. Учитывая, что дедушке осталось совсем недолго, я не знала, радоваться за него или огорчаться.

НОВОГОДНЕЕ

Тридцать первого декабря (а это был четверг) мама ушла на работу, а мы с бабушкой готовили праздничный стол. В основном, конечно, бабушка. Не доверяла она мне ножики, так что я больше марафет наводила, мыла что-нибудь и посуду расставляла красиво, поглядывая одним глазом на «Щелкунчика» в постановке Большого театра. На этом интересное для меня кончилось, и я сердито выключила телик. Что за набор передач такой под новый год? Ансамбль «Берёзка», «Путёвка в жизнь», интервью с шахматистом — да вы издеваетесь? Пойду лучше свёклу варёную на тёрке тереть, это мне можно.

Никаких «уйти пораньше» в предновогодний вечер не предполагалось, и все как штык досиживали свои рабочие часы — как те же учителя, например, у которых уже ни уроков, ни вообще учеников не было. У меня, к слову, при виде весело блестящей глазами прибежавшей с работы мамы, возникло подозрение, что они компенсировали себе это досадное недоразумение и успели немножко поздравить друг друга всем коллективом, шампанского по кружечке принять или ещё как.

К вечеру телевизор внезапно разразился, предложив нечто интересное и для меня в том числе. Правда, я, наверное, озадачила бабушку, выбрав вместо мультконцерта фрагменты оперы «Руслан и Людмила» по второй программе. Люблю Глинку. Не так чтоб прям беспрерывно слушать, но периодически — с удовольствием.

Потом по первому показали красивых фигуристов. Это уже бабушка любит.

Потом мы включили цирк и начали уже провожать старый год — ну, сколько можно, в самом деле! К полночи я откровенно клевала носом, перестроилась за этот месяц пораньше спать ложиться.

Целых десять минут нас (и весь советский народ совокупно) поздравляли с новым годом. Не люблю такое, нудятина сплошная. Вообще длинные речи не люблю, особенно если на серьёзных щах такую пургу слушать... Поэтому когда, наконец-то, случилось заветное «С

новым годом, товарищи!»), я страшно обрадовалась.

Новый год мы встретили очень тихо, втроём: я, мама и бабушка. Никуда не пошли, даже на горку. Мама одна боялась. Я бы на её месте тоже боялась, какая-то там тусила гоп-компания, все порядочные люди спокойно сидели по домам — это можно было наблюдать в окнах стоящего напротив дома. Тётя Валя с дядь Рашидом тоже в полночь не ходили, да у них Ирка совсем маленькая была.

Мама с бабушкой затеяли смотреть «Голубой огонёк», а я сидела и нацеливалась спать.

Внезапно у соседнего дома (который ниже нашего) кто-то сделал пару выстрелов из спортивной ракетницы: зелёный и красный. Это, если вы вдруг не видели, звучит такой глуховатый «ПЫК!», после которого вы пытаетесь в облаках разглядеть одинокий огонёк. Висит не то что бы долго, но достаточно, чтобы среагировать на «вон, смотри-смотри, ракета полетела!» Под окнами несколько раз хлопнули хлопушки, разбрасывающие конфетти, и вроде бы кто-то пробежал с бенгальскими огнями.

На этом фейерверочная часть была окончена.

Зато в опустившейся на город тишине гораздо сильнее стала слышна внутренняя жизнь дома. Кто-то пробегал по подъезду, люди весело переговаривались, хлопали двери, где-то радостно кричали: «С но-вым! Го-дом!» — а где-то уже пели...

Я поняла, что голова моя тяжелеет, и пошла спать.

ПО ОБМЕНУ ПРЕМУДРОСТЯМИ

1 января 1982.

Нет, вообще-то дядя Саша приехал вовсе не за этим. Они с тётей Ниной (а потом, как-то потихоньку и все остальные дети с жёнами-мужьями) первого января потянулись поздравить бабушку. Не прямо с утра, конечно, где-то так к часам двум, так что вчерашние бабушкины салаты-котлеты-разносолы пришлось как раз кстати. Все тоже несли что-нибудь к столу: кто торт, кто конфеты, тётя Нина свой фирменный пирог с красной рыбой. Собралась, в общем, весёлая компания. Стенку нашу как раз хвалили — жаль, Наиля не было.

И вот, когда все уже наелись и начали туда-сюда ходить общаться, мама, которой предстояло, оказывается, во время каникул провести зимние школьные «весёлые старты», начала дядю Сашу расспрашивать: как оно лучше, да ловчее организовать. У неё, так-то, и свой опыт уже был, но, ясное дело, гораздо меньше. Я вспомнила, что в книжках у нас хранится замечательный сборник всяких зимних игр и развлечений как раз для детей, притащила его, и начали они там описанное обсуждать, а местами критиковать или придумывать, как это было бы получше, если бы...

И так это было интересно, что когда они за стол пошли, я взяла этот сборник, и прямо на полях кой-какие заметочки карандашиком сделала, а кое-что из сказанного и в тетрадку записала.

Мысль у меня возникла. Книга книгой, а маме тоже надо двигаться помогать. Вечером, когда народ разошёлся, я эти заметки подбила в кучу, и получилась у меня довольно складная статья — в конце концов, я ведь тоже и педагог, и методист, в анамнезе-то*.

*Переворачивая известное выражение:

«в не столь отдалённом тёмном прошлом»...

Второго мама ушла на работу — выходной-то новогодний первого января только — и я, наконец, уселась за печатную машинку.

— Чё, книжку писать будешь? — заглянула бабушка, услышав щелчки клавиш.

— Потренируюсь пока, — культурно мазанулась я.

— А-а... Ну, тренируйся, тренируйся, молодец.

Ну что, товарищи... Молодец-то я молодец, да только печатная машинка — ни фиги не компьютер. Пока я к ней приноровилась... Кучу бумаги перепортила, короче. Нет, до того, чтобы лежать в отчаянии пластом на кровати, глядя в синюю бездну над головой, не доходило. Но попсиховала. Искренне надеюсь, что бабушка не слышала, что я тут шипела себе сквозь зубы. С непривычки я эти пять листов с исправлениями и переделками печатала три дня. Торопилась ещё, полюбас из-за этого сконцентрироваться не могла. А всё мысли вредные, что печатают-то статьи по сезонам, правильно? Пока дойдёт, да пока рассмотрят, зима пройдёт. Я, правда, там включила обосновалку, что зимние игры как раз подойдут для закрытия снежного сезона. Масленица не очень вписывалась в линию партии, зато можно было приурочить игры ко дню советской армии. Но время, время...

К третьему дню великой, простите, затрахандии, я более-менее приноровилась к машинке, скорость чуть-чуть появилась, и это придало мне бодрости. Я добавила к статье крошечную сопроводилку про авторов, происходящих из семьи педагогов, брат и сестра, наставничество, преемственность поколений и ты ды. Нашла в альбоме пару маленьких фоточек, где оба видно что в мастерках — молнии и характерные полосатые воротники ни с чем не спутаешь. Приложила свои пятнадцать рисуночков (в книжке про зимние игры тщательно вымеряла размер — мало ли, может, стандарт какой?), объявила, что иду гулять (для убедительности прихватила горочную подушку), и поволоклась в школу.

Было у меня опасение, что школа закрыта — но нет. Более того, в вестибюле целая толпа детей что-то шумно обсуждала, похоже, спектакль собираются ставить или типа того.

Библиотекарша Анна Дмитриевна увидела меня, аж с лица сбледнула. Ну чем же я вас, тётенька, так пугаю, я прям понять не могу...

— Здравствуйте! — я изо всех сил постаралась произвести приятное впечатление. Тщетно уже, наверное? — Анна Дмитриевна, подскажите, а какой журнал школа получает для учителей физкультуры?

— За этот месяц не было ещё, — поджала она губы. — Если только за декабрь.

— Прекрасно подойдёт и за декабрь! — обрадовалась я.

В конце концов, что я переживаю? Ну, тараканы у тётки. Мне ж с ней детей не крестить.

Осчастливили меня двумя изданиями: «ФиС» (т. е. «физкультура и спорт») и «Физическая культура в школе». Я полистала их, почесала тыковку. «ФиС» — прям сильно круто. Прям вот элита-элита, не полезем мы туда. А вот в «Физкультуру в школе» можно попытаться сунуться. У нас же как раз «из опыта работы». Я выписала адрес редакции и почапала на почту.

11. ГЕНИАЛЬНЫЙ РЕБЁНОК

ПОЧТА

Когда бы ни пришёл на почту — там всегда будет толпа народу. Во все времена. От открытия и до последней секунды. Если на почте никого нет — должно быть, апокалипсис близко.

Вдоль длинной конторки стоят люди. Где-то-там (логически предполагаю, что в голове очереди) за конторкой скрывается почтальонша. Люди подходят, доверительно сообщают ей свои нужды и обретают желаемое. Кто покупает, кто платит, кто деньги отправляет. А кое-кто и получает, между прочим. Всё происходит негромко и небыстро.

Я встала в хвост шестой по счёту. Стоим. Тяжело хлопают входные двери, словно их специально так устроили, чтобы усложнить проникновение в это царство пересылок. Очередь потихоньку прибавляется.

Ждать, разглядывая крашенную голубым панельку конторки, невообразимо скучно. Передо мной стоит женщина в зелёном пальто в ёлочку, на хлястике две здоровенных изумрудно-пластмассовых пуговицы, больше смотреть не на что. Я некоторое время разглядываю свои валенки, потом замечаю край серой шинели стоящего за мной дядьки. Поднимаюсь взглядом вверх-вверх-вверх... прямо дядя Стёпа какой-то! А это и не шинель, пальто такое, военного кроя. Мужик в ондатровой ушанке улыбается и подмигивает мне сразу двумя глазами. Усы русые.

— Здравсьте, — немного сконфуженно бормочу я и поспешно отворачиваюсь; всё-таки, неловко, когда тебя замечают за разглядыванием незнакомого человека.

Наконец доходит моя очередь, и вот незадача — для такой мелкой карабатульки, как я, увидеть тётеньку-почтальоншу нет никаких шансов.

Я отступила на пару шагов от конторки и громко отчётливо начала:

— Помогите мне, пожалуйста, это очень важно. Моя мама написала статью для специального школьного журнала, и надо, чтобы эта статья обязательно попала в редакцию!

Из-за верхней границы конторки, медленно, как восходящее солнце, показалось одутловатое лицо почтальонши. Бледная какая, как будто её из почтовых подземелий месяцами не выпускают...

— А ей нельзя уйти с работы, — настойчиво продолжила я, — и надо, чтобы письмо отправила я, а оно очень срочное! У меня есть немножко денежек, и вот, все материалы, только надо ничего-ничего не потерять.

Почтальонша выслушала мой спич с каменным лицом.

— Давай-ка тебе поможем, — сказал дядька, стоящий за мной в очереди, и положил мои бумажки перед монументальной работницей почты. — Вы же видите, гражданка: дело серьёзное.

Дама кивнула:

— Рукописи пересылаются заказными бандеролями.

— А сколько это будет стоить? — пискнула я, надеясь, что пятидесяти копеек, брякающих у меня в кармане, хватит.

Почтальонша высоко подняла брови, взяла мои листы и взвесила на специальных весах.

— Сорок восемь грамм. Обычная пересылка — десять копеек. Авиа — двенадцать. И конверт...

Эта информация вызвала у меня несказанное облегчение. Хватит моих капиталов!

— Давайте авиа!

Дядька уложил мои бумажки в специальный большой конверт и всё заклеил, я вписала в нужные графы адрес редакции, пробормотав про себя наивное детское заклинание: «Лети с приветом — вернись с ответом!» — расплатилась, заодно купила новогоднюю открытку со снеговиками (авторство художника Зарубина, очень он мне нравится) и побежала домой.

От избытка чувств три раза прокатилась на трёх встреченных горках, пришла домой в снегу, так что гулянье моё никаких сомнений не вызвало.

На этом день четвёртое января тысяча девятьсот восемьдесят второго года был благополучно завершён. Нет, ещё остались часы, но я чувствовала себя такой уставшей, как маленькая собачка. Я из последних сил поела, взяла с полки книжку с «Одиссеей капитана Блада», упала на кровать и предавалась ничегонеделанию до самого вечера. Потому что даже взрослой тётё, запертой в теле маленькой девочки, нужен отдых. Такие дела.

РАЗМЕРЕННОЕ

Со следующего дня всё покатилося по привычному расписанию: пока мама на работе, всё свободное время я пишу-пишу-пишу, вечерами — рисую.

Но тут неожиданно взбрыкнула бабушка. Мало, понимаете ли, ребёнок двигается. И много сидит. А надо наоборот. И стала выгонять меня на улицу — то с утра, после завтрака, то после обеда. Первый раз меня это страшно обескуражило, как будто внезапно из поезда высадили. А потом я подумала: права ведь бабушка. В таком режиме жить — вырастет из меня малохольная гиподинамичная плесень. И начала я себе ежедневные разминки устраивать. Ну, и с горки каталась, не без этого; люблю ощущение полёта со свистом, а пока вверх бежишь да в гору лезешь, отличная тренировка получается.

Бабушка, кстати, съездила в город (ну, в смысле — в центр) и приобрела себе на подаренные денежки пальто. Не сказать, чтобы оно было верхом изящества (да и вообще, сложно ожидать чего-то сверх-изящного на столь округлую и приземистую фигуру), но оказалось о-о-очень тёплым.

И норка на воротнике была не чета той тонкошкурой, что через десять лет из Канады начнут возить. Эта была густой, плотной — отличная норка, одним словом. Покупка вышла в двести шестьдесят пять рублей (из них сто пятнадцать за воротник), я ценники посмотрела.

Наиль приехал аж седьмого и почти сразу уехал обратно на буровую. Вот и дома побыл, называется. Единственное, что они успели с бабушкой — съездили на Академгородок в магазин «Коопторг» и закупили всякого. Втридорога, конечно. Зато мясо хорошее, и не только свинина-говядина, а даже сохатина*. Все радовались, что зима, и мясо можно на балкон сложить, а то у холодильничков наших морозилки уж больно маленькие и смешные.

*Ну, лосятина, то есть.

Кстати, красок акварельных, каких я хотела, купить он не смог — нету, и всё тут. Привёз два больших набора акварели: «Спутник» — лучшее, сказали, из того, что есть, и второй, попроще, школьная акварель, четырнадцать цветов в наборе (в комплекте со смешной растопорщенной кисточкой, подходящей разве что для клея). Ну, хоть так.

Зато беличьи кисточки в «Художнике» были, и теперь у меня аж четыре штуки разнокалиберных: единица, тройка, пятёрка и огромная десятка. Вечерами я рисовала, и мама, поначалу страшно удивлявшаяся, кажется, привыкла к моим внезапным талантам.

Книжка моя про приключения в Железногорске успешно продвигалась к финалу; где-то в первых числах февраля я закончила работу с тетрадками и отложила рукопись

вылѣживаться — до начала апреля. Получилось одиннадцать тетрадок со вставками, на мой вкус — вполне достойно.

И, конечно, я всё думала про статью. Если честно, надежды на быстрое издание было ещё меньше, чем на издание вообще. Я вполне отдавала себе отчёт, что материал вполне может быть придержан до следующей зимы — если вообще выйдет. Нет, я надеялась... Уж уровень-то я оценить могу (и просто собственного методического сочинительства и соотносительно с другими публикациями в том же журнале), но вполне может статься такое, что у редакции и так своих прикормленных авторов достаточно, зачем им ещё какие-то неизвестные татары из Сибири...

К тому же, уж больно спешно всё получилось.

Рассуждая на тему поспешности, я начала готовить статью про бабушку и её старших детей. О годах войны, проведённых в Омской области, — с одной стороны это был пилотный материал будущей книги «Председательница», а с другой — самодостаточная вещь. Отправлю к девятому мая. Например, в тот же «Костёр». И немного другого формата, где акцент будет сделан на детей, помогавших фронту — в «Пионерскую правду».

Эта идея так меня увлекла, что я на время забыла о других проектах, и вот, пятнадцатого февраля...

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

— Мама, смотри! — матушка моя забежала в квартиру, расстёгивая шубейку на ходу, и запрыгала, вытряхивая руки из рукавов.

— Что такое? — сразу заволновалась бабушка.

— Вот! Я думала алименты, а сумма странная какая-то. И вот ещё, — она сунула бабушке маленький квиток извещения.

— Не пойму я, — бабушка отнесла руку с листком подальше*, — это что... На Ольгу, что ли?

*Да-да, «зрение у меня хорошее, просто руки короткие...»

Божечки мои, неужели напечатали статью?!

— А журнал? — спросила я.

— И журнал! — воскликнула мама. — «Физическая культура в школе», за февраль! — она взмахнула журналом, который я до сих пор не видела из-за шубы, и из него вылетел маленький листочек, на котором было написано карандашом: «Шаманова, авт. экз-р*».

*«Авторский экземпляр», вестимо.

— Дай мне! Пожалуйста! — меня замандражило, и ноги сделались холодными.

Я торопливо раскрыла на оглавлении, пробежала пальцем по строчкам...

— Пятнадцатая страница! — руки вдруг затряслись, так что я даже не могла страницы переворачивать, и мама сама зашелестела листами.

— Это... Это как это? Саша написал?

Бабушка вынула журнал у мамы из рук и старательно-дикторским голосом зачитала:

— «Организация зимней спартакиады: из опыта работы». Кульмухамедов А.Н., Шаманова Г.Н. — бабушка озадаченно посмотрела на нас. — Правда, Саша, что ли, написал?

— А на Ольгу почему перевод?

— Можмыть*, так алименты теперь будут приходиться? На почте спроси.

*Это «может быть» по-бабушкински.

Меня ситуация почему-то настолько выбила из колеи... Вроде, ради этого же всё и

затевалось, а поди ты...

Я постаралась справиться с голосом:

— Это я написала.

Мама и бабушка посмотрели на меня как громом поражённые.

Я проглотила комок в горле.

— Вы когда с дядь Сашей обсуждали, я постаралась запомнить, и записала.

Ну, по сути-то так ведь всё и было, да?

Они продолжали на меня смотреть, и я добавила:

— А картинки я сама нарисовала, и написала, что это я. Это... Иллюстратор. Поэтому вторая бумажка для меня. За рисунки.

Бедная моя мама. Я представляю, как должен раскачиваться для неё сейчас мир.

— А сколько там денег? — спросила я.

— Тридцать рублей, — отстранённым голосом сказала мама.

Интересно, все картинки взяли?

— А за текст?

— За текст... — она посмотрела в первое извещение, — тридцать шесть рублей двадцать пять копеек.

Ага. Интересно, сам текст подредактировали или нет? И если да, надеюсь, без потери смысла...

— Когда на почту пойдём?

— На почту? — мама прислонилась к косяку двери, ведущей в зал. — Что-то у меня как будто голова кружится...

Я сбегала на кухню, оторвала в аптечке кусочек ватки, потом заглянула в ванную, там в уголке под раковиной нашатырный спирт стоял в страшной зелёной бутылке с закручивающейся крышкой, ватку помочила чуть-чуть:

— Понюхай, только осторожно, — я поводила своей медициной у мамы перед носом.

— В-в-ву-а-а-ай, — она передёрнулась, — это что такое?

— Нашатырь. Раздевайся давай, чай пить пойдём. И нечего тут головой кружить. Я же вам сказала, что буду писателем, а вы мне не верите! Дай журнал, я хоть посмотрю. Баба, налей чаю, пожалуйста. Попьёт — успокоится.

Я снова вытянула у неё журнал, пошла в зал.

Бабушка торопливо пошуршала на кухню, загремела там.

Статью изменили совсем немножко. И пояснительную мою записку напечатали, только чуть-чуть подправив стилистику (в более «социалистическом», я бы сказала, духе). И фотки!

Я подняла голову и увидела, что мама с бабушкой стоят напротив меня, тоже заглядывая в журнал — мама с ополовиненной чашкой в руке.

— Я думаю, надо этот первый опыт как-то отметить, — сказала я. — Лимонада купить. «Тархун»! Ну, или какой будет. За деньгами пошли?

И мы пошли. Повезло нам, что наше почтовое отделение работало аж до восьми вечера. Впрочем, когда нам наконец выдали наши денежки, настенные часы за спиной у почтальонши показывали всего лишь пятнадцать минут седьмого, и мы ещё в продуктовый успели под закрытие. Из лимонадов на полке стояли «Дюшес» (по тридцать копеек), «Колокольчик» (по тридцать пять) и «Байкал» (по сорок пять).*

**Это с учётом того,
что лимонадные*

*пол-литровые бутылки
с прошлого года
принимали в «Стеклотаре»
по двадцать копеек.*

Тархуна, к сожалению, не было. Он хоть и стоил дороже остальных — аж шестьдесят пять копеек за бутылку — но разбирали его всегда очень быстро.

Мы купили всех имеющихся лимонадов по паре штук и килограмм конфет «Черёмушки» по два двадцать. Масло у нас дома есть — бабушка в коопторге четыре пачки про запас взяла. А я страсть как люблю свежий хлеб с маслом и с такой вот конфеткой.

По дороге домой я сказала:

— Мам, давай мы подкопим и купим тебе новое пальто. Красивое, с меховым воротником.

На натуральную шубу даже замахиваться было страшно — норковые шли по цене чуть ли не как кооперативные квартиры-однушки. А синтетика у неё и так вон есть, фигня на палочке, год — и уже свалялась.

— Пальто с воротником знаешь сколько стоит! — вздохнула мама.

— Знаю, я на бабушкином цену посмотрела. Только тебе такое не надо, такое только для толстеньких бабуль хорошо. Тебе надо приталенное, по фигуре. А снизу чтоб маленько колокольчиком.

Мама склонила голову набок — прикидывает, поди.

— На твой размер, может, и дешевле выйдет, — подбодрила её я. — Шестьдесят рублей у нас теперь есть, ты их пока не трать. Я хочу, чтоб ты красивая ходила.

Так, рассуждая, пришли мы домой — а там Саша с Ниной сидят, нас ждут! Саше же, как указанному соавтору, тоже журнал и извещение на половину гонорара пришли. Вот они сразу к нам и помчались — выяснять. Нас нет, а бабушка что-то невнятное про меня рассказывает...

Насели они на нас с допросом про подробности...

Короче, товарищи, что я скажу: как здорово, что в это время книжек про попаданцев особо нет. Разве что какой-нибудь «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена, да и та не особенно популярна. Раскусили бы ведь меня на раз. А так побились-побились, да и вынуждены были согласиться, что Оля — крайне талантливая девочка.

Дядь Саша хотел ещё деньги отдать, но тут уж я воспротивилась.

— Неправильно это, — говорю, — здесь же ваши идеи, мысли.

— Тогда давай мы тебе подарок купим, — предложила тётя Нина, — ты что хочешь?

— Хочу бумагу для печатной машинки, — недолго думая определилась я, — и ленту специальную.

Мне, так-то, скоро довольно много расходников понадобится.

На этом месте мы пошли чай пить, и конфеты «Черёмушки» оказались очень кстати. А ещё я им под конец подкинула идейку:

— Летом много разных пионерских лагерей, площадки в школах. Давайте ещё пару подборок сделаем. Вы про игры расскажете, а я картинки нарисую. Только надо пораньше. Вот, вы же на день рождения через две недели ко мне приедете? Это как раз воскресенье будет.

Звучало всё это немного сюрреалистично, да и выглядело тоже. Но — вот он журнал, вот они, деньги...

Когда проводили родственников, я сказала маме:

— Знаешь, мам, очередь на телефон идёт, конечно, долго — но идёт же. Надо встать.

Так бы они позвонили, а то пришлось через полгорода ехать, чтоб спросить.

— Мам, как ты считаешь — встать? — спросила мама бабушку.

Баба Рая явно сомневалась:

— Так-то можно...

— Дава-а-ай, — подбодрила её я. Если подумать, домашние телефоны ещё двадцать пять лет актуальны будут. — У дяди Саши телефон есть, у тётки Клары есть, остальные тоже потихоньку все поставят. Надо — раз, позвонил, договорился, новости узнал. Скорую можно вызвать или доктора на дом. В домоуправление позвонить... — у меня как-то заканчивались доводы, но маме, по-моему, хватило.

— Правда, мама, съезди завтра? — уже более настойчиво попросила она.

Бабушка вздохнула. Ехать ей не хотелось, вот что.

— А Оля?

— А Оля спокойно дома посидит, — возразила я.

Бабушка вздохнула ещё раз.

— Как раз пальто обновить, — коварно подкинула мысль я.

Три секунды, две, одна...

— Ну, ладно уж, съезжу.

ЕЩЁ ПОПЫТКИ

Я прикинула, что дядя Саша привезёт мне прикидки по летним играм через две недели, и постаралась за это время закончить с черновиками статей о военных годах — чтоб потом всё в кучу не мешать. Закончить, вычитать, распечатать, вложить фотографии и разослать. Скажете: откуда фотографии, дорого и всё это?

Так у мамы был фотоаппарат «Зенит», она довольно много фотографировала и сама печатала — правда, только на чёрно-белую плёнку, с цветной сразу на порядок сложнее становился весь процесс производства. И я иногда с ней печатала: интересно же, сидишь в ванной комнате, в темноте, с красным фонариком, столько приспособ вокруг, а ты как алхимик! Специальной сушилки у нас долго не было, и сушили, тупо наклеивая мокрые фотки на стеклянную поверхность — на окна, на сервант.

Поэтому уж фотографий родственников в запасниках всегда было изрядное количество.

В «Пионерку»* ушла статейка примерно на четыре с половиной тысячи знаков. Скорее, заметка. В «Костёр» — раза в три посерьёзнее, с несколькими рисунками.

*Т. е. «Пионерскую правду»

Дальше, как это полагается, оставалось только надеяться, поскольку привычки сообщать об отказе у редакций и тогда не было, и если с точки зрения редакторов я их вполне понимаю (представляю, какой у них вал больших и малых рукописей), то с точки зрения автора вот это ожидание — штука довольно нервотрёпная.

12. ОБНОВКИ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Родилась я в последний день зимы (это если не брать високосные года), поздним вечером, и бабушка всегда говорила, что от этого у меня характер такой сложный: зима с весной борются.

Не знаю, как на счёт самодельных друидических толкований, но в день моего рождения собралась вся семья, и все только и делали, что обсуждали моё выступление со статьёй.

— Оля, а книгу-то ты написала? — с этаким подкусом спросила тётя Клара.

— Конечно, написала, — сказала я.

— Покажи!

— Нельзя, — сурово сказала я. — Она лежит и дозревает. Когда совсем дозреет, я всем сразу её покажу, будьте уверены.

— Ну, маленько-то хоть дай почитать, — стала просить тётя Клара, и все, как по заказу, бросились проявлять нездоровый интерес.

— Оля, ну не будь противóзой! — выдвинула последний аргумент мама и заглянула в мой отдел серванта, куда я свои талмуды складывала... а там звенящая пустота. — Нет, ты посмотри! — одновременно с возмущением и вроде как с восхищением воскликнула она: — Спрятала!

И не спрашивайте, каких акробатических этюдов мне это стоило.

— Да! — я непреклонно сплела на груди руки. — И вообще, что вы донимаете меня в мой день рождения? Пойдёмте лучше за стол. Поздравлять меня пора.

И все согласились, что я — однозначно — вредина.

И мы сидели за столом, объедались всякой вкуснятиной.

Потом пошли играть. Тут надо сказать, что я отказалась приглашать соседских детей — ни в тот же день, ни к какой-либо другой. Мама изрядно удивилась, потому что ребёнком я всю жизнь была общительным, а тут... Но я настояла, чтоб никого кроме родственников не было. Со своей мелюзгой потусить ради поддержания легенды — ещё куда ни шло, но чужих развлекать — увольте-с.

Таким образом, все заготовленные мамой игры достались родне: и рисование с завязанными глазами, и приклеивание хвоста нарисованной корове, и срезание с верёвочки разных гостинцев (это всё тоже вслепую). А мелких всего трое: я, Ирка да Таня. Остальные взрослые да подростки все. Но играли с таким азартом, хохотали...

Папа забега́л на минутку. Притащил мне целую упаковку бумаги «Для пишущих машинок» (десять пачек!) и большую шоколадку.

— Ну, теперь тебе хватит на книжку?

— Думаю, да!

Я изо всех сил обняла его за шею. Мне очень хотелось, чтобы он остался, но мама смотрела на него таким волком, и папа сказал, что ему сильно некогда...

Тётя Нина с дядь Сашей тоже, кстати, привезли бумагу, как я их и просила. Немножко другую (ну, какую кто уж смог купить), зато в придачу пачку чёрной копирки и несколько коробочек с лентами для машинки.

Дядь Саша и наброски по играм привёз, как мы договаривались. Передали мне эти листочки конспиративно, во время вручения подарка. Тётя Нина так и сказала

многозначительно:

— И там ещё листы, которые ты просила.

Записи были вложены между пачками, а пачки перевязаны верёвочками, так что их совсем не видно было. Подпольщики, блин.

ВЕСНА ИДЁТ, ДОРОГУ ТАМ И ВСЁ ТАКОЕ

Очень в детстве мне нравилась песенка про весну, где «...и даже пень»...м-м-м... чего-то там какой-то «день»... «берёзкой тоже стать мечтает!..» Из древнего фильма, не помню какого, не суть.

Март выдался неровным, то вроде оттепель, то снова под минус тридцать. Но эти минус тридцать, так или иначе, не давали повода усомниться в том, что тепло всё-таки придёт. Мама вытащила из щепочного шкафа своё весеннее пальто... Хорошее такое кримпленовое пальто. Мда.

Фактура напоминала жаккардовые розочки.

Вот в чём несомненное достоинство этого кримплена — сносу ему нет. Синтетика же, причём какая-то суперстойкая. Сколько лет, интересно, этому пальто?

В целом меня не устраивало две вещи: коричневый «практичный» цвет и некоторая усталость ткани, присущая вещам, которые носят уже давно. Да и легковатое оно, как плащик.

— Знаешь, мам, — критически сказала я, — мы на зимнее пальто к зиме накопим.

— Некрасивое? — упавшим голосом спросила мама.

— Носить можно, — дипломатично ушла от ответа я, — но нам нужно нечто более... сногшибательное.

— Чтоб все так и падали? — засмеялась мама.

— А те, которые послабее — сами собой в штабеля укладывались! — поддержала я популярную шуточку из кинофильма «Девчата». — Сколько у нас там накопилось денежек?

С того момента, как мы с мамой приняли стратегическое решение откладывать на зимнее пальто, кубышка пополнилась ещё на десятку с аванса. Итого семьдесят. Маловато будет. Нет, я могу, конечно, выкройку построить и пошить, но если я ещё и шить начну...

— А зарплата у тебя когда?

— Десятого.

Уже легче. Меньше сотки не получит. Хотя, чего гадать. Размер её зарплаты со всеми надбавками за внеклассную работу мы знаем точно: сто сорок шесть рублей двадцать пять копеек (и эта сумма мне нравится куда больше, чем сотня, которую она могла бы получать в детском саду). Из них четверть идёт авансом (тридцать шесть рэ пятьдесят шесть коп), а остальное — сто девять рублей шестьдесят девять копеек — в получку. Можно напрячься и рублей семьдесят выделить, правильно? На сорок рублей до аванса протянем, к тому же папа нам немножко алиментов перечислит.

— Ты не трать пока, — я соображала, сдвинув брови, — пальто тебе покупать будем.

— У меня, вообще-то, ещё рублей двадцать с получки осталось, — важно сказала мама.

— Вообще отлично! Вот и не трать.

Не знаю, как она воспринимала все эти наши разговоры... Да это и неважно. Не умею я притворяться, особенно когда надо многим людям говорить что-то важное, запоминать... И поэтому я забила на прикидыванье. Пусть считают меня эксцентричной заучкой, пофиг.

Зарплата за февраль порадовала нас премией (за статью!!!) — аж в восемнадцать

рублей. Ого! Я подумала, что это вообще круто, получается, что мы за наш опус заработали ещё и вот так опосредованно, а кроме того — плюстик к репутации у начальства. Мы, конечно, страшно возликовали и в ближайшую субботу, сразу после маминой первой смены, помчались в город.

Куда идти смотреть пальто? Конечно, в «Торговый комплекс»! Самый большой магазин пром- и хозтоваров в Иркутске. Три здоровенных этажа! И единственное в нашем городе место, где работают эскалаторы, в детстве для меня это был прямо аттракцион.

На втором этаже имелся обширный, как загон, отдел верхней одежды. Женской. Зимнюю уже убрали, и весь отдел был полон весенне-осенней (или, как чаще говорили, «демисезонной») одеждой. Увиденное, честно скажем, удручало. Как вам, к примеру, ряд стоек длиной метров тридцать, очень плотно завешанный одеждой, и на каждой вешалке пальто одного и того же фасона? Хуже того, все эти пальто одного и того же цвета. Ткань, правда, замечательная — тонкий шерстяной драп, серо-чёрный, в ёлочку. Но ситуацию это не спасало. Потому что второй ряд стоек тоже наполовину был заполнен такими же пальто. Отличались только размеры, и (чтобы покупателям легче было ориентироваться) на стойках были укреплены такие специальные пластиковые плашечки с крупными цифрами типа «42», «44»... «56». С ростовкой следовало разбираться, читая данные на картонках, болтающихся на толстых нитках на каждом пальто.

Вторая половина отдела была заполнена пальто коричневого цвета. С серыми их роднил совершенно удручающий прямоугольный крой. С такими генеральскими плечами на подплечниках.

Слов у меня нет, одни слюни...

Сто пятнадцать рублей удовольствие!

— Галя, Галя! — закричал вдруг незнакомый голос из-за перил, огораживающих отдел.

Оказалось, что это зовут другую Галю, которая тоже печально бродила вдоль рядов пальто.

— Галя, побежали скорей! В тканевом на третьем этаже драп выбросили!!

Мы с мамой переглянулись — и тоже побежали!

У прилавка уже стояла очередь — всего-то человек шесть. Это мы здорово успели! И грузчики ещё заносили рулоны. Расцветок восемь, наверное, редкость какая.

— Смотри, какой оранжевый! — удивилась мама.

Но я судорожно вычисляла.

— Такой светлый оранжевый — сильно марко, — пробормотала я. — На зелёный не смотри, тебе не пойдёт, оттенок для светлых. И красный тоже — слишком светло-алый, блондинистый, — стоящая впереди девушка с интересом обернулась на меня, но мне не до того было. — Серый при прочих равных я бы не стала брать, слишком нейтральный. Синий этот тоже не твой. Чёрный... В принципе... — и тут зашёл грузчик с новым рулоном. Я толкнула маму в бок: — Во-о-от! Этот — твой!

Драп был насыщенно-красный, спелый-спелый красный. В мелкую чёрную куриную лапку. Куриная лапка — это очень хорошо, подгонять не надо, не то что клетку. И узор много лет актуален будет. Нет, шикарный вариант, однозначно. И у нас есть шанс его купить, даже если все в очереди вдруг захотят тоже купить по отрезу на пальто именно от этого куска. Надеюсь, тут нет оптовиков.

— Доча, — вдруг сказала мама, — я ж не знаю, сколько ткани-то надо. Чё мы зря стоим-то?

— Погоди, я сейчас вспомню, я в журнале видела... — на самом деле я лихорадочно пыталась прикинуть. Ткань широкая. На её сорок... шестой, наверное?.. с учётом небольшого расклешения по подолу... — Два тридцать бери.

Пальто по колено нормально выложится. Если останется лишнее, береточку закажем. Или, может, даже на капюшон выкроим.

Мы отстояли очередь, выложили на драп свои кровные семьдесят три шестьдесят, да на атласный подклад пять рублей с копейками.

— Ну, пошли пуговицы смотреть? — предложила я.

Пуговицы продавались неподалёку, вместе со всякой мелочёвкой. Выбор не сказать чтоб велик. Мда. Нет, были и какие-то странно-вычурные... Всё не то. Еле как выискали мы простые гладко-чёрные, без дырок (на ножке) — в остатках. Рядом торчала бумажка: «ост. 5шт.»

— Пять штук. Мало, — огорчилась мама.

— Нормально! Как раз хватит.

— А на рукава?

— А зачем тебе пуговицы на рукавах? Прошлый век! Можно рукава вообще без манжет сделать, типа пиджачных. Отлично будет. В конце концов, если сильно хочешь, можно будет пару гладких чёрных пуговиц помельче в других магазинах посмотреть.

Еле я её уговорила — но уговорила. Заодно купили нитки.

Дома мы прикидывали всякие варианты пальто — и я, и мама, и даже бабушка. В конце концов сошлись на двух моделях, которые я торжественно и перерисовала на отдельный листочек.

В воскресенье, пользуясь стоящими холодами, мы ещё раз сходили на лыжах — успевать надо, а то потаёт всё.

А с утра в понедельник мы с бабушкой выдвинулись в сторону ателье, узнавать: где и как могут пошить пальто. Ближайшая подобная контора находилась на Сеченова. Я, правда, наслышана была о них всякого (преимущественно нелицеприятного). Но бабушка была настроена сходить. Ладно, какой разговор — пошли.

Дама, которая нас встретила в этом ателье, вышла с таким лицом, что мне прям сразу захотелось развернуться и убежать. Но бабушка же.

Бабушка задавала вопросы. Тётя всё больше становилась похожа на бульдожку. По её словам выходило, что сшить они могут только «по утверждённым лекалам» — то есть выбор из нескольких определённых типов моделей. Брешет, конечно. Но, подозреваю, что любое ими сшитое будет похоже на эти вот утверждённые типы. На один тип. Тип мешка. Подружка моя через некоторое время будет у них шиться. К тому моменту они достигнут совершенства в умении превратить материал в тыкву. На предъявленный мной рисунок тётя не соизволила даже взглянуть, и тогда я сказала бабушке:

— Пошли, толку нету тут стоять.

Меня так и подмывало сказать этой бульдожине что-нибудь резкое — а смысл? Как будто она вдруг исправился, да? Пфе! Но любоваться на эту рожу я больше точно не хочу.

Мы вышли на тротуар, и бабушка озабоченно поправила пуховую шаль:

— Чё делать-то? Останется мать без пальто...

— Не останется! — я вспомнила про замечательное заведение, в котором я (по прошлому календарю) даже имела счастье учиться. — Пошли!

Надеюсь, они уже там сидят.

— Куда идём-то? — не поняла бабушка.

— Пошли-пошли. Я вывеску видела. Тут рядом.

Если что — прикинусь, что обозналась.

Но прикидываться не пришлось! На половину серого фасада тянулась надпись:
«Производственно-учебное объединение «Труд»».

— На второй этаж! — скомандовала я.

Внутри было немного не так, как помнилось мне, но в конце концов мы нашлись.

— А вашего директора не Наталья Владимировна зовут? — спросила я у первой попавшейся взрослой портнихи.

— Да, — закивала она.

— А можете пригласить её, пожалуйста?

Но Наталья Владимировна уже услышала и сама вышла на голоса:

— Ой, тётъ Рая, Оля — какими судьбами?

Молодая какая!

— Тётъ Наташа, здравствуйте! Мы к вам по важному делу.

— Ну, пойдёмте в кабинет.

Мы уселись в директорском кабинете, и рассказали про свой неудачный поход в ателье. Я показала рисунок, по которому никто и никак не может сшить пальто (хотя, чего там шить-то, простой крой...).

— Это Галя нарисовала? — спросила Наталья Владимировна.

— Это я нарисовала, — без ложной скромности ответила я. — Предпочтителен вариант с капюшоном, если удастся его выложить*.

**В смысле — уместить
нужную деталь выкройки
в отрез.*

— А ткань какая?

— Драп, — сказала бабушка.

— Куриная лапка, — добавила я.

— Лариса-а! — крикнула Наталья Владимировна, и на этот зов забежала шустрая невысокая портниха с вавилоном на голове. — Ларис, посмотри — возьмёшься?

Портниха облокотилась о стол и внимательно изучила наш листочек. Разговор пошёл по второму кругу. Лариса не брезговала разговаривать ни со мной, ни с бабушкой, и сказала, что ничего особо сложного в наших пожеланиях не видит, шить возьмётся, и даже не за сорок рублей, а за тридцать, вот только бортовка*...

**Специальных клеевых материалов,
простите за технологические подробности,
ещё не было. Была жёсткая ткань,
которую специальным образом
мелкими ручными стежками
подшивали на некоторые детали,
в частности — на борта изделия,
отсюда и название.*

— Не считай им бортовку, — махнула рукой Наталья Владимировна, — чё там, свои.

— Ну, всё. Надо клиентку, размеры снять, — Лариса выпрямилась и поправила болтающийся на шее сантиметр**.

**Мягкую сантиметровую ленту.

— Мама сможет в обед забежать. Или к полшестого.

— Лучше бы, конечно, в обед, — портниха сморщила нос, — но если не получится, я останусь, подожду. Только обязательно пусть придёт!

— Ага! Я сейчас к ней сбегая, скажу! — тут меня вдруг посетила ещё одна гениальная идея, и я спросила: — А вы платье шьёте?

— Конечно, шью, — развела руками Лариса.

— А вы можете сразу и на платье мерки снять? Мы примерно через месяц заказали бы. Только маме ничего не говорите, это будет сюрприз.

— На день рождения? — угадала Наталья Владимировна.

— Ага. И ещё нам потом понадобится зимнее пальто шить, осенью.

— Видишь, Лариса, каких я тебе хороших клиентов подогнала? — довольно засмеялась Наталья Владимировна, и мы с бабушкой заторопились назад.

Обратно бабушка шла тяжело — устала. Мы вместе доползли до школьного двора, и оттуда она пошла домой, а я побежала маму разыскивать. В спортзале было шумно, громко, и я немножко опасалась идти через эту толпу.

— Ты кого потеряла? — спросил меня скучающий на лавке пацан с перевязанной рукой.

— Мне надо учительницу позвать.

— Щас позовём, — он поднялся и деловито, вперевалочку, обошёл кусок зала вдоль периметра, показал маме на меня.

Она подошла торопливо:

— Что случилось?

— Мам, мы договорились в ателье, надо сегодня подойти, мерки снять. Желательно в обед.

— В каком ателье?

— На «Кинохронике».

— Не знаю там...

— Да я тебя провожу! Баба-то второй раз не дойдёт, наверно.

— Ну, давай. Так... У меня сейчас ещё один урок, в двенадцать пятнадцать я закончу, успеем до второй смены. Сходи, сможешь ткань принести?

— Да смогу, конечно!

— Ну, всё, беги. Класс, строимся!!!

Дальше довольно скучно. Я сбегала домой. Потом мы бегали до пошивочной мастерской, потом бежали обратно, потому что мама опасалась на уроки опоздать. Набегалась я, одним словом, до гудения ног. Зато через неделю мы получили отличное пальто. Я могла бы вам порекомендовать эту мастерскую, если бы не знала, что она закроется в девяностых — помещение отожмут. Но если вас вдруг занесёт в восьмидесятые годы двадцатого века в город Иркутск, знайте: остановка «Студия Кинохроники», большое серое здание, и на фасаде между вторым и третьим этажом длинная надпись. Вы, главное, запомните, что называется контора «Труд» — и смело можете у них шиться. А то с товарами широкого народного потребления как-то в наших местах печально.

Новое пальто смотрелось просто отпадно, особенно мне понравилось, что Лариса исхитрилась выкроить не только капюшон, но и собрала из лоскутков очень симпатичную береточку.

Мама выглядела в этом комплекте как дюймовочка, но держалась как королева, хоть на ногах у неё и были слегка устаревшие уже сапоги-чулки. Ну да ничего, в провинции всегда мода позже и приходит, и уходит. Зато импортные!

А к следующему сезону мы ей что-нибудь новое купим. Во всяком случае, постараемся.

13. ВЕСНА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРОГО

СОВМЕСТНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Вторая половина марта и апрель у нас в родне довольно урожайные на дни рождения. Собирались, как обычно, по воскресеньям. Гуляли дружно и весело. Но два дня рождения — детских — дались мне тяжело. Главным образом оттого, что были они исключительно детскими. Таня и Ира обе весенние, но если Тане исполнялось уже девять, то Ирке — всего четыре. *Четыре*, Карл! О чём я буду разговаривать с её *гостями*?

Играть?

Короче, я три дня терзалась сомнениями, поняла, что не готова на такую жертву, и... Я каюсь. Или нет? Одним словом, я сказала, что мне что-то плохо, взяла градусник и натёрла его об покрывало. Да, ртутный градусник можно так обмануть, а вы не знали? Догнала до тридцати восьми и обеспечила себе полную неприкосновенность на двое суток.

На Танин день рождения я всё же сходила. Посидела с ними маленько — и свалила. Сказала, что голова у меня болит.

Ну, не могу я. Простите.

Пришла домой и обложилась своими любимыми тетрадками. Статью про летние игры обещала? Чего жду? Провела, в общем, остаток дня с пользой.

История про Железногорск достаточно отлежалась, и я занималась вычиткой и последними правками. Три дня плотной работы — и я принялась за печать. Главы у меня получились довольно ровные — примерно по девять-десять печатных листов. Опять же, селтературная привычка к выкладке равномерных прод. Можно ли это назвать моторным навыком? Психомоторным, скорее. В голове как будто счётчик работает. В общем-то, удобно.

Печатала сразу в двойном экземпляре — под копирку. Второй собиралась себе отправить, заказным; старый известный способ подтверждения авторства. Я искренне надеялась, что судиться по поводу плагиата мне ни с кем не придётся, но рисковать не хотелось — мало ли.

Название для книги придумалось длинное и романтическое, в духе эпохи: «Там, где бьётся железное сердце Сибири».

Мама таки записала меня в первый класс. Единственное, что меня утешало — к Татьяне Геннадьевне, как договорились. Я тихонько костерила себя за поспешность. Чем дальше, тем сильнее крепло у меня предчувствие, что ни фи́га с ускоренной аттестацией не выйдет. Лучше бы спокойно год дома сидела.

Между делом, бабушка получила пенсию, и мы без палева скатались с ней за тканью. Она хотела, опять же, в центр — «Торговый комплекс» и «Ткани» на Урицкого, но я, памятуя, сколько там толчётся народа, сильно сомневалась, что нам удастся ухватить что-то путное.

— Баб поехали в «Олень»?

— Это с пересадкой надо, — усомнилась она.

— Да можно и без пересадки, если от Трилиссера пешком. Там всего-то два квартала.

Но нам повезло. Раньше двойки подъехал сорок четвёртый, и мы доехали до нужной остановки безо всяких пересадок, а там уж немного прошли, углубляясь в недра микрорайона.

Шли мы, рассуждая о превратностях судьбы: как бабушке дважды за жизнь удалось пожить на одном и том же месте, сперва в родительской купеческой усадьбе, а потом, годы спустя — в отстроенном практически на её месте доме. Теперь и эти дома снесли, и на их месте уже возвышается какой-то многоэтажный институт.

«Олень» был отличным, по советским меркам, магазином. Ещё один подобный из известных мне, с тканями, находился в районе Академгородка, и если здесь нас постигнет, тысызыть, неудача, у нас был запасной план наведаться туда. Но нам повезло. Ткани были. И было их, к моему изумлению, даже до фи́га.

Самый большой отдел был выделен для всяких бязей, ситцев и баек. Не помню, если честно, коснётся ли их метла дефицитов, но пока этих простецких тканей, пригодных на простыни, пелёнки и летние сарафаны, было просто море. И качество, граждане — отменное! Не чета той марлёвке, которую под видом ситца через тридцать лет будут продавать.

Был отдел шпорный. Вот тут ассортимент гораздо скромнее.

Были костюмные ткани, тоже выбор невелик, и в основном такое... гладкое всё. Чёрное, серое, коричневое. Нет бы хоть в полоску или в ёлочку.

На стене с плательными тканями кроме нелюбимого мной мнучего штапеля и простоватого сатина обнаружилось несколько вариантов тканей поблагороднее: шёлка, шифона, крепдешина. Даже жаккардовый атлас был и гипюр одного узора, но трёх цветов (чёрный, белый и почему-то голубой).

Крепдешин я особенно уважаю: лёгкий, воздушный, не мнётся. Расцветки все были пёстрые, с модными по тем временам крупными цветами. Мы выбрали довольно жизнерадостный, с пышными бутонами, похожими на пионы. Семь тридцать за метр, метр пятнадцать ширина. Недёшево, однако.

Купили три метра, и тут я сказала:

— Ба, а если мы быстро пойдём, то, наверное, как раз на тот сорок четвёртый успеем, когда он назад поедет?

И мы ка-а-ак побежали! И ведь успели. И дружно решили, что нам сегодня просто фантастически везёт.

За пошив платья с нас в этот раз взяли всего семь рублей. Мы спорить не стали, но когда вышли, бабушка подозрительно сказала, что «чё-то дешево». А я подумала, что, скорее всего, эти пошивы нигде по документам не проходят, и, по сути, — нелегальный приработок портнихи. Конечно, они будут подешевле, чем в официальном ателье брать. Нам же лучше.

В последних числах апреля неожиданно (я-то думала, позже будет, если вообще будет) «Пионерка» выпустила мою заметку про детей войны. Не знаю, может, они хотели этим вызвать волну подобных писем? Во всяком случае, мне было приятно, что заметку взяли, и мои родственники пионерского возраста (а «Пионерскую правду» выписывали практически поголовно все пионеры), конечно же, увидели статью и узнали её фигурантов, и в своих школах сразу прославились (и даже кое-кто выступал на классных часах, рассказывая о своей героической родне) — вот какая я молодец!

А ещё нам в связи с этим пришли извещения на тридцать два рубля с копейками, и мы с

бабушкой сходили на почту и благополучно их получили, предъявив моё свидетельство о рождении и бабушкин паспорт. Уж не знаю, как там по правилам, а на нашей почте почти как в мультике про дядю Фёдора: «Усы и хвост — мои документы!» — и поверили, и отдали. Не сталкивались, может, никогда с мошенниками...

Получили мы эти денежки — и за подарочным платьем пошли. А там Наталья Владимировна нас встретила прямо с порога внезапным предложением:

— Тётя Рая, вы говорили, на Галю зимнее хотите шить. А у нас такой шикарный драп появился, вы не представляете! Пойдёмте, покажу!

Драпов было несколько. Толстенных, зимних. Где уж они их урвали, когда сезон уже закончился — я понятия не имею. И подозреваю, что схема была мутноватая, потому что ценник на эти драпы оказался даже ниже, чем на тот облегчённый, который мы в магазине на осень-весну покупали. А так не бывает.

И понятно, чего они вдруг возбудились. Люди шить-то когда будут? В сентябре, в лучшем случае. А денег хочется сейчас.

— У нас и ватин есть, и подклад хороший, атласный, фурнитура — всё! — расхваливала Наталья Владимировна.

— А меха у вас, случайно, нет? — от балды спросила я.

Мне чёрное букле сильно понравилось. Вот из него бы пальто, да с чернобуркой!

— Есть! — быстро ответила Наталья Владимировна. Она смотрела на меня, удивлённо подняв брови: — Есть мех. Соболь, норка, песец. И чернобурок парочка.

— Чернобурка сколько стоит?

— Шестьдесят, — немного неуверенно сказала Наталья Владимировна.

— Дорого, — веско обрезала бабушка. — Клара *песцовый* воротник за шестьдесят взяла.

— Конечно, дорого! — согласилась я; это ж я почему в сомнениях стояла: мне оттолкнуться не от чего было, а теперь, когда я цену на песца услышала... — Это ж лиса, хоть и чёрная. Мех не такой стойкий, да и пожиже будет, чем песец. Сорок рублей ей красная цена, это уже в виде воротника, а вы нам шкурки по шестьдесят сватаете, да породственному.

— Ну, ты, Ольга — вся в бабу Маню, — почему-то сказала Наталья Владимировна.

— Не вижу в этом ничего предосудительного, — парировала я. — Предлагаю забрать за шестьдесят обе, и мы сегодня у вас же закажем пальто и шапку, при условии, что вы согласны на рассрочку. В этом случае мы прямо сейчас готовы выплатить тридцать рублей.

Наталья Владимировна посмотрела на бабушку:

— Тётя Рая — серьёзно?

— Конечно, серьёзно, — усмехнулась бабушка. — Вишь, она сегодня зарплату получила — распоряжается.

— Как это — зарплату? — удивилась Наталья Владимировна.

Бабушке, видать, не терпелось похвастаться, и она начала важно рассказывать, какой я весь из себя гениальный ребёнок. И автор, и художник. Ой, блин...

— Но дальше-то Галя будет платить? — уточнила Наталья Владимировна.

— Возможно, — ответила я. — Или я. У нас, вообще-то, совместное хозяйство.

Тут она засмеялась:

— Ну, вы даёте! Тогда пошли считать.

Пока считали, мы как-то все вошли в азарт и начали торговаться. Удивительное для меня ощущение. Везде же в магазинах твёрдые цены, а тут — на тебе. Сторговались на

двухстах рублях. По-моему — очень выгодно. Получилось сильно дешевле, чем если в магазине покупать. Или если так посчитать — как будто шапка даром, в придачу. Надо теперь маму порадовать, что она три ближайших зарплаты чуть не половину будет отдавать.

Чуть со всеми этими расчётами наш подарок не забыли!

Принесли мы платье домой и в Наилькином шкафу пока что спрятали.

Наиль, кстати, после нового года ещё раз на неделю приезжал, но так, что мы его почти и не видели. В первый же день они с бабушкой снова в «Коопторг» съездили, набрали мяса (в том числе довольно экзотической индюшатины), дефицитной по нынешним временам гречки, консервов каких-то разных — и он снова принарядился (костюм-галстук) — и на неделю исчез. Приехал, собрался — и на буровую, только мы его и видели.

Вот и думай: не повлияло ли моё зимнее выступление на него каким-то особым образом? А вдруг он и впрямь раньше, чем в том варианте событий, женится, да не на той совсем женщине? Это заставляло меня подолгу размышлять обо всяких «эффектах бабочек» и невольно возвращало меня к мыслям о нас с Вовкой. Особенно во время рисования. Рассуждения мои становились меланхоличными.

Вот, живёт где-то в Мегете хороший мальчик Вова, страстный любитель истории и чтения, драчун и матерщинник. Тот ли это мальчик, которого я полюбила много лет назад? И *станет* ли он *тем*? Как всё вообще повернётся?

Я скучала.

И очень надеялась.

ДЕЛА МАЙСКИЕ

Утром первого мая мама вместе со школой усвистала на демонстрацию трудящихся, а мы с бабушкой начали активно готовиться ко встрече гостей. Первого мая — все к нам! И общегосударственный праздник, и у мамы моей день рождения! Удобно — всегда выходной.

В этот раз мне удалось убедить бабушку, что я способна крошить и тереть варёные овощи, не отпиливая себе руки. Всё-таки писатель — не хухры-мухры! Это я ржу, конечно. Хотя для бабушки, по-моему, это был аргумент. Постепенно, по мере того, как их предприятия и организации проходили колонной на демонстрации, начали подтягиваться родственники. Женщины, конечно, сразу подключались к процессу подготовки, мужики разложили стол и пошли к дядь Рашиду за досками и табуретками — иначе нам никак было не разместиться, а фуршеты тогда не вызывали в душах живого отклика.

Мама примчалась одной из последних, сразу получила кучу подарков — в том числе наше платье. Обрадовалась страшно! Нарядилась в него и сразу стала такая красивая...

Нет, замуж, замуж, однозначно! Нечего десять лет в бобылках сидеть.

Посидели мы классно, так душевно, как в будущем, лет даже через двадцать, очень редко будет получаться. Состарятся все, навалятся заботы, дети, внуки, и каждый всё больше будет жить своим отдельным гнездом, собираясь вместе всё реже и реже. А пока они все были молодые, весёлые, «и юный октябрь впереди», если вы понимаете, о чём я.

Истекали последние годы беспечной жизни, и этот тревожный таймер никогда не утихал в моём подсознании окончательно.

Из радостного. К моему восторгу, «Костёр» принял и напечатал большую публикацию про бабушку! Я редела от счастья. Потому что это было правильно. И женщины, вытянувшие на себе тяжесть войны, достойны, чтобы об их подвиге помнили и говорили.

Четвёртого числа мы получили авторский номер и извещения на денежки — и сразу

сходили с бабушкой и на почту, и до ателье. Теперь долга у нас осталось всего шестьдесят пять рублей, и я попросила устроить всё так, чтобы мы с мамой одиннадцатого пришли (как раз после зарплаты), и уже готовое пальто забрали. А шапку нам сразу отдали — шикарно-пушистую, как кочка.

Внезапным побочным эффектом от статьи проявилось пришествие команды с местного телеканала, которые сняли про бабушку сюжет и записали интервью — и девятого включили его в передачу, посвящённую ветеранам. Эту передачу мы смотрели по телевизору вместе со всеми бабушкиными детьми, пришедшими по традиции на девятое мая, и я снова обливалась слезами, да и не я одна.

Потом, как вы понимаете, мама получила зарплату, и мы с ней торжественно пошли забирать пальто. Сёло шикарно — что значит, классная портниха! — и маманя у меня теперь была богатая невеста.

Сапоги бы ей ещё хорошие, финские, да где их возьмёшь... Может, унты пошить? К зиме думать надо будет. А то вся такая красивая — и в страшных валенках.

Числа пятнадцатого забежал отец. А я уж начала беспокоиться, что он до отъезда в институт не появится. Мы снова пошли гулять и секретничать.

— Наталья там рассказывает сказки, что ты у меня статьи в журналы пишешь, — поделился папа.

— Ну, я же тебе обещала, что стану писателем, — выдержала покерфейс я.

— Ты мне книжку обещала.

— Книжка будет. Немножко допечатать осталось.

— Покажешь хоть?

— Конечно, — я села на лавочку. — Ты мне скажи лучше: не передумал поступать?

— А чего передумывать-то. Надо — значит, надо. Нужных людей уже нашли, подключили...

— Теперь я тебе одну вещь скажу, которая тебе не понравится.

Папа посмотрел на меня подозрительно.

— Какую?

Я покачала ногой.

— Маму со школы тоже отправляют поступать. Она, конечно, не на спортивное пойдёт, а на учителя физкультуры, так что вы в разных группах будете. Но для того, чтоб вы в разных группах были, ей надо ещё экзамены удачно сдать. А с этим, я боюсь, будут проблемы.

Наслышаны мы, как в улан-удэнском чужих валят.

— Н-да-а-а... — протянул папа.

— Папа, надо, чтоб ты помог. Скажи там как-то своим нужным людям, что ты не один поступаешь. Наглость, конечно, но нам нужна помощь. Фамилии у вас одинаковые. Не знаю... двоюродной тётей представь или ещё кем. Как хочешь — надо пройти. Тяжко нам, а так хоть на тридцать рублей побольше зарплата будет.

Последний аргумент был, конечно... Если у отца и были какие-то возражения, он их произносить не стал. Сказал просто:

— Я попробую.

И то хорошо. Он товарищ такой, если начнёт «пробовать», обязательно что-нибудь

придумает.

Пара дней у меня ушла на допечатку, после чего я отправила синопсис и три первых главы в редакцию журнала «Костёр», а второй, точно такой же набор — себе, тоже заказной бандеролью (в подтверждение авторства, я ж говорила). Дело сделано, остаётся только ждать. Возьмут — просто супер. Не возьмут — надо будет через месяцев шесть-восемь в другую редакцию попробовать заслать. Хотя бы в тот же «Пионер», хотя там немного другая... как бы это сказать... тональность, что ли.

Довольно внезапным и обескураживающим стало для меня то, что все по умолчанию ожидали, что я буду ходить с тётёй Валею и дядь Рашидом к ним на дачу. В смысле — с Таней и Ирккой (а чаще просто с Ирккой).

Вот это поворот.

Нет, я люблю всё их семейство, но... Я как бы своё уже отходила, *в тот раз*. А теперь у меня как-то огонь в... кхм... в организме не горит по шесть километров туда-сюда пешком гонять ради удовольствия играть там в малышковые игры.

И когда тётя Валя двадцать первого, в пятницу, заскочила к нам и спросила:

— Чё, Оль, завтра-то с нами на дачу идёшь? — я от неожиданности брякнула:

— Честно говоря, у меня были совсем другие планы.

Совсем другого ответа от меня ожидали все присутствующие. Мда.

Но — нет. В этот раз я не хочу. Да и не могу. Уж не обижайтесь, мне надо поторопиться, чтобы заработать на кусок земли, желательно с приличным домом — и такой кусок, который поможет нам пережить надвигающиеся голодные годы.

14. БЕЗ ПРИКЛЮЧЕНИЙ-ТО НИКАК

МЫ С БАБУШКОЙ ВНЕЗАПНО ЕДЕМ В КОНТОРУ

Мама продолжала активно работать — вести какие-то кружки на площадке, летние спартакиады и фиг знает что ещё. Я наотрез отказалась расхаживать по дачам, и бабушка регулярно (кроме редких дождливых дней) выгоняла меня на улицу, «для движения». Против этого я принципиальных возражений не имела, и иногда даже бегала в школу — как раз в это время мама проводила с детьми всякое интересное, и я с ними заодно носилась, получая свою долю физнагрузки.

Возвращаюсь третьего числа домой — а бабушка мне быстренько дверь открыла и в зал ушла. Чё это — думаю. И тут я увидела знакомый конверт, аж ноги похолодели. Мой конверт от бандероли. Вскрытый! Я забежала в зал:

— Баба! Ты что наделала!?

Бабушка испугалась:

— А что? А что такое? Почтальонша приходила, я расписалась. Для тебя письмо — вот, книжку тебе прислали. Интересная! Я сижу вот, читаю...

— Баба! — застонала я. — Это МОЁ письмо. Я его сама себе отправила, его нельзя был вскрывать...

Бабушка заохала и засуетилась.

— Ах ты ж... А что делать? А давай мы его заклеим? А? Не пойдёт?

Я села на диван и потёрла лоб.

— погоди, не паникуй. Не пойдёт уже. Теперь по-другому надо.

Так. Авторство может заверить нотариус. Это будет даже надёжнее, не надо трястись, что кто-то конверт распечатает. Только вот сколько это будет стоить?

— Баб, а где у нас есть нотариус? — я посмотрела в растерянное бабушкино лицо. — Или нотариальная контора?

Она поджала губы, соображая.

— Около рынка, по-моему, был. Где суд. Туда поедем?

— Поедем. Только теперь сшить надо.

В буквальном смысле. Мы нашли самую толстую иголку, сложили нитки в несколько рядов, совместными усилиями прошили мой талмуд, сзади на узелок завязали и хвостики к последнему листу маленькой бумажкой приклеили — правило такое. На этой бумажке полагалось пометить: «Пронумеровано, прошнуровано», дата и подпись.

Теперь у меня синопсис последним листом пойдёт, страницы книги-то с единицы пронумерованы. Да и ладно, какая разница.

— Ну вот, теперь поехали.

Нотариальный стол мы нашли довольно быстро. Нотариус в те годы вовсе не был пафосной персоной, и от небожителя отличался кардинально. Скорее, это был такой клерк, имеющий право заверять бумаги. И удовольствие заверить подпись на документе стоило тридцать копеек, а выдача всякого рода нотариальных удостоверений, свидетельств и справок — пятьдесят! На этом месте я едва не начала нервически смеяться. Я-то думала! А тут! Восемьдесят копеек!

Но оказалось, что я рано радуюсь. Дядька нотариус вдруг усомнился в своём праве подтвердить именно авторство. И вообще — такой маленький ребёнок...

И тут я вспомнила эпизод, рассказанный мне давным-давно папиным братом, Николай Ивановичем. Правда, он был про советскую поликлинику и приезжего на концерт музыканта, но суть от этого не менялась. Я слезла с неудобного стула для посетителей, встала перед дяденькой и громко, отчётливо сказала:

— Неужели советский нотариус может отказать в удостоверении документа простому советскому гражданину на основании того, что этот гражданин — несовершеннолетний? В каком законе это написано?

Нотариус как-то неловко заёрзал. Я добавила:

— От вас не требуется экспертных действий. Ваша задача: удостоверить дату и время предъявления документа и подлинность моей подписи. Больше нам от вас ничего не нужно.

Дядька посмотрел на меня долгим взглядом. Потом сказал:

— Вы совершенно правы. Госпошлина восемьдесят копеек.

Мою рукопись обклеили специальными нотариальными марками, дяденька подписал рукопись прямо поверх, наставил печатей и отпустил нас с миром. Правда, долго в след смотрел.

И только в автобусе до меня дошло: он, наверное, подумал, что меня научили так говорить, и всё это такая ведомственная проверка. А, впрочем, мало ли каких заумных мыслей могут себе напридумывать люди, связанные с такими сложными сферами.

Читать заверенную книжку я бабушке, всё-таки, не дала. Уж больно машинописные листы тонкие, боюсь, разорвут их нитки. Начальную часть прочитала сама из тетрадок, а потом дала ей распечатанные листы тех глав, которые я ещё не отправила. С тем условием, чтобы осторожненько по одному листику брать, прочитывать — и также по порядку складывать.

А сшитое упаковала в пустой бумажный конверт от листов для пишущих машинок, надписала сверху жирно: НЕ ДОСТАВАТЬ! АВТОРСКИЙ ЭКЗЕМПЛЯР КНИГИ НОТАРИАЛЬНО ЗАВЕРЕННЫЙ! Маме тоже показала, чтоб она из любопытства натворила делов.

Нет, ну надо суметь вот так на ровном месте приключений поднять, а...

ВЫШКА, ДЕНЬГИ, СВЯЗИ...

Матушка поехала в Улан-Удэ. Учебное заведение в ту пору называлось «Бурятский государственный педагогический институт имени Доржи Банзарова», это уж потом он университетом станет.

Я строго напутствовала матушку, что если вдруг кто спросит, не родственник ли ей однофамилец, Михаил Михайлович, чётко отвечать, что это — дядя, двоюродный брат отца.

— Ты чё придумала-то? — удивлялась мама.

А я сердилась:

— Я чё тебе говорю? Запоминай! Ты хочешь поступить или нет?!

Не уверена, что мама так уж хотела поступить, но в конце концов она сдалась и повторила всё как надо. Да, я умею быть чрезвычайно настырной.

Провожали мы её с железнодорожного вокзала, хотя можно было самолётом полететь. Но на самолёт билет стоил дороже, а купить его было ещё труднее. Мы вообще время просохатили, и остались билеты только в общем вагоне, ещё и на боковое место, но это оказалось даже лучше, потому как одно место — один уголок, и никто тебя не потеснит, и привалиться в угол и подремать спокойно можно. Более того, верхняя полка над этими двумя местами имелась — вагон-то обычный, плацкартный, только уплотнённый — и мама

быстренько туда залезла, а бабуся со второго места опустила столик и легла вниз. Единственное неудобство оказалось в том, что матрасов-подушек нет, но свёрнутая мастерка под голову решила дело. Отъезжал поезд в восемь вечера, приходил в Улан-Удэ в шесть утра, так что и особо чай распивать резона нет, дома же поужинали.

Короче, матушка отправилась.

Мы же с бабушкой остались на хозяйстве. Получили денежки за статью про игры (вторые уже, первые были в начале июня, и те мы дружно договорились маме на поездку выделить) — и благополучно их потратили. Поехали в какой-то малоизвестный мне магазин и купили за сорок три рубля на диван такое покрывало типа ковра, тоже шерстяное, но более тонкое, чем ковёр. Узорчатое и с кисточками по краям. Не знаю, что там пишут про дефициты на ковры в советские времена — не ощутили мы как-то особого дефицита. Выбора практически не было, это да. Совсем не было, если честно. Один вариант вот этих ковро-покрывал лежал и всё. Но купили мы его спокойно, даже в очереди стоять не пришлось.

И ещё набор хрустальных рюмок. А то что́ это у нас древняя стеклянная пересортица в шкафу стоит, срамota. Я убедила бабушку, что гораздо удобнее и красивее, когда все рюмки на столе одинаковые, и мы сделали выгодное вложение — бахнули в посуду весь остаток денег — на восемнадцать рюмок хватило. Мама, наверное, будет ворчать, что однообразие, но потом точно оценит. Зато теперь сквозь стеклянные створки стенки блестят хрусталь. Красиво.

Да, через двадцать лет это станет немодно, но я всё равно хрустальные рюмочки и бокальчики больше люблю, чем просто гладкое стекло. Так что — имею право, на кровно заработанные.

Потом ездили на дачу к дяде Саше — на его новеньком жигуле! С клубникой у них было не особо разбежаться, но малинник по тем временам впечатляющий, вот нас с бабушкой и позвали ягоды побрать. Мы даже варенья немножко сварили.

Мама приехала довольная страшно. Поступила! Каким-то чудом умудрилась не встретиться там с отцом (и это к лучшему, на самом деле). Думаю, к её поступлению он-таки был косвенно причастен — всё же, обещал. Так или иначе, в отпуск матушка отправилась уже студенткой.

Тут тоже казус вышел. Получила она зарплату за июнь да за два месяца отпускных — почти пятьсот рублей вышло! — и, конечно, в отдельных частях организма сразу загорелся огонь немедленно денежки потратить. Но мы с бабушкой были решительно против.

— Ты посчитай-ка, — рассудительно сказала бабушка, — следующие деньги когда будут? В конце сентября аванс, копейки. Три месяца жить как будем?

— Да, — поддержала я. — И ещё на зиму сапоги тебе надо или унты. Или ты такая красивая в валенках будешь ходить?

Мысль о сапогах оказалась внезапной для всех кроме меня. Купить приличные сапоги в Иркутске можно было только с огромной переплатой у фарцовщиков или искать блат в обувных. Блата у нас не было. И это, опять же, переплачивать неизвестно сколько. Бабушка ещё предложила вариант пошить в «Сапожке» (это такое полукустарное обувное предприятие у нас было, фактически — единственное на весть город), но отзывы об их работе сильно уж разные звучали. Загрузились, короче, мои дамы.

И тут меня посетила мысль, уж не знаю, насколько она гениальная...

— Деду Али надо написать.

— Зачем? — не поняла мама.

— Ну, вы даёте! Он же в закрытой военной части живёт, в Подмосковье.

— Да, он вопче-то писал, снабжение у них хорошее, — поймала мою мысль бабушка. — А чё, правда, напишу-ка. Спрошу сперва — что скажет? Эх, я на прошлой неделе только письмо отправила! Знала бы — сразу и подписала б. Вот, не догадалась!

Да мы тут все не догадались.

А дед Али (бабушкин брат) жил в весьма неплохо снабжающейся военной части (я там была в прошлом восемьдесят четвёртом, летом), имел звание генерала (не помню, если честно, служил ещё или уже на пенсию вышел, да это для нашего вопроса и неважно было) и вполне мог бы нашему горю помочь.

Много скобок получилось, но я не буду по этому поводу страдать.

Так вот, почему-то ни бабушка, ни тем более мама никогда к нему за помощью не обращались. А почему, собственно? Мы же заплатить хотим, а не выпросить.

— Скока сапоги-то стоят? Рублей сорок-пийсят? — прикинула бабушка.

— Ты чё, — ввернула я*, — это наши. А мы хотим финские.

Много «чё» получилось.

Сибирский говор,

прощенья просим...

— Чё, прям финские? — удивилась бабушка.

До нашей Сибири подобная обувь если и доезжала, то совсем уж в единичных экземплярах, оседая преимущественно в Московской и Ленинградской областях. Прочей «европейской части СССР» доставались остатки, что уж про нас говорить...

— Финская обувь — самая лучшая, — твёрдо сказала я, — самая тёплая и носится лет по пять.

Или даже по семь, правда! Учитывая, что дорóги у нас солью вообще не посыпали, пять лет — это минимальная гарантия, против года-двух советских. Так что даже выгодное вложение получится.

— Сколько ж они стоят? — загрузилась мама. — Рублей сто?

— Бери сто тридцать, — посоветовала я. — Если дешевле выйдет, потом что-нибудь купим.

Мама отодвинула в сторонку пять бумажек по двадцать пять рублей и пять однорублёвых сверху.

— И на прожитие сто пятьдесят отложу.

Ещё несколько купюр прошуршало в другую сторону.

Оставшаяся кучка выглядела куда менее внушительно. Мама пересчитала.

— Двести тридцать пять.

— Ну чё, можно профуговать! — бодро подытожила бабушка.

Я решила выступить с предложением:

— Я бы ковёр в зал купила, на пол.

Мы дружно уставились на крашенные половицы.

— Большой надо, — задумчиво сказала мама.

— Я бы сказала, не столько большой, сколько длинный, — вслух подумала я. — Но не очень широкий, метра два.

Мама покачала головой.

— Нет, на такой точно не хватит.

— А что-нибудь купить ужас как хочется, да?

Она возмущённо на меня посмотрела.

— А ты знаешь, есть такая примета: надо, чтоб деньги в кошельке переночевали, и только потом тратить?

— Да?

— Ага. Говорят, что тогда денежки тебя больше будут любить.

Мама фыркнула, а бабушка неожиданно поддержала меня:

— Да, чё-то я такое слышала.

И ещё трусы красные надо на люстру повесить, мдэ. Об этом я, конечно, говорить не стала. Если с ночёвкой хоть какое-то обоснование есть, типа человек выходит из состояния мандража, планирует покупки уже спокойнее, то эти красные труселя...

— Давайте лучше деду Али письмо напишем, — предложила я.

Назавтра мы всё-таки поехали тратить наши капиталы. На что повезёт. Естественно, я увязалась с мамой и, выйдя на Рынке из автобуса, коварно предложила:

— В музыкальный зайдём? Пока руки не заняты.

Магазин «Мелодия» находился довольно далеко от удобных для нас остановок, и тащиться туда нужно было через половину центра. Но где ещё, спрашивается, покупать пластинки? А то проигрыватель есть, а слушать на нём нечего.

Мы пошли.

Магазин меня несколько разочаровал. Из популярного спокойно можно было взять только, простите за тавтологию, непопулярное. Множества ВИА, о которых в мозгу информации или не было совсем, или настолько мало, что уж простите... Случайно попалась «Синяя птица: Моя любовь жива». И то, видать, потому, что только что вышла, не успели расхватать ещё.

Мама никак не могла взять в толк, почему я не хочу детские песни, и сказку «Осьминожка» Эдуарда Успенского. Чуть мы с ней не поругались. И тут я увидела Армстронга!

— Мама! Вот эту!!!

Семьдесят восьмого года аж выпуска — что она здесь делает??? Боже! «Луи Армстронг»! Да мне даже неважно, что он тут поёт, лишь бы пел!

— Зачем тебе этот негр? — удивилась мама.

— Купи! — я вдруг испугалась, что пластинка последняя, и кто-нибудь заберёт её раньше нас и зашептала: — Не спорь со мной, купи, я потом заработаю денег и тебе отдам!

Мама, кажется, испугалась такой немного нервной реакции и пластинку взяла. Более того, она даже не стала возражать, когда я выбрала большой диск Сенчиной (уж очень у неё голос хрустально-волшебный) и оперу Джузеппе Верди «Симон Бокканегра». Брови у неё правда, сделались домиком — а зря. Верди прекрасен. Правда на «Четырёх концертах для фагота с оркестром» Вивальди она чуть не сломалась, зашипев:

— А это-то тебе зачем?! Ты хоть знаешь, что такое «фагот»?!

Я поняла, что резерв терпения исчерпан, но пластинку положить была не в силах.

— Я знаю! Это такая огромная деревянная дудка. И вообще это красивое. Для вдохновения.

Мама поняла, что Вивальди я не отдам, и сдалась.

Ничё-ничё, мы с тобой ещё Штрауса с Моцартом покупать будем. Должны же их записывать. Ну, правда — а что мне слушать-то? «Арлекино» хрипатое? Спасибо на добром

слове. «Малиновки слышат голосок» меня чёт тоже не втыривает. А Би Би Кинга например, что-то я не наблюдаю.

Эх, многие из тех, кто нравиться будет, ещё пешком под стол ходят, если вообще родились.

Да у меня вообще вкусы специфические, иногда из всего репертуара певца или группы мне нравится *одна* песня. Хорошо, когда можешь личный плей-лист составить. Опция ещё долгие годы недоступная. Так что пока я могу себя порадовать разве что классикой. Или Высоцким, если достать его удастся.

Пять своих пластинок я сложила в специально для этой цели припасённую хозяйственную сумку и понесла их бережно, как одуванчики.

— Ну что, пошли форму тебе смотреть, музыковед-любитель, — насмешливо сказала мама.

Блин! Форма! Школа же!

По поводу этой школы у меня было столько внутренних терзаний. Я уже хотела было подбить маму забрать заявление и отложить «школьные годы чудесные» на год, но остановило меня вот какое соображение. Татьяна Геннадьевна была за меня. Вот прямо за меня-за меня. И у меня была надежда, что если наше районо (или облоно) упрётся и не даст добро на ускоренную аттестацию, мы с ней сможем сговориться. Ну, хотя бы в том формате, чтобы я сидела и своими делами занималась, а не училась палочкам-крючкам на серьёзных щах. В идеале — чтоб я сидела дома, изредка приходя написать положенные контрольные, для отчётности, чтоб бумажки были.

А вот с другим учителем так договориться получится вряд ли.

Поэтому мы пошли в «Детский мир», форму смотреть.

15. ЭТО МЫ УДАЧНО ПОПАЛИ

МАГАЗИННЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ, ПРОДОЛЖЕНИЕ

Самое мелкое форменное платье оказалось мне большеватым. В зеркале я себе слегка напоминала Гавроша.

— А поменьше нет? — обескураженно уточнила мама у продавщицы.

— Самый маленький размер, — покачала головой та. — Меньше не бывает. Берите, немножко прихвátите, потом выпустите. Ещё и сэкономите. Это хорошая моделька, шерсть с лавсаном, не мнучая. Их разбирают быстро, ближе к сентябрю одни чистошерстяные останутся.

Угроза того, что что-то разберут раньше вас, действовала на советского человека магнетически.

— Сколько пробить? — озабоченно спросила мама.

Продавщица протянула нам крошечный клочок бумаги с тремя кривоватыми цифрами:

— Восемь пятьдесят, в первую кассу, пожалуйста.

— Фартук-то будем покупать? — поинтересовалась я по дороге в кассу.

— Шить придётся, — вздохнула мама, — тут тебе большое всё. Туфли ещё надо.

— Может, туфли ближе к осени купим? Вдруг нога вырастет?

— Пожалуй...

Поход за формой не прибавил нам обеим энтузиазма.

Вышли мы из «Детского мира» с сумкой пластинок и коричневым платьем. Стоим. И тут у мамы загорелись глаза:

— Смотри!

Через два дома, у обувного, что-то происходило. Народ туда стекался со всей улицы.

— Беги! — крикнула я, но мама (она же не знает, что я внутри взрослая) побежала, схватив меня за руку.

В плотном потоке мы влетели в магазин через большой старинный тамбур и безошибочно свернули в тот отдел, куда стремилась вся эта толпа.

— Что дают? — озабоченно спрашивали друг у друга женщины.

— Туфли чехословацкие! Две модели! — ответили из передних рядов.

Очередь прирастала со страшной скоростью и, если честно, я испугалась за пластинки.

— Мам, я на лестнице на второй этаж тебя буду ждать, а то затолкают меня.

Мама разрывалась между желанием приличную обувь купить (неизвестно какого вида, но чехословацкую — а, значит, хорошую!) и страхом меня одну оставить.

— Да не потеряюсь я! — я вытащила руку из её ладони. — Если подойдут — бери те и другие. А я спокойно посижу. А то пластинки поломают мне.

Я вылезла из толпы и поднялась по лестнице, чтоб она могла меня видеть, помахала рукой. Она немного успокоилась, но всё равно поминутно оглядывалась и проверяла меня глазами. Я каждый раз успокаивающе ей семафорила. Ладно уж, чего бояться-то, цыган нету. Если б какой заезжий табор по городу ходил, их бы на центральных улицах сразу видно было.

Перед мамой в несколько рядов плотно, как шпроты в консерве, стояли женщины. В отдел пускали не больше пяти-шести человек за раз, чтобы не случилось столпотворения (и чтоб никто в толпе чего не спёр, понятное дело). Вход в отдел перекрывала строгая тётка с

пышной, крупно завитой причёской в светло-синем форменном халате. Периодически она громогласно возглашала:

— Спокойнее, гражданки! Не толкайтесь! СОБЛЮДАЙТЕ ПОРЯДОК!!! — или что-то вроде того.

Минут через сорок ей что-то сказала ещё одна пробегающая мимо дама, похожая на первую как отштампованная, только волосы потемнее.

— Тридцать восьмой размер закончился! — громко объявила первая. — Женщины, просьба за тридцать восьмым размером не стоять! Не задерживайте очередь!

Это объявление вызвало совершенно противоположный эффект. Никто не ушёл, напротив, очередь заволновалась и подалась вперёд. Множество тревожных голосов начали спрашивать: действительно ли тридцать восьмой закончился? А, может, посмотрите на складе? А обе модели закончились — или только одна?

— Женщины, НЕ НАПИРАЙТЕ! — строго закричала караульная тётка. — Тридцать восьмой размер ЗАКОНЧИЛСЯ СОВСЕМ! Обе модели! Прекратите толкаться, иначе отсюда закроется НА УЧЁТ!!!

У меня, наблюдающей сверху, возникло такое ощущение, что некоторые гражданки нарочно не хотели прекращать толкаться — от обиды. Мол, раз нам не достанется, то и другим нечего! Но те, которые стояли ближе ко входу в отдел, они как будто сплотились в монолитный щит и не давали этим толчкам докатиться до строгой тёти в синем халате. А в середине очереди пошли какие-то ответные колебания и ругань, в том духе что «не хочешь стоять — так и иди себе, нечего порядок в общественном месте нарушать!» В конце концов очередь приобрела напряжённо-спокойный вид. Опять же, по моим наблюдениям, почти никто не ушёл. Не знаю, на что они надеются. Или, может, хотят какой-нибудь другой размер взять — типа родственницам или, мало ли, для перепродажи? Обувь хороших фирм у нас большая редкость. Точно так же, как с финскими сапогами: почти всё, что приходит в страну, достаётся западным областям. В первую очередь Москве, Ленинграду, Прибалтике. Потом мелким республикам. В длинном ряду распределения Сибирь и Дальний Восток всегда последние.

До мамы осталось человек шесть, когда тётка снова объявила:

— Размеры тридцать семь, тридцать семь с половиной и тридцать восемь с половиной ЗАКОНЧИЛИСЬ! Просьба за такими размерами не стоять!

Тут я испугалась, что толпа сейчас сметёт и тётку, и ряды полок, и ограждения отдела, но на помощь этой тёте подскочили ещё две, превратившись в такого синехалатного цербера, и начали жёстко призывать к порядку. Одна из них схватила стальную обувную лопатку и заколотила по металлической стойке ограждения. Оглушающий звук заметался под высокими старинными потолками магазина:

— ТИШЕ! ТИШЕ! СОБЛЮДАЙТЕ ПОРЯДОК!

Пока происходил весь этот паноптикум, мама дождалась своей очереди и вошла в отдел. За её размер я не переживала, ножка у неё маленькая, тридцать шестой. Обычно он до самого конца есть.

Я видела, что она примеряет что-то, поворачивая ногу перед маленьким напольным зеркалом, но что конкретно — с моего места, конечно, было не разглядеть. Если верить настенным магазинным часам, мы стояли в этой очереди уже час сорок. Кстати, через двадцать пять минут обед. Как эти церберши планируют выпереть из магазина очередь, я представляю с трудом. Или они как-то подрассчитали, что к этому времени как раз всё

продадут? Что-то сомнительно мне. О! Мама расплачивается. Подошло, аллилуйя!

Она протолкалась через толпу, раскрасневшаяся, с горящими глазами:

— Две пары купила!

— Молодец! — искренне обрадовалась я. — Разные, хоть?

— Конечно! Босоножки с ремешками и такие закрытые, как на осень.

— Дома посмотрим. Пошли, а то сейчас обед, я боюсь, как бы эта толпа тут драться не начала.

— Ну, драться-то не начнут, ты что! — удивлённо посмотрела на меня мама.

Ах, да. Советский человек пока ещё дисциплинирован. А вдруг?

Мама, видимо, тоже подумала: «А вдруг?» — потому что больше мы задерживаться не стали и направились на улицу.

— Ещё куда пойдём? — спросила она.

— А мы куда-нибудь успеем?

— Наверно, уже нет. Пошли тогда, семечек на рынке купим — и домой?

— Ага.

Семечки на рынке продавали бабульки. Жареные подороже, сырые — подешевле. Мама всегда брала сырые, обязательно тщательно мыла, а потом жарила их по своему вкусу на огромной алюминиевой сковороде. Семечки мы очень уважали.

— Почём туфли-то? — спросила я по дороге.

— Босоножки двадцать восемь, а осенние — сорок пять.

— Ну, нормально. Это мы удачно попали. Только я есть уже хочу.

— Может, пироженку тебе в кафетерии купить?

— Ой, нет. Брезгую я тут. Дома поедим.

Дома мы торжественно рассмотрели туфли. Осенние выглядели прямо вообще достойно, такая элегантная классика. Да и босоножки с целой кучей тоненьких лаковых ремешков тоже были на уровне. А ещё мне понравилось, что они были красными. Красное, блестящее — это на пятёрку. Женщина должна сверкать. Это во мне восточная кровь так говорит.

Бабушка туфли оценила, а пластинки не очень. Первым делом, в точь как мама, спросила:

— Оля, а зачем тебе этот негр?

— Надо! — сурово ответила я, наворачивая суп. — Это очень классный негр, всемирно известный. Вы как хотите, а я буду слушать.

Я отжала себе нижнюю полку в стеклянной части старого серванта — сейчас она всё равно пустая стоит — и составила туда свои приобретения. Строго вертикально, чтобы диски не повреждались! Буду по очереди слушать, для вдохновения. Некоторые любят под музыку писать, я так не могу. У меня процесс сочинительства все ресурсы сознания на себя мобилизует. Но вот перед этим настроиться, поймать волну — это кайф. Иногда трёх-пяти минут хватает, чтобы муза пришла. Только слушать по настроению нужно разное. Ну, теперь у меня минимальное разнообразие появилось.

После обеда мама села фартуки для меня шить (чёрный повседневный и белый парадный) из обрезков гипюра и кружев, которые у неё в специальном тряпочном мешочке хранились. А я внезапно почувствовала, что устала ну просто смертельно. И вырубилась. Днём! Крайне редкое для меня явление.

Проснулась я часа в четыре. Мама мне и говорит:

— Пошли в промтоварный, портфели посмотрим?

Так-то портфель — удобная штука. И не только для школы. А то я хожу везде с хозяйственной сумкой, как олень. Пошли мы.

По случаю подготовки к грядущему учебному году в промтоварный привезли огромное разнообразие школьных портфелей. Аж пять разных моделей, вы можете себе представить? Прямо с порога вас радовал (я бы сказала, безумно радовал) истерически-жёлтый чемодан с утятами. Потом ещё были всякие: с мишкой, с собачкой, с шальной обезьяной и один просто красно-синий. К моему глубокому огорчению, ранцем из всех этих моделей был только вариант с медведем. Тоже таким... странноватым.

Но потом оказалось, что я ошибалась! И у каждого портфеля внутри лежат специальные лямки, а в нижний шов вделаны соответствующие скобочки-цепляшки. Я обрадовалась, и выбрала самый нейтральный вариант: без картинок. Не знаю, чего ждала от меня мама, но я осталась относительно довольна. Вместо красно-синего могли ведь ещё какие-нибудь развесёлые звери быть. И что бы я выбрала тогда?

Как говорил Киса Воробьянинов*, «да уж».

*Незадачливый делопроизводитель

из книги Ильфа и Петрова «12 стульев»

Заодно купили мне несколько тетрадок (мдэ, боюсь, без тетрадок не обойтись), в клетку и в линейку, обложки к ним, дневник и модный пенал, такой, знаете, с шершавой картинкой на выдвигающейся верхней части. Среди младшеклассников бытовало популярное развлечение: полагалось прикрывать эти закрывашки бумажкой и возить по ним карандашом, чтоб рисунок проявился. Кому интересен процесс, можно с монеткой попробовать, тоже интересно получается. Главное при этом — не перестараться, не порвать листочек чрезмерным нажимом и рисунок не заштриховать до неузнаваемости. Тут были свои ступени мастерства, чтоб посторонних штрихов в итоговом изделии было как можно меньше, а собственно рисунок выглядел бы как можно чётче. Люди менялись пенальными задвижками (на время, конечно), потому что картинки ведь могли быть разными.

У отдельных лошариков вместо картинок на пеналах выступали поучительные надписи, и это составляло предмет досады их владельцев.

Из стирательных резинок снова одни деревянные. Розовые — это ж вообще ужас, как пемзой трёшь. Сегодня купила голубую, попробую. Вроде, на ощупь она показалась мне немножко мягче. Эх, мне бы кохиноровскую достать, со слонем, вроде они должны быть (братья-социалисты и всё такое, карандаши уж точно есть, и найти можно, разной твёрдости-мягкости), а вот с резинками какой-то напряг.

Бабушка меня со всем этим барахлом встречала торжественно, обнимала, поздравляла. Как у неё, интересно, стыкуется всё это с моим книгопечатанием и поездками к нотариусу? Или конфликтующая информация просто задвигается на задний план по принципу психологической защиты?

ОПЯТЬ ИДЕИ ПРУТ

Зато после дневного отсыпона вечером я никак не могла заснуть. Придумался мне такой мальчик... с рюкзаком. Да, рюкзак должен быть непременно. Назовём его (мальчика, не рюкзак) Петя Иванов. Так, стоп, Петя Иванов уже где-то был. Не помню, но имя прямо на слуху. И ещё так: «Господин Петя Иванов!» А-а-а! Из того старого мультика, где пацан в экран провалился и в сказку попал, не помню как он называется.

Кстати — вот, пожалуйста, попаданчество! Причём в самую что ни на есть нереальную реальность. А говорят, что это в конце двадцатого века придумали, тоже мне. Если

поковырять, то можно столько примеров накопать!

Нет, конечно, тогда это ещё не стало мейнстримом...

Так, о чём это я?

Мальчик с рюкзаком. Ладно, пусть условный Лёша. Лёха с Бохана, ха! Идёт наш Лёше по тропинке...

Мне так явно представилась эта первая картинка, что прям шило в организме заработало! Надо набросать!

Я тихонько полезла из-под одеяла.

— Ты куда? — сонно спросила мама.

— В туалет схожу, — почти честно ответила я. В туалет мне тоже приспичило, но потом я тихонько завернула на кухню, вытащила из ящика стола тетрадку с карандашом, валяющуюся там для записи всяких рецептов, и начала рисовать. Лёха с Бохана будет у меня краеведом. Он пойдёт по лесу...

И тут меня вдруг пронзило. Лёха с Бохана на самом деле был героический мужик. Пр него тоже надо игру нарисовать, пока это здесь актуально. Только она будет про то, как «нас водила молодость в сабельный поход». Как этот Лёха по Сибири гонял всяких нехороших людей — и банды, и китайцев, и кого только не — только шум стоял! А мальчик краевед у нас будет... да блин, что я выдумываю! Пусть будет Коля из книжки про Железногорск. Расширим, тысызыть, бренд. Короче, я набросала несколько эпизодов про приключения в тайге, и тут пришла мама.

— Ты чё? Времени час ночи, она рисует!

Возражения не принимались, я пошла спать, точнее, лежать, обдумывая новый концепт, и не заметила, как уснула.

Нет, вообще, мама права, конечно. Нельзя мне по ночам не спать, я ж махом в свой любимый совизм собьюсь, а тут это никак не катит. Утром я встала с трудом, и то потому, что Таня с Ирккой пришли звать меня гулять.

— Выходи в резинку скакать!

О! Резинка мне нравилась и в качестве тренировки подходила идеально. Если кто не в курсе, это берётся метров пять-шесть обыкновенной резинки для трусов, сшивается в кольцо, а потом с ней выполняются всякие фигурные прыжки на разных высотах. Двое держат резинку ногами в натянутом положении, остальные прыгают. Играть можно всем по очереди или парами. Там ещё есть некоторые тонкости, но так на бегу это не объяснишь, это прыгать надо. Другим идеальным вариантом были игры с мячом для большого тенниса, в вышибалу или в козла. Или скакалки.

На то, чтобы умыться и слопать рисовую кашу с изюмом, у меня ушло пять минут. Ладно, десять, ещё же косы заплетать. И я понеслась на улицу, тело требовало движения.

Девчонки уже привыкли, что часа через два я уйду обедать — и с концами. Поначалу приходили, пытались звать меня, уговаривать. Потом поняли, что бесполезно. «Я работаю», — и всё тут. А я действительно работала. Книжка моя про мальчика, который умел делать всякие классные поделки и учил этому свою сестрёнку, уже была переписана; тот вариант, который сидел у меня в уме превратился в более «социалистический», но к нему требовалось огромное количество иллюстраций. Вот я их потихоньку и отрисовывала, периодически отвлекаясь на такие вот спонтанные идеи типа вчерашней игры-ходилки.

Таких одиночных листочков с кроссвордами, лабиринтами и прочими магическими

квадратами (разных уровней сложности, между прочим) накопилось уже довольно много. Я даже на каждую копию прорисовала. И можно было бы их отправить, но на нотариальное заверение копий у меня не хватало наличной мелочи. А просить у мамы я что-то стеснялась, она, по-моему, уже распланировала все имеющиеся финансы. Возможно, это было глупо, но...

Выручил меня случай.

Двор у нас был довольно спокойный. Но иногда случались внезапные посиделки местных... не то что бы алкашей, а скорее, «несознательной молодёжи».

Короче, в магазин завезли бутылочное пиво. И парни (почему-то с соседнего двора) пришли его пить в нашу песочницу. Подозреваю, что своих бабушек они стеснялись.

Сперва они радовались жизни довольно громко, но тётя Света с пятого этажа выглянула с балкона и зычным голосом пообещала выдать лещей любому, кто осмелится хоть одним вяком потревожить её покой. Тётя Света могла. В ней было почти два метра роста и почти два центнера веса. При этом она так виртуозно материлась (и было это настолько почему-то смешно), что все эти халдеи скопом ей и в подмётки не годились. Поэтому парни со всем уважением извинились, но не ушли, а продолжили сидеть, тихо переговариваясь между собой. Возможно, в других дворах разговор был ещё короче.

Я уже лежала в постели, а мама снова выходила на балкон, выглядывала и ещё ворчала, что опять накидают бутылок, а дворнику убирать.

И тут я подумала: а почему дворнику? Почему бы не мне? Каждая бутылка — двадцать копеек, между прочим. На этой мысли я внезапно отрубилась, зато утром проснулась ни свет ни заря, в окнах было серо.

16. А ЛЕТО БАХ — И КОНЧИЛОСЬ!

БУТЫЛОЧНЫЙ ПОХОД

Я вышла в зал и посмотрела на часы. Четыре двадцать. Интересно, дворник же часов в пять приходит? Успею.

Почему-то я совершенно не боялась. Обычно я трусиха, и из дома в малолюдное время стараюсь не выходить, а тут... Ни пьяниц этих не побоялась, ни бродячих собак. Бродячих собак, кстати, я тут пока ни одной и не видела. И даже кошек. Скорее всего, служба отлова какая-то работает. А из выпивох тоже никого не осталось. Те, кто своим ходом до дома не дошли, сто пудов, в вырезвители отсыпаются.

Я нарядилась, взяла большую верёвочную авоську и пошла во двор. Тишина. Прохладно ещё, даже зябко. Я застегнула кофту. О! А вон и они, бутылки!

Первые три рядком стояли у песочницы. Но с остальными получился прямо квест. Они были спрятаны в разных местах, преимущественно в траве, окружающей лавочки, качели и деревья. Потом я поразмыслила и заглянула под горку. Возможно, туда тоже что-нибудь накидали, но трава была сырая от росы, и я решила ноги не мочить. Пару бутылок со сколами сразу поставила в мусорку, остальные потащила домой. Двенадцать штук получилось. Неплохо.

Я выгрузила свой улов в ванной. Подумала. А чего эти парни в садик рядом с нами не пошли? Сторож их прогнал? Хм. Вряд ли тамошний сторож был грознее тёти Светы. Места там, скорее всего, уже не было!

И я совершила совершенно (простите за масло масляное) безумный поступок. Я взяла ещё одну авоську, прикрыла дверь (просто так, как и в прошлый раз) и пошла в этот садик. Надо было обойти дом, стоящий ниже нашего, и спуститься чуть-чуть под горку. В соседнем дворе дворник уже скрёб метлой. Вовремя я успела.

Калитка сада, конечно, была закрыта, но я знала, где в рабице забора имеется подходящая дыра, и благополучно проникла на территорию. Обход площадок принёс мне ещё восемнадцать бутылок. Еле я с ними доволоклась. Захожу домой — а в коридоре на табуретке бабушка сидит с глазами по рублю. Знатная немая сцена вышла.

— Тише, маму разбудим, — первая разморозилась я, — с ней сразу истерика случится.

— Ты с ума сошла? — ответила бабушка.

— Мне на нотариуса деньги нужны, — не стала лишнего придумывать я.

— А чё мне не сказала-то?! — шёпотом возопила бабушка. — Я бы дала!

— В следующий раз так и поступим, — дипломатически предложила я. А сейчас надо их отмыть да сдать. Зря, что ли, я старалась?

Нам страшно повезло, что мама не проснулась. Я составила в ванну бутылки, заткнула слив пробкой и набрала тёплой воды. Через некоторое время этикетки отмякли и снимались даже безо всяких щёток. Отмытые бутылки мы потихоньку утащили и составили в комнате Наиля. Потом я уничтожила все следы своей вылазки и пришла к бабушке в кухню, пить чай.

— Как мимо матери эти бутылки-то потащим? — спросила она меня.

— А мы мимо не потащим. Дождёмся, пока она куда-нибудь пойдёт, вот тогда и...

— С пивными бутылками, через весь микрорайон. Срамота... — вздохнула бабушка.

— Ну, не ходи, я и сама сдам. Сумку хозяйственную возьму, в ней не видно, что несёшь.

— И чё, в эту приёмку пойдёшь одна? — ужаснулась бабушка.

— А что такого? Я ж зимой ходила. Куда, ты думаешь, от водки бутылки делись?
Бабушка несколько секунд смотрела на меня, нахохлившись.
— Нет уж, одна туда не пойдёшь. Да и вообще не ходи, я сама сдам.
— Можно подумать! От «Байкала» бутылки такие же тёмные как от пива.
— Всё равно!
— А вдруг мне не хватит?
— Добавлю, — отрубил бабушка. — Нечего перед соседями позориться!
Эх, никакой предпринимательской жилки.

Целую неделю бабушка сдавала эти бутылки. Составляла в сумку штук по шесть, сверху обязательно маскировала парой молочных (тут мне хочется закатывать глаза и сокрушительно качать головой) и без палева шла в «Приём стеклотары». А потом мы с ней поехали к знакомому уже дяденьке-нотариусу. Я как раз закончила рисунки ко второй книжке (как же меня раздражало отсутствие ксерокса, вы не представляете), пронумеровала её и прошила, как и в прошлый раз. Листы со всякими головоломками шли каждый по отдельности. Всего вышло шестнадцать единиц. Бабушка выложила деньги сурово, сдвинув брови. Дядька нотариус дурацких вопросов не задавал, засвидетельствовал даты, подлинность подписей — и всё.

— Тридцать шесть копеек на бандероли дашь? — спросила я её в автобусе. — Я потом отдам.

— Да дам, конечно.

Бабушка вздохнула. Шестьдесят семь рублей пенсии — не такие уж большие деньги. И лишних шесть с половиной рублей здорово били по бабушкиному бюджету.

Но я, конечно же, отдам. Иначе не может быть.

ЕЩЁ ЯЙЦА. И КОРЗИНЫ

Да. Как бы пошло ни звучало название этой подглавки, речь в ней пойдёт о том, что я пыталась определиться с направлениями приложения своих усилий. Тащило меня во всякие стороны. И большие произведения хотелось успеть написать — те, для которых пока ещё время подходит, через буквально пять-шесть лет людям станет не до того. И в детскую литературу вдруг потянуло, особенно во всякую рукодельную. Но были и наработки, которые бросать откровенно жалко было. Вот, к примеру, та пара статей про игры. Почему бы её не доработать и не издать отдельной маленькой книжечкой? Типа вот как та, которая у мамы лежит, с зимними развлечениями?

Я дошла до книжного шкафа и нашла упомянутую книжку. Издательство «Физкультура и спорт», сто тыщ экземпляров. Нормально! Напечатано, между прочим, по их заказу в Ярославле. Занятно. А объём текста примерно пять с половиной авторских листов. А у нас в статьях готово около одного. Мало.

Блин, и бросать не хочется.

Допустим, я могу написать главу по народным играм. Возникнут, конечно, вопросы — откуда я всё это знаю. Или не возникнут. Столько всего печатается, тоннами. Реально: будет кто докапываться или нет? А материала много у меня в голове интересного, в том числе по организации всяких народных гуляний...

Если ориентироваться на учителей и вожатых, можно выделить главу, посвящённую командной работе.

Я достала из шкафа новую тетрадку и начала делать заметки. Подошла мама, заглянула

через плечо:

— Что пишешь?

— Статьи наши будем в книжку переделывать, — сосредоточенно рисуя схемку, ответила я. — А ты иди-ка лучше, подумай и напиши мне про осенние игры и про зарницу. А лучше к Саше съезди, вместе с ним подумайте. Попробуем к осени статьи в журнал подать, а потом уж из них собирать что-то.

— Да он на даче, наверное, — немного обескураженно ответила мама.

— Вот! Я вам говорила, что телефон — вещь полезная. Иди с автомата позвони узнаешь: дома они или нет. Что сидеть-то просто так.

Время идёт. Я себе на ожидании неприятных перемен, наверное, невроз заработаю...

На удивление, мама ушла. И позвонила, и поехала. А я осталась новый конспект писать и рисунки рисовать. У меня, как это потом будет принято говорить, и региональный компонент есть: бурятский. Местное издательство, по идее, должно заинтересоваться. А ещё я поняла, кто мне жизненно необходим. Папа. Опыт тренерской работы у него пока не сильно большой, но я помню, он почти сразу начал всякие занятные штуки придумывать. Это всё нам тоже очень пригодится. А вот телефона у папы тоже не было, так что мне оставалось только ждать.

Папа пришёл в первых числах августа. Довольны-ы-ый! Рассказывал всякие истории про летний спортивный лагерь, куда он со своими борцами ездил. Столько историй — хоть сборник юнно-спортивных баек издавай! Мысль, кстати.

— А ты не против, если я твои рассказы запишу и в журнал пошлю? — спросила я.

— Лучше бы сперва мне показать, — прищурился отец. — Ты вот мне обещала книжку свою дать почитать — и всё никак.

Я вздохнула:

— С книжкой небольшая проблема. Я её отправила в редакцию, а та копия, которая у меня осталась, такая нежная, я её боюсь давать, вырвутся листы — и всё, каюк.

— А приклеить их потом нельзя?

— Не-а. Эта копия же нотариусом заверена.

— Гляди ты, как всё серьёзно! — удивился папа.

— Не то слово. У меня к тебе, кстати, дело есть. Касательно твоей работы...

Я загрузила папу своими мыслями по поводу физкультурно-спортивной книжечки, и своими идеями: что я от него хочу и зачем.

— Пойдёшь соавтором, — серьёзно сказала я. — И, кстати, для тебя это будет большой и жирный плюс, наличие своей публикации. И при аттестации, и в институте.

Отец согласился не сразу. Посидел, переплетя на груди руки и слегка покачиваясь на лавочке.

— Серьёзная тема.

— Ещё бы! Ты думаешь, почему я к тебе обращаюсь!

— Хм... Попробовать-то можно, конечно.

— Пробовать не надо. Надо сесть и написать, — я подскочила и начала ходить перед лавочкой кругами. — Если тебе будет казаться, что коряво или ещё что — не обращай внимания, всё равно носи. Я приглажу.

Папа смотрел на меня... с жалостью, что ли?

— Ты какая серьёзная стала. Как в школу-то пойдёшь?

Я плюхнулась на лавку рядом с ним, привалилась к его руке:

— Нормально пойду. Договорюсь с завучем нашим, буду на последней парте сидеть, видимость учёбы изображать. Они хотят на ускоренную аттестацию подать, но я чувю: не разрешат им.

Папа неопределённо хмыкнул. Я попросила:

— Через неделю зайди, покажи, что получается, а? А то без связи крындец просто, хоть письма тебе пиши.

— А у нас начали район телефонизировать, может, к зиме и будет телефон.

— Так то к зиме! До зимы ещё дожить надо.

Актуально, как никогда.

Между делом я упаковала и отправила три бандероли. С синопсисом и первыми главами книжки про Петю Мастерилкина — в «Пионер», и две, с иллюстрациями-играми/заданиями — в «Мурзилку» и «Весёлые картинки». Очень, конечно, солидные журналы с точки зрения охвата аудитории. Миллионные тиражи. Ну, а вдруг? За спрос в нос не дадут, как говорится. Попробуем.

СНОГСШИБАТЕЛЬНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ

С этим «Пионером» небольшой такой казус вышел, я забыла рассказать.

Прихожу, значит, я по весне в нашу школьную библиотеку. «Костёр»-то я много лет выписывала, примерно представляю, что там, а вот с «Пионером» как-то не срослось. Попросила библиотечаршу, она мне и выдала номер почитать. Апрельский.

Нет, граждане, всё-таки выпала я из социалистической парадигмы. Это я к концу чтения вспомнила, что в апреле-то у Ленина день рождения, а сперва я читала, и у меня от обилия восторженных излияний аж глаза выпадали: и умилительное фото улыбающегося Ильича с детьми, и детские стихи, посвящённые не иначе как «милому Ленину»*, и трогательная, выбивающая слезу история, как мальчик вступал с пионеры, и, конечно, передовица с упоминанием импортных борцов за свободу, которые, без сомнения, делу Ленина верны и среди привилегированных классов в СССР безошибочно называют один: детей.

*В этом месте я подумала:

собственно, если вы так любите

вождя мировой революции,

почему вы постоянно

кличете его по фамилии?

До судорог сводило скулы от слащавого рассказа «Новый этаж». Какая-то Прилежаева его написала, лауреатка премии имени Крупской. Не знаю, что там было в середине и конце, меня чуть не вытошнило на первых строках, когда папенька Володеньки Ульянова приезжает домой, его образцово-трогательно встречает вся семья, и маменька Ульянова (я прямо так и увидела, как она всплёскивает ручками) просит папеньку отдохнуть от трудов непосильных, а папенька отвечает ей в том смысле, что «куда же мне отдыхать, Машенька! Я ведь только о будущем школ всё думаю и думаю. Плохо им живётся, школам-то...»

Это, естественно, моя личная интертрепация, но до того это было сладенько-приторно. Мерзко. И вот ещё вопрос: коли ты *инспектор*, какого хрена в подведомственном тебе уезде в школы дров не завозят, и бедная учительница с детьми околевают в нетопленном классе? Думает он, видите ли, изо всех сил, надсаживается!

Такое, одним словом. Думаю, Владимир Ильич, попадись ему эта авторша,

раскритиковал бы её со всем присущим ему сарказмом, уж больно он дядька был язвительный.

В общем, там много ещё всего было подобного, чуть-чуть разбавленного рассказами про семью Гагарина, про зелёного попугая (это Радия Погодина; сам рассказ показался мне тяжеловат для восприятия, хотя и зацепил), про Чуковского, внезапно про фалеристику, ну и так ещё по мелочи.

— Ну как? — спросила меня Анна Дмитриевна, когда я отдавала ей журнал.

— Очень впечатляюще, — честно ответила я.

Страна как будто вообще не чувствовала, что до краха ей остались считанные годы. «Делу Ленина верны» — на самых серьёзных щах. А ещё меня удивило то, с каким упорством у детей формировали образ «доброты деда Ленина». Зачем? Эта мысль мне тогда первый раз в голову пришла. Ну, реально — зачем? Вы посмотрите на Ленинские фотки. Это же рискованный мужик, авантюрист, ради своего дела способный на неожиданные и кровавые поступки. Зачем вы его в сахаре обваливаете? Детей всегда больше привлекали бойцы, типа Че Гевары какого-нибудь. Но без отмашки сверху такое не делается. Значит, кому-то это было нужно. «Ищи, кому выгодно» — правильно римляне говорили. Тоже не дураки.

Но догадаться, кому именно это было выгодно, я пока не могла, и не вариант, что смогу в принципе.

КНИГУ ХОЧУ

Короче, в отпуске я заставила работать и маму, и папу, и дядь Сашу. И сама опус про народные игры написала — даром, что ли, я фольклором и этнографией столько лет занималась, пусть хоть тут денег принесёт, а то всё больше на благотворительность похоже было.

Папа приезжал несколько раз, и его заметки постепенно разрослись до полутора тетрадок.

Маму с дядь Сашей я, по-моему, тоже примучила. Надеюсь, результат получится хоть сколько-нибудь стоящий. Из их заметок я собрала пару статей, да одну папину, отправила их в физкультурный журнал, и засела за переделку всех материалов в единую брошюрку.

От себя, кстати, помимо этнографического, добавила раздел «Игры для переменок в начальном блоке школы». И ещё «Игры нашего двора». Классная вещь, пласт самобытной городской игровой культуры, который в девяностые будет почти утрачен. Пусть хоть в таком виде сохранится. Подумала, и отдельным материалом отправила в журнал тоже, указав авторами маму и себя. Надо портфолио потихоньку собирать. Это если опубликуют, само собой.

Книжка-сборник получила рабочее название «Подвижные игры и развлечения: в помощь учителю физкультуры, вожакому, тренеру». И я так хорошо с ней разогналась — и тут бац! — первое сентября. Блин.

ТЕПЕРЬ Я ЧЕБУР... ТЬФУ!.. УЧЕНИЦА

На линейку я пошла мрачная. Как хотите, а второй раз уже не вштыривает. Хорошо, первого сентября один урок всего. Я дождалась, пока все уйдут, села на то же место, где я контрольную весной писала, и спросила учительницу:

— Татьяна Геннадьевна, вы рассчитываете, что я буду полностью высиживать все уроки?

Она помялась:

— Но ведь так положено?

— Я понимаю. Вы заметили, что я за последнюю парту села? Никого ко мне не подсаживайте, пожалуйста.

Она покивала:

— Оля, мы с мамой завтра же составим заявление на твою ускоренную аттестацию...

— Не прокатит у вас, — я вздохнула и потёрла лоб. — Мне ведь даже семи нет. Начнётся в районе брожение умов...

— А иначе как? — грустно спросила Татьяна Геннадьевна.

— Предлагаю ход конём, — я сложила руки замком. — Я буду приходить на некоторые уроки. На музыку. На физкультуру. Ну и на проверочные-контрольные, чтоб у вас документы были. А вот когда мне семь исполнится, можно попытаться.

— А если проверка? — испугалась Татьяна Геннадьевна.

— Удивительно мне, если проверка придёт мимо завуча, — проворчала я. — Но если вдруг совсем внезапная проверка, то вы быстренько поставите в журнале ёнку, а я внезапно заболела. Ну не могу я вот это всё слушать: «а», «бэ», понимаете? Это ж катастрофа какая-то, так и нервный срыв заработать недолго...

Татьяна Геннадьевна побарабанила пальцами по столу:

— Вопросы начнутся. Ты только представь себе: дети начнут у родителей спрашивать, можно ли им так же: приходить только на музыку. А они — у меня: что это такое.

— Татьяна Геннадьевна, я вас умоляю! В первом классе дети как пыльным мешком пришибленные, половина одноклассников-то не помнит. Давайте я вообще ходить не буду, я согласна. Потому что если я ходить буду, вопросов возникнет ещё больше. Музыкантше только скажите, чтоб ёнок мне зря не лепила — как объясняться потом будем? А перед проверочной маму предупредите.

— А как же музыка? — по-моему, Татьяна Геннадьевна была несколько ошарашена моей натойчивостью.

— Я с удовольствием сдам устный зачёт. И могу даже спеть. Если буду знать список годовых тем заранее, наша беседа получится ещё более продуктивной.

Я встала.

— Дорогая Татьяна Геннадьевна! Я от всей души поздравляю вас с новым учебным годом. Мне искренне жаль, что вам досталась такая головная боль как я, и я надеюсь, что всё разрешится благополучно. За сим разрешите откланяться, всего вам доброго.

И я ушла.

Боже, надеюсь, она не станет настаивать на моём высиживании в классе всех этих часов...

17. ВПЕРЁД ЛЕТИМ

ИНИЦИАТИВА НАКАЗУЕМА

27 сентября, год 1982, если вы вдруг забыли.

Из хороших новостей были финские сапоги. Отличные, тёплые, натуральной кожи и на натуральном же меху — редкость для нашего города невероятная. И они подошли! Я радовалась, наверное, больше, чем мама, скакала по всей квартире.

Теперь про школу.

Татьяна Геннадьевна настаивать на моём присутствии на уроках не стала (спасибо ей огромное за лишний почти что месяц покоя!), но и касательно семи лет не послушала меня тоже. Они с мамой таки написали это прошение (я хрен знает, как оно там называется), приложили мои контрольные и даже заключение учительского актива. К концу сентября этот пакет дошёл (ползком, видать, шёл) до верхушки нашего областного отдела образования, и оттуда прислали бумажку с уточняющими вопросами.

Директрисе.

Она явилась в класс — а меня там нет. И честная Татьяна Геннадьевна растерялась, и не успела энку в журнале нарисовать. Шкандаль! Директорша гневно потребовала моего присутствия на всех уроках. Потому что — *мало ли что, такая ситуация*. Честь школы под угрозой. Линия партии!.. Когда космически корабли... Ну, вы поняли, в общем, мою досаду и вытекающий из этого сарказм.

Теперь я сидела на последней парте, и рядом со мной стопочкой лежали замечательные учебники: «Букварь» и «Математика, 1 класс». Дети учили буквы и совершали вычислительные действия в пределах первого десятка. Я заканчивала иллюстрации к папиной статье про тренерскую работу. Сильно хотела поскорей отправить и надеялась, что «Физкультура в школе» быстренько её напечатает, и папе к седьмому ноября (день рождения у него) будет подарок.

Тренерская статья должна была стать завершающим разделом нашей спортивной книжки. Затею пробиться в какое-нибудь издательство я ни в коем случае не оставляла, хотя мои родственники испытывали изрядный скепсис в отношении столь наполеоновского плана. Ну, ладно, в журнале напечатали. Но книжка! Это было нечто из разряда высших сфер.

РАЗМЫШЛИЗМЫ

Некоторое уныние вызывало у меня то, что ни один журнал кроме «Физической культуры в школе» никаких признаков готовности к сотрудничеству не проявлял. Неужели всё в молоко ушло? Физкультурщикам, конечно, спасибо. Поставили они наши статейки и в августовский номер, и в сентябрьский, и в октябрьский. Я так понимаю, приняли авторов в число «своих». Благодаря этим добрым людям я за свои картинки шестьдесят семь рублей заработала, рассчиталась с бабушкой (с верхом) а остальное сложила в выделенный мне её старенький кошелёк, такой, с кругленькими ушками-защёлками наверху.

— Чтоб в случае необходимости ни у кого не просить и бутылки по помойкам не собирать, — аргументировала я, и бабушка сразу безоговорочно согласилась.

К четвёртому ноября пришёл ещё один перевод — персонально мне, на двадцать три рубля, и я поняла, что папину статью тоже взяли. Как я скакала! Вот бы ещё ему авторский номер до дня рождения принесли, среди родственников и знакомых прям фурор будет.

Между прочим, и наша книжечка на четырёх соавторов была окончательно готова, и теперь мне срочно нужно было переговорить с папой. Вот срочно, срочняк, прям распирало меня. В отсутствие всякой иной связи я не придумала ничего лучше, чем послать отцу... нет, не письмо. Лучше. Телеграмму!

Я ИДУ НА ТЕЛЕГРАФ. СТРОГО ПО ЛЕНИНУ

Телеграф находился в том же здании что и почта, с другого входа. Внутри всё как-то было ещё более архаичное, чем в почтовом отделении, хотя казалось бы — куда уж. Одни перьевые ручки с чернильницами поразили меня до глубины души. Чернилами писать? Серьёзно? Хорошо, что я с собой шариковую взяла, как чувствовала. Иначе был бы мне урок каллиграфии, мдэ.

На столе, напоминавшем массивную шестиугольную тумбу, стоял плексиглазовый сортовичок, в котором лежали пустые сероватые бланки телеграмм. Сидеть полагалось на стульях, у которых сиденья откидывались, как в театре, только были они жёсткими, видимо, чтобы пришедшие люди чётко осознавали всю суровость жизни. Я решила, что и без стула обойдусь — тем более, стол был достаточно высокий, как раз мне стоя писать.

Я заполнила адрес, получилось шесть слов: город, улица, дом, номер, квартира, номер.

Дальше текст.

«Папа поздравляю...

Я задумалась. Я хотела написать «поздравляю с днём рождения», но так никто не писал. Все сэкономили на букве «с» — это ж целое слово! Ни разу не видела телеграммы, где было бы написано «с днём рождения», и если я напишу без пропуска, очень подозрительно будет выглядеть.

Значит, «... поздравляю днём рождения».

Я снова остановилась. День рождения у папы седьмого. А телеграмму принесут максимум завтра. Заранее поздравлять не принято... Я тяжело вздохнула и порвала бланк, кинула в мусорку с кучкой подобных обрывков. Так. Снова адрес. «Папа приходи срочно Оля» Без точек и запятых обойдёмся, всё лишние денежки. И наш адрес, это уж без оплаты.

Всё. Надеюсь, меня в КГБ не будут приглашать. А то был у нас эпизод. Одна из тётенькиных сестёр уезжала в отпуск на юга. Билет в кармане — и тут у неё на даче кот сбежал! Пошёл по кошкам. Двое суток она по всем окрестным садоводствам его металась искала (дело, на мой взгляд, бесполезное) — не нашла. А сын её, взрослый, должен был опять-же из студотряда приехать через пару дней после её отъезда. И вот изнервничавшаяся женщина не придумала ничего лучше, чем по приезде на море сразу побежать на почту и отправить сыну телеграмму. Срочную!

«Найди и накорми кота»

Ну, чисто шифровка.

Я помню, как тётя Нина рассказывала, хохотала. Парня, однако же, вызвали в отдел, объясниться. Кончилось ничем, всё же там не совсем дураки сидят. Точнее, совсем не дураки.

Я встала в коротенькую очередь из двух человек. Женщина-приёмщица работала довольно быстро.

— Скажите, как долго будет идти телеграмма? — спросила я у неё, добравшись до заветного окошечка подачи.

— Обычная — двенадцать часов, — специальным немного гнусавым голосом для мелких служащих ответила мне тётя. — Срочная — три часа. Молния — сорок минут.

Я прикинула. В молнии смысла нет. Папа, поди, на работе ещё. А вот через три часа он как раз придёт.

— Давайте срочную.

— Пять копеек слово, — предупредила меня приёмщица.

— А если обычная?

— Три.

— Нет, срочную давайте, — я протянула бланк.

— На обычном бланке или на поздравительном?

— На обычном.

— Пятьдесят копеек.

Я выложила на блюдечко в окошке две монетки по двадцать копеек и один десяток. Приёмщица поставила на бланке какие-то свои метки и протянула бланк в маленькое окошко позади себя:

— На-а-а! Срочная!

Из окошка высунулась рука, и бланк мой исчез в соседней комнатухе.

Пойду домой, ждать.

НАШ ПАРОВОЗ...

Папа примчался в девять вечера. Приехал с работы — а его сразу телеграммой обрадовали.

— Ну, ты меня напугала! — он подхватил меня на руки. — Я уж решил: случилось что.

— Если бы со мной что случилось, я бы не смогла подписаться, — резонно возразила я. — Зато теперь мы знаем цену связи. Пятьдесят копеек. В следующий раз я буду просто писать: «Оля», это значит «срочно приходи», запомнишь?

— Конечно!

— Ну вот, пятнадцать копеек экономия. Погоди, я сейчас переоденусь быстренько, и пойдём, во дворе поговорим.

— Вечер уже, куда пошли-то? — проворчала бабушка.

— Мы ненадолго, — я всунула ноги с синие войлочные сапожки, которые все называли «прощай, молодость!» и пошагала вниз по лестнице.

На улице было уже совсем темно, но довольно тепло, совсем не по-ноябрьски. Градусов пять, наверное. Минус, естественно.

— Значит так, пап. Книжку я дооформила, получилась она небольшая, но очень информативная. Пряма идеальная книжка для вожатого или учителя. Для тренеров в меньшей степени, и в основном благодаря твоим вставкам. Но полезная всё равно!

— Отлично! — подбодрил меня папа.

— Отлично-то отлично. Но вот в чём дело. Не хочу я её в центральное издательство посылать. За Уралом* столько умных кроме нас — пруд пруди!

**Имеется в виду за Уралом от нас,
в европейской части СССР.*

— Так-то да, — согласился папа.

— Мы попытаемся здесь издаться, в местном «Восточно-Сибирском издательстве». И всё равно нам нужен будет таран, который нашу книгу пропаровозит в редакции, — я остановилась и подняла голову, заглядывая ему в лицо: — Ты.

Не знаю никого другого, кто с такой силой мог бы кого-либо убеждать. И, главное, в конце люди не очень понимают, почему они согласились, но «добровольно и с песней».

— М-гм.

— Завтра будний день, зайди в редакцию, а? Если повезёт, сразу на редактора попадёшь.

Да и в любом случае он что-нибудь придумает, я даже не сомневаюсь.

— Ну, посмотрим, что получится.

— У тебя обязательно получится! — я с жаром стиснула кулаки. — Я очень в тебя верю!

— Адрес-то какой?

— Ой... наверное, в газете посмотреть можно. В «Восточно-Сибирской правде»? А?

— Ладно, узнаю.

— А как узнаешь-то? — я вдруг заволновалась.

— Не переживай, с работы в справочное позвоню.

Ну, всё, теперь у меня точно от сердца отлегло.

Как позже оказалось, «Восточно-Сибирская правда» имела к «Восточно-Сибирскому издательству» весьма опосредованное отношение, сидели они вообще на разных улицах, но папа, как и обещал, позвонил в справочную и всё нашёл.

Путь внутри издательства был обставлен ловушками и капканами, и наш паровоз, можно сказать, прошёл по краю пропасти — едва его не выперли оттуда. Но тут папу заусило, и он подключил своё легендарное красноречие.

Он так смешно мне рассказывал про все эти препоны, так что я хохотала и почти ничего не запомнила, извините. Суть в том, что в конце концов редактор рукопись взял, и даже сразу полистал, и даже согласился, что составлена она толково, неплохо структурирована и прочее. Обещал посмотреть, в общем. «Заходите через две недели».

Две недели благополучно превратились в три и даже с половиной. А потом папа применил к редактору свой коронный приём. Называется «дядя Толя».

Дядя Толя тоже был борец-классик. И в жизни он не боялся ничего, кроме ножа (это отдельная история, и, возможно, я когда-нибудь её расскажу). Был дядя Толя характера мягкого и незлобивого, но отличался весьма крупными габаритами. И иногда, в случае спорных ситуаций, папа по дружбе приглашал его с собой, предупреждая:

— Ничего не говори, просто стой.

И вот, в очередной раз отправляясь в издательство, папа прихватил с собой друга. Дядя Толя разом заслониł солнце в окне и половину редакторского кабинета, а папа вежливо спросил:

— Хотелось бы узнать, как там наша рукопись.

— Весьма неплохая рукопись, — сказал редактор. Дядя Толя переступил с ноги на ногу, и товарищ редактор очень искренне добавил: — Более того, отличная рукопись! Весьма полезна... м-м-м... — он извлёк нашу рукопись из кучи подобных бумаг, — ...педагогам и вожатым, да. Я думаю, для молодых специалистов она будет просто спасением. А этот товарищ — ваш соавтор?

— Возможно, — сказал папа.

— Видите ли, необходимо организовать встречу со всем коллективом авторов. Скажем, на... — редактор заглянул в ежедневник, — третье декабря, на двенадцать тридцать? Устроит?

Папа не знал, устроит ли это всех, и вынужденно согласился.

Остальные отпросились с работы. Пришлось отменить пару уроков, но в школах, на удивление, отнеслись к посещению редакции с трепетным пиететом, и третьего декабря мы все собрались по указанному адресу, в конторе, похожей на прочие виденные мной в будущем издательства, но, пожалуй, сильнее заваленной бумагами — электронки-то нет.

Я осталась в «предбаннике», предшествующем редакторскому кабинету. Здесь тоже стояли кресла с откидными сиденьями, но помягче и поновее, чем на телеграфе. Сквозь неприкрытую дверь прекрасно было слышно весь разговор. Подозреваю, что за четыре дня товарищ редактор ознакомился-таки с рукописью. И счёл её вполне сносной (а она впрямь неплоха, уж сколько я на своём веку методичек перечитала). Он задавал товарищам авторам разные мелкие уточняющие вопросы, и даже наличие несовершеннолетнего соавтора его не смутило. Но когда речь пошла об иллюстраторе, он внезапно засбоил.

— Нет, вы понимаете, коллектив соавторов — это одно. А здесь иллюстратор выступает в единственном числе и я, как редактор, должен...

— Да в чём проблема-то? — громко спросил папа. — Она же здесь. Доча, зайди!

По степени воздействия это, наверное, было примерно как в мультике «Рататуй», когда ресторанному критику предъявили настоящего повара. Редактор смотрел на меня вот именно что как критик на того крысёнка, и брови его ползли вверх:

— Вы что... вы издеваетесь?

— А разве в каком-либо законе Союза Советских Социалистических Республик есть пункт, запрещающий простому советскому ребёнку заниматься творческой деятельностью? — спросила я.

Отличная фраза.

Нет, серьёзно, действует как дудка на кобру. Редактор внезапно выпрямился и поправил галстук.

— Наша партия и правительство, — с торжественной миной сказала я, — неустанно заботятся об интеллектуальном и творческом росте подрастающего поколения. Разве вы не знали?

— Нет, я-а-а... Я, конечно... мы всемерно освещаем и поддерживаем... — редактор начал нервно оглядываться на дверь. Божечки, неужели же он тоже подозревает, что его на предмет линии партии проверять пришли?! — Я просто не ожидал, что... ваш иллюстратор будет столь юного возраста... Кхм.

— И соавтор, — подсказала я.

— И соавтор?

— Вы не переживайте, я уже неоднократно публиковалась со статьями и рассказами, в центральных изданиях в том числе. И как иллюстратор тоже.

— Ах вот как! — редактор с явным облегчением ослабил галстук. — Так это совсем другое дело! Что ж вы сразу не сказали!

— Так что там на счёт договора? — доброжелательно улыбнулась я. — Предлагаю заполнить прямо сейчас, пока все фигуранты* в сборе.

*Вообще, слово

имеет несколько значений.

В том числе «участник

какого-либо действия,

являющегося

предметом обсуждения».

Но чаще используется
в юридической практике
как «некто, кто проходит
по какому-либо уголовному делу
в качестве обвиняемого,
подозреваемого или свидетеля».

И откуда это словечко выскочило? Само собой ведь подвернулось...

— Я имела в виду: заинтересованные лица, — поправились я.

Редактор смотрел на меня долгим невыразительным взглядом. Вот после таких историй и рождаются легенды о детях-агентах КГБ. Бедный дядька, мне тебя прямо жаль.

А ведь недавно Брежнев умер. На его место пришёл Андропов, и во всех отраслях началось закручивание гаек и нешуточные чистки. Как-то я это не сопоставила.

Редактор сказал:

— Да. Давайте заполним.

Мы заполнили договор на книгу, все по кругу расписались (за меня, конечно, мама), обшлёпали его печатями. Потом папу и дядь Сашу отпустили (точнее, вежливо попросили), а со мной заполняли второй договор, отдельно — на иллюстрации.

— Простите, — спросила я, — а вы могли бы нам объяснить, каким образом будет рассчитана... оплата?

— Думаю, с этим лучше справится наша сотрудница из экономического отдела, — редактор поднял трубку и почти сразу произнёс: — Марин Петровна, загляни...

В кабинет вплыла дама с огромным гнездом на голове, иначе я эти то ли начёсы, то ли шиньоны назвать-то не могу. Она остановилась и выразительно-вопросительно подняла тоненькие-претоненькие выщипанные бровки.

— Объясни товарищам сетку оплаты.

— Первое издание? — уточнила мадам (для краткости назовём её бухгалтершей).

— Отдельные части публиковались ранее статьями, но были переработаны и дополнены, — ответила я.

Тётя, явно ожидавшая ответа *не от меня*, округлила на редактора глаза, получила от него какой-то знак и кивнула:

— Это всё равно считается как первое. Тираж у нас, как правило, пятьдесят. Да? — спросила она уже, понятное дело, не нас.

— Пятьдесят, — согласился редактор.

— В союзе писателей?..

— Не состоят, — мотнул он головой.

— М-хм... Ну вот, смотрите. Расчёт идёт потиражный. В РСФСР минимальные тиражи пятнадцать тысяч экземпляров, но у нас издательство укрупнённое, мы меньше пятидесяти не печатаем, а пятьдесят — это уже массовый тираж; значит, за первое издание — первые пятнадцать тысяч экземпляров — вы получите двойной гонорар, такое правило.

— Погодите, погодите, — я поняла, что у меня ум за разум заходит, и достала из своего портфеля тетрадку и ручку. — Можно ещё раз?

Бухгалтерша повторила свои выкладки.

— А что значит «потиражная» оплата?

— Я ж вам говорю: исходя из нормы по РСФСР в пятнадцать тысяч экземпляров — это

и считается тиражом. За первый тираж вы получаете сто процентов ставки плюс надбавку за первое массовое. За следующие пятнадцать тысяч — это уже считается переиздание, даже если печатаем сразу — шестьдесят процентов от гонорара.

— Всё время по пятнадцать тысяч штук прибавляем?

— Да. По нормативу. Третье считается ещё шестьдесят процентов, потом сорок, тридцать пять, и все последующие — по тридцать.

— А сто процентов — это сколько? — замороженно спросила мама.

— Для вас это будет сто пятьдесят рублей за авторский лист, — строго кивнула бухгалтерша.

— А для членов союза писателей? — любопытно спросила я.

— Для членов — двести пятьдесят. Или, если сразу выходит два массовых издания, тогда минимальная ставка двести пятьдесят.

Она почти ушла, и тут я вспомнила ещё вопрос:

— Извините, а рисунки как считаются?

— Тоже в авторских листах, один авторский лист — три тысячи квадратных сантиметров.

— Окончательный объём станет ясен после вёрстки, — как-то пыльно добавил директор.

— Спасибо, — хором ответили мы с мамой.

Ни хрена себе, простите мой дурной французский...

18. НАДЕЮСЬ, ЭТО БЕЛАЯ ПОЛОСА

ВОЛНА

Дома я села, посчитала так и сяк. С рисунками что ещё выйдет — непонятно. Опять же, все ли их возьмут? А вот за буквы нам ломилось больше двух тысяч. Даже если на четверых разделить — уже весьма.

И тут я припомнила слова бухгалтерши по поводу укрупнённого издательства. Если «Восточно-Сибирское» — укрупнённое, то где-то должно быть и совсем крупное, так? И там тираж, наверное, не пятьдесят минимум, а, допустим, семьдесят? Или даже все сто? Как проверить?

Я пошла к книжному шкафу. Первым делом мне на глаза попались детские книжки. В твёрдых переплётках, но малоизвестных писателей. «Тяпкин и Лёша» Ганиной. В детстве я любила. «Колесо на крыше» Мейндерт Дейонг. Блин, фамилия как тест у логопеда. Эту книгу я не любила. С моей (взрослой уже) точки зрения, страшно ей не повезло с переводчиком, текст грубый, рваный, как будто гравий мешалкой ворочают. Тираж... там и там по сто тысяч, гляди-ка. Я проверила ещё несколько книжек издательства «Детская литература». Меньше ста тысяч не было ни у одной. И тут как толкнуло меня проверить тоненькие детские книжки.

Вот, первая попавшаяся. «Честное слово» Пантелеева. С тетрадку, меньше авторского листа. А тираж... семьсот пятьдесят тысяч!!! Я слегка обалдела. Ладно, допустим Пантелеев — человечисше! Знаменит, и всё такое.

Ну-ка ещё. «Большое сердце» — это про войну. Автор Б. Лавренёв. Ни о чём мне фамилия не говорит, но я — ещё не показатель, правильно?

Правильно оказалось на все четыреста процентов, потому что тираж у тоненькой книжечки оказался — держитесь — миллион восемьсот экземпляров!!! По самым скромным подсчётам у меня получалось, что этот неизвестный лично мне дяденька получил за эту книжечку минимум девять тысяч рублей!!!

Офигеть.

Ну что, можно начинать становиться миллионером. Дело за малым: стать широко известным в нужных кругах и издать книжечку за предельным тиражом.

Нет, я не завидую этому дядьке.

Да кого я обманываю — завидую, конечно! Хочу, чтоб также, уважали и печатали, можно даже без орденов и премий. Эх...

И, должно быть, кто-то в небесных сферах услышал плач моей души, потому что спустя буквально два дня в нашу дверь позвонили. Я была в школе, и заказное письмо приняла бабушка, но открывать побоялась (после того раза с рукописью она вообще без нас никаких писем не вскрывает).

Я прочитала, кто отправитель, и руки мои затряслись.

— Баб, открой.

Она аккуратно вскрыла конверт ножичком, и мы торжественно зачитали, что редакция журнала «Костёр» информирует меня о том, что мой роман поставлен в годовой план с графиком публикации две главы на номер, с оплатой по частям в соответствии с графиком печати, и они просят меня заполнить приложенный договор и переслать его вместе с

полным текстом произведения по адресу...

Аллилуйя!

Как я орала! Как скакала! Это — моё! Лично моё! Й-й-йу-у-ху-у-у-у!

Бабушка, по-моему, даже стала опасаться за моё здоровье, и я постаралась взять себя в руки, хотя получалось очень плохо.

А ещё через два дня пришло очень похожее письмо из «Пионера», которые брали в работу «Петю Мастерилкина».

Мама дорогая, неужели я поймала волну? Самое страшное было — спугнуть эту удачу. И я постаралась затаиться.

Оба эти знаменательных события произошли в отсутствии матушки, потому как четвёртого декабря, аккуратно после нашего посещения издательства, мама отбыла в Улан-Удэ на сдачу сессии. Сколько она там должна была пробыть — большой вопрос, вроде по датам примерно три недели, а в реальности как попрёт?

Мы с бабушкой хозяйствовали одни, наводили марафет, я раскрасила все окна смесью гуаши и зубной пасты. Навырезала снежинок. Ёлку снова привязали к табуретке и обрядили винтажными игрушками. Всё остальное время, вдохновлённая двойной удачей, я писала роман про бабушку — кое-какие черновики и наброски лежали у меня аж с прошлой зимы, и теперь я вдумчиво и неторопливо сшивала их в цельное полотно. Иногда вечерами мы подолгу разговаривали, обсуждали — каково было в тылу.

Однажды бабушка заявила, что в их Омской области было ещё терпимо. Не голодали. Да, забрали всех коней, но осталась часть коров. На коровах пахать всё же было легче, чем самим в плуг впрягаться. Было молоко и творог, и то, что на своих огородах выращивали — успевали, сверх колхозной нагрузки. По хлебу вот скучали сильно — зерно на фронт отдавали почти всё, оставляли только на посев. А сами пекли из перетёртой картошки.

Так она и испекла мне хлеб такой, чисто картофельный, на дрожжах, плотный, как резиновый, и сизо-синий. Поешь-ка его месяцами, коли к пшеничному хлебу приучен...

Я слушала её и вспоминала задокументированные жалобы немецких домохозяек, которые в сорок четвёртом страдали, что пришлось отпустить прислугу, и вместо кофе в зёрнах в магазинах стали продавать только эрзац-кофе, цикорий. Вас бы, фрау, заставить на коровах попахать...

Двадцать третьего числа бабушка встретила меня из школы с большими-большими глазами.

— Что случилось?

Она молча предъявила мне четыре извещения.

Два одинаковых, на маму и на меня — на шестьсот семь рублей пятьдесят копеек каждый.

Ещё один на меня — на девятьсот девяносто три шестьдесят (посчитали, должно быть, картинки).

И ещё один странный, на маму, на сто один рубль двадцать пять копеек.

Я долго не могла понять, что эта последняя сумма означает и откуда она, вообще, взялась. А потом до меня дошло: алименты же! В Советском Союзе всё было учтено, и всё по закону. Детей у папы теперь двое, так что на меня идёт аж шестая часть всех его заработков.

Деньжищи, для нашей более чем скромной семьи, были, конечно, страшные. Две тысячи

триста, да ещё с копейками! Конечно, бабушка потерялась.

— Оля, как пойдём получать? Я боюсь... — руки у неё мелко дрожали.

— Да ты что, перестань! — я обняла её и прижалась. Не хватало ещё, чтоб сердце заболело! — Нам и не дадут с тобой. Сильно большая сумма, получатель другой. И мои не дадут — родителя нет. Маму придётся ждать.

— А если их назад отправят? — испугалась уже по другому поводу бабушка.

— Ну, я не знаю...

И тут пришёл папа. Довольный страшно!

— Раиса Хасановна! Здравствуйте! А что случилось? Трясётесь обе?

Я поделилась с папой нашими переживаниями.

— А что, Галя ещё не приехала? — удивился он и сам предположил: — Не всё сдала ещё, наверное. Или билет не смогла купить на сегодня.

— Пап, а у тебя паспорт с собой?

— Да-а.

— Сходи с нами, а? Ты же отец, с тобой нам выдадут.

Вот такой странной и внезапной группой мы отправились на почту. Народу там был целый паровоз. Я ужаснулась — сколько же нам придётся стоять? Бабушка, как порядочная, заняла очередь. Но папа вдруг обратился к людям с речью и внезапно сочинил про меня такой рассказ, что у меня челюсть отвалилась. Приплёл правительственные награды и государственную стипендию высшего уровня. И так это было смешно, вся очередь лежала. В конце он всех поздравил с наступающим, а очередь внезапно предложила ему «не мучить ребёнка» — «конечно, такой талант!» — и пройти вперёд. Я скромно замерла у почтового фикуса и светила лицом. А потом стоящие вблизи нас услышали сумму, которую он на меня получает, и тут челюсти отпали уже у них.

Не знаю уж, какую историю они себе вообразят. Мы пересчитали денежки и бодро свалили.

Папа, конечно же, проводил нас до дома. Мы торжественно выложили деньги на столе. Получилось много, учитывая, что сторублёвых бумажек на почте нашлось всего десять штук, остальное выдали двадцати пяти рублёвыми, плюс копейки мелочью. Тысяча шестьсот один рубль десять копеек. Бабушкина пенсия за два года. Не так много, вроде бы, но всё за один раз...

— Ну, ты у нас молодец! — восхищённо и немного утрировано, как он это умеет, сказал папа.

Я обняла его за шею:

— Пап, а мою книжку в «Костре напечатают». Целый год печатать будут, по две главы каждый месяц.

— Да ты что?!

— Да. Я все документы заполнила и отправила. И другую — в «Пионере».

— Так ты у нас настоящий писатель? — гротескно «удивился» он.

— Ага.

— А что ж мы это на почте-то не сказали?!

Я вздохнула.

— Что-то как-то неудобно было.

— Саша, иди чай пить, — позвала из кухни бабушка.

Мы переглянулись. Вот это что-то новенькое!

Я сгрэбла деньги пачкой и положила их на книжную полку за стекло.

— Пошли руки мыть.

Шанс организовать хотя бы худой мир упускать нельзя.

ЗАГОВОРИЩИКИ

Назавтра я в школу не пошла. Решила забить — это с одной стороны. А с другой — что-то опасалась я за бабушку. Переволновалась она с этими деньгами, ходила, переживала, валокордин пила.

— Баб, ну что ты мечешься? — я села рядом на диван и погладила её по руке. — Наиль же приезжает, такие деньжищи привозит — ты не паникуешь.

— Так то Наиль. А то — ты!

— И что?

— Не могу, волнуюсь я.

— А ты не волнуйся, — я привалилась к её мягкому, тёплому боку. — Я, баба, решила. Я писателем буду. Вот накоплю денежек, купим дом в деревне, будем там огород садить, курочек заведём — классно, да? Они нам яички будут нести.

— А зимой этих курочек куда денем? — усмехнулась бабушка.

— Как куда? Тёплый сарайчик им сторóдим. Маму замуж выдадим, пусть в городе работает, а мы с тобой в деревню, а?

— Так в деревне-то воды нет, таскать с колонки надо. Туалет на улице...

— Ну, не-е-ет, баба. Это же каменный век. Мы с тобой всё по-другому сделаем.

И я начала рассказывать бабушке, как здóрово мы будем жить в деревне. Скважину пробури́м, туалет с септиком организуем, отопительный котёл... Бабушка слушала меня, как сказку, и потихоньку успокаивалась.

— Да-а, в таком доме я бы жила...

— Будешь! Я тебе обещаю! Самовар тебе куплю электрический и телевизор цветной. И подушек пуховых целую горку с кружевной накидкой! — я знаю, она такое любит.

После обеда пришла телеграмма. Мама сообщала, что прилетит сегодня, после шести часов. Прилетит!

— Поехали маму встречать? — оживилась я.

— А деньги как оставим? — снова испугалась бабушка.

— А деньги спрячем.

И я спрятала. Сто рублей оставила на расходы, а полторы тыщи прикуркулила. Не скажу вам, куда. Вдруг вы где-нибудь проболтаетесь, и все будут знать, где я деньги прячу.

Отправились мы с запасом. Долго добираться-то. Сорок четвёртого мы не дождались, поехали на двойке, на рынке пересели на двадцатку. Огненно-красный лиаз бодро тархтел, отчаянно пах бензином и подкидывал нас на каждой кочке. Я резкие запахи с трудом переношу, еле доехала.

Здание аэропорта стояло такое непривычно-маленькое. Зато знаменитые берестяные панно, которым в новом здании места не найдётся, ещё радовали глаз. И никаких рамок-металлоискателей. Про них, поди, даже и сотрудники портковские никогда не слыхали.

Вокруг не сказать, чтоб прямо тесно, но для нас двоих народу было всё же многовато. Мы с бабушкой озирались, не очень понимая, откуда надо будет встречать прилетевших. И, главное — когда. Очень глупо будет, если мы прождём маму — и разминёмся с ней.

Объявили посадку на какой-то рейс, и с рядов серебристых кресел, установленных на втором этаже большим квадратом, народ как ветром сдуло. Разом стало свободнее и спокойнее.

— Ты садись-ка посиди, — показала я бабушке на кресла, — а я табло посмотрю.

— А потеряешься?

— Куда я потеряюсь-то? Вон оно, ты ж меня видеть будешь.

— Ну, иди.

Я пошла к большому чёрному прямоугольнику, испещрённому рядами зелёных букв и цифр. Тэкс. Вижу Улан-Удэ. Где у нас вылет, где прилёт? Это вообще время наше? Или Московское? Или (такое тоже вероятно) Улан-Удэнское? При виде подобных таблиц на меня неизменно нападает совершенно дебильный ступор.

И тут я увидела знакомое пальто. Просто тумблер щёлкнул! И сапоги. И шапку ондатровую. А особенно усы! На заднем плане промелькнула мысль, что, возможно, я просто автоматически выделяю двухметровых мужиков с усами. С другой стороны, на Вовку он совсем не похож. И усы у него другой формы и пшеничные.

— Здрассьте! — радостно брякнула я.

— Здравствуйте, — немного удивлённо ответил дядька.

— Вы меня не помните? Вы мне статью помогли на почте отправить.

— Точно, было дело! Ну, и как — напечатали?

— А как же! Мы с мамой вообще молодцы. Мы за этот год уже раз семь напечатались.

— Надо же! А какая тематика?

— Физкультура и спорт. Мама у меня учительница физкультуры. Очень красивая, кстати. А вы женаты?

Могу-могу. Я же мелкая. Спишут на детскую наивность.

— Ищешь себе нового папу? — дядька сложил брови домиком, но такой настрой нам не очень нужен.

— Не-ет. Папа у меня есть. Шикарный папа, всем бы такого. Но у папы уже есть новая жена, прекрасная женщина, Ольга Владимировна. А у мамы пока никого нет, и это меня до крайности удручает.

Тут он засмеялся.

— Какая вы, однако, интересная барышня!

— Да и вы интеллектом не обделены, иначе я бы с вами и разговаривать не стала, — дядька удивлённо поднял брови. — А хотите, я угадаю, кем вы работаете?

Я поняла, что мне показалось тогда смутно знакомым. Неуловимый отпечаток, накладывающийся на всех, кто связан с этой службой. Нечто почти мистическое.

— Предположите, — заинтересовался он.

— Вы авиадиспетчер. Второй вариант — возможно, авиаинженер, но это менее вероятно.

— Авиадиспетчер, действительно, — он даже оглянулся, словно ожидая увидеть кого-то, кто мог бы подсказать мне правильный ответ.

— Ну, вот видите!

— А как вы узнали?

— Я просто наблюдательная. Писателю положено.

— А вы писатель?

— Точно. Нераскрытый литературный гений. Можете взять у меня автограф и в будущем выгодно его продать, — я засмеялась. — Я шучу. Просто музею подарите — и всё.

Теперь дядька засмеялся тоже.

— Так что на счёт брачных уз? — да-да, я помню незакрытые хвосты тем.

— Имел неудачный опыт, — серьёзно ответил он. — В прошлом.

— А дети у вас есть?

— Детей, к сожалению, нет.

— Оля! — возмущённый бабушкин голос раздался совсем близко. — Ты почему с незнакомыми людьми разговариваешь?

— Это, баб, не совсем незнакомый. Это наш сосед по микрорайону, однажды он выручил меня на почте.

— Евгений, — дядька слегка поклонился бабушке.

— А это — моя бабушка, Раиса Хасановна, — культурно представила её я. — А я — Оля. И мы будем вам крайне благодарны, если вы сможете нам извлечь из этой невнятной таблицы информацию о прибытии самолёта из Улан-Удэ.

— А вы тоже ждёте рейс из Улан-Удэ? — удивился он.

— Да. Мама прилетает с сессии.

— А я его же жду, мне должны передать посылку!

— Совпадение? Не думаю! — сказала я таинственным голосом.

— А скоро прилетит-то? — тревожно спросила бабушка. Не любит она неопределённости.

— Через двадцать восемь минут должен, — ответил Евгений.

— А вы в Юбилейном в каком доме живёте? — светски спросила бабушка.

— В двадцать пятом.

Так они начали беседовать о всяком, а я стратегически прогуливалась вокруг, хотя ждать мне уже, честно говоря, надоело. Мысли мои циркулировали вокруг вот этого Евгения. Не самый худший вариант. Человек, готовый прийти на помощь оказавшемуся в затруднительном положении ребёнку и развлекать разговором чужую бабушку... Диспетчер, опять же. Даже в самые жёсткие годы они не бедствовали. Если вдруг богатенькие капиталисты не хотели платить диспетчерам адекватные (по мнению работников) деньги, они (диспетчера) просто переставали принимать самолёты. Действовало молниеносно. Ещё бы не действовать. Иркутский аэропорт очень сложный, здесь особая квалификация нужна. Можно сказать, высший пилотаж.

Внезапно над головами разразилось нечто пронзительно-квакающее.

— Наш? — с надеждой спросила я.

— К сожалению, пока нет.

А вот следующий оказался наш!

Мы с бабушкой с волнением высматривали в ручейке прибывающих чернобурковое пальто.

— Мама! Ма-а-ама!!!

Она увидела нас, обрадовалась, побежала навстречу. Какая она у нас, правда, красивая! Как я за эти три недели соскучилась...

Мама обнимала нас, бросив под ноги свои сумки.

— Я не думала, что вы приедете! Ой, в Улан-Удэ дубак такой, в-в-ветер! Хорошо, я в этой шапке, а то бы околела совсем.

— Ноги-то не застудила? — сразу запереживала бабушка.

— Не, ты чё. Я как в печке!

Мы подобрали свои пакеты и пошли на остановку. Но далеко не ушли. На ступеньках крыльца нас догнал Евгений.

— Боюсь показаться навязчивым, но я мог бы вас подвезти. Вы же в Юбилейный сейчас?

Мама непонимающе смотрела на здорового мужика с коробкой в руках.

— Мы вам на бензин подкинем, — обрадовалась бабушка, — сколько надо?

— Да ну, бросьте! Я ведь всё равно домой еду. По-соседски вас подвезу.

— А можно я вас буду «дядя Женя» звать? — «наивно» спросила я. — А это моя мама,

Галя.

— Евгений, — слегка поклонился «дядя Женя».

— Очень приятно, — с характерной оценивающей интонацией ответила мама.

Ну что, поехали.

19. НЕ ВСЁ БОБЫЛЯМИ СИДЕТЬ

МАТРИМОНИАЛЬНОЕ

Машина у дядьки диспетчера была по советским понятиям о-го-го! Новенький жигуль, весь из себя блестящий, ярко-синего цвета. Он подвёз нас к подъезду и помог маме донести до квартиры сумки. Хитрый какой, заодно адрес узнал. Мы с бабушкой зашли домой первыми, пока они на площадке обменивались вежливыми любезностями.

— Видный мужик, — высказалась бабушка, когда мама зашла.

— Ага, — согласилась я, — но в этот раз мы не будем принимать поспешных решений, да?

Мама фыркнула.

— Как сессия-то? — спросила я.

Сессия прошла, как и положено сессии, разнообразно, со своими победами и мелкими недоразумениями.

— Шаманова видела! — возмущённо сказала мама.

— А он чё, там? — удивилась бабушка.

— Тоже учится. Всем про книгу растрепал уже! — в этом месте непонятно было, радуется она или сердится.

— И правильно, что растрепал, — высказала своё веское мнение я, — это же плюс к вашей профессиональной репутации.

— А чё это — репутасья? — спросила бабушка.

— Это то, что о тебе думают окружающие, — примерно объяснила я. — Вот, например, вся родня считает, что я — вредина, и ничего с этим уже не поделаешь.

— Хм, — бабушка поджала губы, — это вроде как произвести впечатление?

— Ну да. Только более растянутое во времени. Кстати про книгу, мам, нам же извещения пришли! Мы уже получили тыщу шестьсот.

— Да ты что, так много?!

— Это только мои, — гордо напыжилась я. — Там ещё семьсот с лишним тебе причитается.

— Ни фиги себе! — поразилась мама. В глазах её замелькали варианты всего замечательного, что можно было на такие деньжищи купить.

— Мам, а как ты относишься к идее откладывать? Мы вот с бабушкой задумали дом в деревне купить, и чтоб с большим участком.

— А почему в деревне? Почему не в садоводстве?

— Потому что в деревне участки рядом с домами больше.

В те благословенные времена только большой везунчик мог рассчитывать получить шесть соток земли под дачу. Чаще это было четыре или даже три.

— Но-о, в деревне и по десять, и по двадцать сотых* бывает, — поддержала меня бабушка.

*Т. е. соток.

— А ещё, — выдала козырный аргумент я, — в деревне можно куриц держать и всяких поросят.

Мама подумала:

— На дачах тоже заводят, я слышала.

— Заводят. Но если на них кто-нибудь пожалуется, заставят всё убрать.

— Да! — поддакнула бабушка. — Убрать заставят, точно.

— А мы что, поросей хотим заводить? — посмотрела на нас мама.

— Мы можем и не захотеть, — развела руками я. — А потом вдруг захотим — а на даче нельзя. Чё делать будем?

— Хм. Подумать надо, — мама посмотрела на часы: — Мам, может я тогда до почты сбегаю? Успею до закрытия. А то вы мне завтра опять начнёте, что надо деньгам в кошельке ночевать. А я бы сгоняла в город.

— А работа? — не поняла бабушка.

— Так у меня до двадцать шестого вызов. Завтра я ещё как бы на сессии.

Назавтра мама полетела в город. Денежки же переночевали, правильно? Приехала назад довольно быстро, поэтому, подозреваю, покупки были спланированы заранее. Один рулон был пониже и потолще, второй потоньше, но зато длиннее, как она вообще с ними допёрлась, я не представляю.

Бабушка довольно сложила под грудью руки:

— Ковры, что ль, купила?

— Паласы! Но зато и на зал, и на комнату хватило. Метражом взяла!

Да, это были именно паласы — то, что позже будут называть ковровым покрытием.

Такая штука как ковровый оверлок в комплексе то ли не была предусмотрена, то ли не работала, и прежде чем их расстилать, мама два часа потратила на обшивание краёв капроновой лентой похожих оттенков. Короткий и толстый рулон оказался на зал, два метра шириной и пять с половиной в длину. Пришлось нам корячиться, поднимать диван и подпихивать под него край. По длине, чтобы плательный шкаф также не поднимать, мама хвостик сантиметров в десять завернула на стену с окном, под порожек балкона как раз вошло. Цвет мне понравился — спокойный бордовый с коричнево-бежевыми завитушками.

Второй кусок, для нашей комнаты, был совершенно квадратным, три на три, ровно на весь пол. Чтобы его разложить, нужно было вытащить всю мебель из комнаты, и мы решили не надрываться, а дождаться очередного приезда Наиля. Этот палас был зелёный, с небольшими пучками цветов и тоже завитушками (и тоже, что характерно, коричнево-бежевыми).

Бабушка присела на диван, удовлетворённо оглядывая преобразившийся зал, прищкнула:

— Люстру бы ещё.

— И ковёр новый на стену, — согласилась мама, — а этот можно будет Наилю перевесить, а то там стена холодная.

— Ага. Деньги-то все истратила?

— Сто семьдесят ещё осталось. Маловато. Я там такой ковёр видела... За триста восемьдесят пять. Пару месяцев покопить... Может, до февраля не разберут их.

И так они обе вздохнули, что я сказала:

— Поехали. Добавлю тебе.

А чего яйца мять*? Денег мне, что ли, жалко, маму порадовать? Один раз живём.

*Ой, извините...

В этом месте я подумала, что тезис про «один раз живём» в свете моей ситуации весьма спорен, но суть-то не меняется. Чтó эти двести рублей туда-сюда, погоду не сделают всё

равно.

В городе было суетливо. Больше, конечно, молодёжи и пенсионеров, но высыпали они все на улицу, словно им платили за брожения по магазинам.

Ковёр я узнала сразу. Был у нас такой. Мой любимый! Узор у него уж очень красивый, до сих пор мне нравится. И как раз в зал, в пространство между дверями.

— Бери!

Я отсчитала бабосы, мама торжественно пробила в кассе чек и проследила за упаковкой нашего нового приобретения. Мы подхватили эту «кавказскую пленницу» и пошли на выход. Мимо отдела бус, в котором висели длинные нити многогранных переливающихся «как брильянты» восхитительных стеклянных бусин, которые в детстве мне казались верхом роскоши, мимо нижнего белья, в котором изобильно были представлены белые труселя (тип «пantalоны») в бледный цветочек, мимо отдела с торшерами, плафонами и бра... В первом варианте «зари жизни» мне казалось, что это нечто запредельно шикарное — торшер! Прямо из разряда царских хором, так же как трельяж и пуфик. Не знаю, что меня так прельщало в этих торшерах. Бахрама? Или шнурок для включения? Он был прямо удивительно волшебный. Я невольно загляделась.

В отделе стояла стремянка, и деловитая продавщица в фирменном халате цепляла ценник на люстру, очень похожую на хрусталь. Подозрительно низкий ценник, двенадцать рублей всего. Я дёрнула маму за рукав и показала подбородком:

— Смотри!

Мама среагировала мгновенно. Мы чудесным образом оказались у прилавка *первые*. Прежде, чем пробивать в кассе, следовало взять бумажку с ценой у продавщицы, а то ведь напробывают всякого...

— Скажите, а вот эта люстра?.. — начала мама.

— «Малый каскад», — специальным отстранённым продавщичным голосом ответила продавщица, — сделана под хрусталь.

— А, так это не хрусталь? — уточнила я.

— Конечно, — очень серьёзно посмотрела на нас она. — Хрустальная такая стоила бы рублей двести, сами понимаете, — это она уже маме.

— Извините, — снова вклинилась я, — если это «малый каскад», бывают и большие? — интересно мне просто было.

— Бывают, но сейчас нет. Выписать?

За нами уже начала собираться очередь.

— Пожелтеет весь этот пластик, — сказала я. — А мыть его как? Это же убийство. Посмотри, сколько мелких висюлек на таких невнятных цепляшках.

Я вдруг вспомнила, в какой многочасовой квест превращалось мытьё нашей старой хрустальной люстры (она была куплена где-то в восемьдесят восьмом, настоящий хрусталь, и всё равно это было душераздирающе, а пластик всегда моется хуже).

— Возьмите пятирожковую, — с некоторым вызовом предложила продавщица. Это новая модель. Плафоны — стекло, и ухаживать за ней гораздо проще. Но цена восемнадцать рублей.

— Берём, — я слегка подтолкнула маму, — я плачú.

— Выписывайте, — кивнула мама продавщице. И через пять минут мы стали обладателями весьма симпатичной по своему времени, но довольно тяжёлой люстры на пять

лампочек. Идея пяти лампочек мне нравилась, я люблю, когда света много, а бабушка всё экономить пытается.

Как вы понимаете, носильщик из меня был так себе, и мама волоклась со своим богатством: в одной руке ковёр, в другой — коробка с люстрой. Я двери открываю. Хорошо, что идти недалеко, метров сто пятьдесят: из комплекса, через рынок насквозь, и вот она — остановка. И двойка стоит! Мы побежали, мама кричит, я руками машу. Очень эпично.

Влезли в довольно полный автобус, протиснулись в уголок (люди и сами нас рады были с прохода отодвинуть с этой всей поклажей), я на пол под рулон подстелила выданную специально для этой цели бабушкой газету и ковёр придерживала. Хотя он и так бы не упал, при такой наполненности автобуса — ему просто некуда было. А мама всю дорогу коробку берегла, боялась, что плафоны треснут.

Вышли мы на конечной, тащимся под арку такие две маленькие лошадки, заворачиваем за угол, а у нашего подъезда диспетчер Женя стоит с газетным свёртком, по виду подозрительно напоминающим упакованный цветочек. Крайне глупая получилась ситуация.

Но дурацкими положениями нас же не испугать, правда? Второй раз живём! О, так гораздо актуальнее звучит.

— Здравствуйте! — глупо-жизнерадостным голосом сказала я. — А нам как раз помощь нужна. Вы умеете люстры вешать?

— Оля! — покраснела мама.

— Умею, конечно! — бодро ответил диспетчер Женя. — Вы позволите вам помочь?

Он принял у мамы коробку, в освободившуюся руку вложил газетку: «Это вам!» — и забрал ковёр.

— Я вторую дверь подержу! — бодро пропищала я и прошмыгнула в подъезд.

Дома вкусно пахло пирогами. Бабушка встретила наш приход немножко заполошно, засутилась, начала греметь кастрюлями. Вазы у нас тоже не оказалось, и слегка застывшая розочка была помещена в стеклянную трёхлитровую банку.

— А я вот совсем неромантичная, — объявила я, водружая банку на стол в зале, — всем цветам предпочитаю конфеты. В крайнем случае, торты.

— В следующий раз я обязательно это учту, — сказал Женя.

— Оля-а... — сделала большие глаза мама.

— А шо такова? Мы тут все интеллигентные люди, просто делимся взглядами на жизнь. Мама сказала: «Ц!» — и покачала головой.

— А инструменты у вас есть? — спросил Женя.

Базовый набор инструментов имелся в доме у каждого уважающего себя советского человека. И вообще, нас, например, починить розетку и выключатель в четвёртом классе на уроках труда учили. Это уж потом я расслабилась...

Женя встал на табуретку и почти упёрся макушкой в потолок. Крындец. Как они такие большие живут? Мне с такой высоты даже вниз смотреть страшновато.

Шучу, ладно. Не поэтому я не люблю каблуки.

Короче, пока люстра обретала своё постоянное место жительства, бабушка напекла пирогов, и мы дружно пили чай с ягодными открытыми пирожками, ватрушками и перемячами* (на что, подозреваю, товарищ Женя в свой первый заход даже и не рассчитывал). Потом он интеллигентно откланялся, напоследок предложив маме на завтра поход в кино.

*Татарские круглые пирожки

с мясной начинкой

и небольшим отверстием сверху.

Мы всегда жарили в масле.

Мама задрала нос и сказала, что если завтра не случится никаких внезапных планов...

Тогда Женя сказал, что заедет и узнает: появились планы или нет. Часов в пять.

Я слушала их из зала и с трудом воздерживалась от того, чтоб ничего не выкрикнуть, так меня подмывало на комментарии. Еле дождалась, пока ухажёр окончательно ушёл (убедилась методом визуальной фиксации через окно), и говорю:

— И что ты собираешься завтра делать, мам? Сидеть, на меня глядеть? Вот ещё высокоинтеллектуальное развлечение! У меня лично на завтра большие творческие планы. А ты давай, в кино езжай.

— Так-то ничё мужик, рукастый, — посмотрела на люстру бабушка. — И симпатичный.

— А у тебя, вообще-то, есть в чём пойти? — спросила я. — Платье надо красивое.

— Какое платье? — закрутилась перед стеклянными створками мама. — Мы же в кино идём.*

*Да, в кинотеатрах зимой

топили весьма условно,

все сидели в шубах.

— Ха! — возмутилась я. — И что, в халате идти? А если он тебя после кино в кафе пригласит, мороженого поесть, например? Надо всегда при параде быть.

— Праильно! — поддержала меня бабушка. — Солидно надо.

У меня, правда, были некоторые свои представления о платьях для свиданий, далёкие от понятия «солидно». Думаю, мама вообразила себе вообще что-то третье. Посмотрим, чем дело кончится.

Чрезмерно толкать матушку во второй брак мне никак не хотелось. Мы ж этого мужика всего-то три раза видели, так? Может, он психидорошный или, наоборот, зануда?

Хотя, нет, на зануду не похож. Да и псих в диспетчерах бы не удержался. Но, так или иначе, возьмём за аксиому, что у человека рано или поздно всё равно вылезут какие-то дурацкие привычки или косяки — тупо потому что идеальных людей не бывает. Тут главное, чтобы двое людей могли взаимно сосуществовать с косяками друг друга. Вот что важно.

Пришла мама из кино умеренно поздно. Явно или гуляли где-то, или в ресторане сидели, но всё было выдержано исключительно в рамках приличия.

Вообще, хочу вам сказать, общественное мнение жёстко осуждало невоздержанное поведение. У нас в подъезде на первом этаже проживала тётка, которая работала в каком-то ресторане и периодически приезжала оттуда с кавказцами (разными, да, и не всегда с одним). Так я вам хочу сказать, остальные соседки даже здороваться с ней брезговали.

НАИЛЬ

Двадцать седьмого, ровно как в прошлом году, приехал Наиль. На удивление, «отмечать» приезд не стал, просто вместе за столом посидели. А на следующий день он развил бурную деятельность. Ну, это я потом поняла, что развил, а сперва все удивились, что он подорвался с утра и куда-то помчал. В обед к дому подъехал грузовик, и мебельщики начали сгружать раскладной диван. Этот диван затащили к Наилю в комнату, а его старый

выволокли на помойку. Потом затащили довольно симпатичный комод, совсем небольшую тумбочку, два скатанных рулона и цветной телевизор в огромной коробке. Последним Наиль самолично (и исключительно бережно) занёс торшер на красивой точёной ножке, с бежевым абажуром, украшенным тремя рядами кофейной бахромы. Вот теперь я поняла, что он точно, совершенно определённо женится, и женщина будет не та, что в прошлой жизни.

Бабочки истоптаны, блин...

В свёртках, понятное дело, оказались ковры. Небольшой — на пол. И второй, довольно приличный — на стену. Эта мысль была очень здравая, поскольку комната у него самая угловая, стена холодноватая.

Раскатав коврик и расставив мебель, Наиль снова умчался. Вернулся вечером, с новым костюмом, в новой норковой шапке (шик невероятный), в дублёнке и с дядей Дизелем* в придачу.

*Да, у меня есть дядя

которого назвали в честь мотора.

У дяди Дизеля была такая штука, которая забивала старинные СССРовские дюбеля, и его периодически эксплуатировали родственники. Они навтыкали в стену дюбелей, больше похожих на гвозди-переростки, и остаток вечера Наиль пришивал к верхнему краю ковра кольца и наводил в комнатке всяческий марафет.

Кстати, цветной телевизор он подключил в зале — бабушке, а наш прежний, что поменьше, чёрно-белый, затащил к себе в комнату.

Утром он снова умчался, и бабушка, поразмыслив, вытащила из встроенного шкафа все ненаилькины вещи, включая шикарный старинный «Зингер» с ручным приводом. Зингер поселился в одном из шкафов стенки, которая, впрочем, продолжала оставаться полузагруженной.

Управились мы как раз к Наилиному возвращению. Он притащил несколько комплектов постельного белья, увязанных шпагатом, плюшевое покрывало на диван (с оленями, всегда мечтала такое иметь!), новую подушку и широкую, но невысокую хрустальную салатницу, которую сунул мне:

— На-ка, Ольга, на комод поставь, — раздеваться он не торопился. — Мама! Поехали в коопторг съездим!

Бабушка в пять минут собралась, и они уехали, оставив меня на хозяйстве. А! Я не говорила же. С того дня, как нам извещения на деньги пришли и бабушка переволновалась, я как забила на школу, так и не ходила. Сказала маме: пусть мне записку напишет, что я болею. Раз в месяц записку от родителей можно. И что я в ноябре не воспользовалась?

20. НУ ВОТ И ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ

НОВЫЙ ГОД НА ПОДХОДЕ

Наиль с бабушкой навезли из коопторга всякой вкуснятины, разложили всё это по холодильникам и ящикам на балконе, и тут Наиль сказал:

— Мам, я на новый год приглашу девушку. Хочу вас познакомить.

— Да я уж поняла, — чинно ответила бабушка. — Как зовут-то хоть девушку?

— Даша.

— Ну, ладно. Даш у нас ещё не было.

Вечером поразила мама. Забежала с очередным цветочком, сунула его мне, чтоб я в банку поставила, и говорит:

— Мам, я погуляю немножко, не теряйте.

— С ребёнком бы позанималась, — проворчала бабушка.

— Ничего-ничего, ребёнок самодостаточен! — откликнулась я. — Иди мама. Не слушай их. Ты, главное, после гуляний попроси дядю Женю зайти, они бы с Наилем вдвоём мебель-то переставили, а то палас лежит, ждёт.

— Н-ну ладно, — согласилась мама.

И по её уходу мы с бабушкой развили бурную деятельность. Вытащили из комнаты всё, что только вытащилось. От кровати остался остов, из шифоньера даже полки и ящики вынули. Самое тяжёлое — сервант. Разгрузили, как смогли, но уж больно ДСП в нём тяжёлое, качественное, по старому ГОСТу, да и стёкла.

Я, правда, опасалась, что сейчас мы всё повытащим, а потом кто-нибудь да не придёт. Вот будет пассаж! Но неприятных сюрпризов не произошло. Наиль с Женей оба пришли к вечеру, познакомились (вечный ритуал рукопожатий!), всё переставили, ковёр нормально лёг, снова занесли мебель, мы быстренько загрузили обратно весь хлам, и в комнате стало куда уютнее. Вообще, конечно, дичайшая пересортица, и к шторам у меня есть некоторые претензии, но жить с этим можно, и вполне комфортно.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ

В этом году (возможно, с лёгкой Наилькиной руки) дядь Рашид с тётъ Валеёй предложили справлять новый год вместе. Веселее! Да и Ирка у них уже подросла. Распределили, кто что готовит, тридцать первого с утра мама убежала на работу, а бабушка взялась за готовку. Тётя Валя тоже с утра готовила, ей в этом отношении было проще — она ж швея-надомница. Это не значит, что она как портниха на дому шьёт и от налогов уклоняется. Наоборот. В их с дядь Рашидом спальне, прямо вплитык к кровати, стояла огромная промышленная швейная машинка. Гудел при работе этот агрегат так, что тётя Валя предпочитала отправлять детей гулять, когда шьёт. И раз в несколько дней к их подъезду приезжал москвич-каблuchок, из которого курьер выгружал работу на следующий период. А сделанное забирал. Шила тётя Валя какую-то часть от летних ситцевых халатов. Рукава, однако же. Причём, по-моему, конкретно правые. Соответственно, работу за тридцать первое она вполне могла сделать заранее и освободить для себя день.

А мы с Таней и Иркой рисовали праздничную стенгазету. Сильно это модно было, стенгазеты рисовать. Таня загорелась, а я подумала: почему бы и не помочь, по-родственному?

Достали лист полуватмана, краски, фломастеры. Насочиняли всяких стихов, прямо на

ходу. Смешных картинок понарисовали. Крупно написали «С НОВЫМ ГОДОМ!» Сверху буквы и рисунки полагалось обязательно украсить стриженным дождиком, приклеенным на силикатный клей. Некоторые экстремалы (типа моей матушки) использовали для этих же целей битые ёлочные игрушки. Выглядело вообще опупенно, но резало пальцы на раз-два, и мы не стали рисковать.

Время от времени бабушка отправляла нас за чем-нибудь (или с чем-нибудь) к тётке Вале. Обратного тоже частенько доставались поручения.

Часа в три раздался звонок, и в нашу квартиру в первый раз вошла загадочная Даша. Бабушка встретила её сдержанно, но доброжелательно. Даша разоблачилась из пуховых платков и пальто и оказалась невысокой, слегка полноватой сероглазой девушкой с шишкой волнистых каштановых волос. А ещё Даша предъявила к общему столу большой яблочный пирог и мясной рулет. М-м, рукодельница! Люблю такое.

Наиль провёл своей пассии краткую экскурсию по нашему жилищу, и она как-то быстро удалилась к бабушке на кухню и начала там помогать. Принято так было.

Товарищ Андропов, наш новый генсек, вождь и как там ещё положено его называть, так закрутил гайки, что тридцать первого все сидели на работе как пришитые, строго своё назначенное время, до последней минутки, даже если людям, вот как учителям в школе, делать было особо нечего. В этом свете не совсем было понятно, для кого в четыре часа началась премьера фильма «Чародеи». Наверное, для Наиля, потому как он единственный его и смотрел.

В шесть с работы прибежала мама с таинственной коробкой, сразу развила бурную деятельность, вытащили они с Наилем стол на середину, раздвинули его во всю длину. Расстелила скатерть, наставила тарелок, из загадочной коробки извлекла и перемыла набор хрустальных фужеров, которым маму премировали в честь нового года — за стремление к повышению квалификации, за многочисленные методические публикации и за активное участие в жизни школы. Вах! С занесением в трудовую, между прочим, что награждена ценным подарком!

Для расстановки блюд было ещё сильно рано, и они с Наилем побежали к тётке Вале за досками. Всё расставили, доски накрыли покрывалами (чтоб мягче, и чтоб нарядные платья-костюмы не цеплять). И когда наступило всё это великолепие, они с Наилем и Дашей зачем-то все устремились к Вале с Рашидом. По идее, дядь Рашид тоже должен был уже с работ приехать.

К этому времени весь шкафчик на балконе был уставлен салатниками, обмотанными от птичек полотенцами.

— Баб, может хватит уже? — спросила я.

— Щас, компот ещё сварю — и всё.

— Ты бы полежала, пока никого нет. Иди к нам в комнату, на кровать ляг, отдохни, — предложила я, — а мы туда пойдём. Придём когда старый год уже провожать.

И мы побежали к Тане с Ирккой. А там тётя Валя орешки в специальной орешнице стряпает! Залипательное, я вам скажу, это занятие, смотреть, как орешница печёт. А потом можно ещё по очереди в половинки печенюшных орехов варёную сгущёнку накладывать и сиропом склеивать.

Шумно было, весело. Напробовались мы этих орехов, хотя, само собой, все друг друга уговаривали, что «это на новый год».

Полдесятого тётя Валя поставила в духовку курицу (с нашей стороны бабушка нажарила

котлет, для которых Наиль вчера крутил фарш на ручной мясорубке), и как только она допеклась, мы взяли каждый по блюду или кульку с едой и пошли уже праздновать.

В новые фужеры налили первое шампанское за проводы старого года.

Нам, детям, бабушка разлила компота в хрустальные кружечки, которые с прочей посудой тоже принесли от тёти Вали.

Стол получился богатый и красивый, и мы на память все около него сфотографировались — а потом как начали провожать! Сразу и салаты, и первое горячее, пока курица не остыла.

Полдвенадцатого настало время предъявить нашу стенгазету. Самодеятельная полиграфия была встречена одобрительно, все стихи с энтузиазмом зачитаны вслух. Потом, как полагается, поздравление советскому народу (по новому цветному телевизору!) — и снова шампанское. А потом, не успела бабушка горячую толчёнку с котлетами на стол поставить — звонок!

Все загомонили и повалили в коридорчик, который сделался совершенно тесным. А там — дед Мороз!

Какая интрига(!), учитывая, что дедушка почти двух метров ростом и носит валенки сорок восьмого размера...

— Здравствуйте! — специальным густым басом сказал дед Мороз. — А не здесь ли живёт хорошая девочка Оля?

— Конечно, здесь! — сказала я, протискиваясь сквозь родственников. — Только у девочки Оли сегодня в гостях девочка Таня и девочка Ира. Ты, дедушка Мороз, наверное, нас всех пришёл поздравить?

Дед Мороз мгновенно перестроился:

— А я-то думаю: почему я к ним в квартиру стучу, в окна заглядываю — а там никто не отзывается? А они здесь!

Ирка вытаращила глаза и спряталась за отца.

— Да вы проходите-ка в комнаты! — спохватилась бабушка, что на пороге-то стоим!

Дальше всё неизбежно развивалось по традиционному сценарию.

Мы рассказывали стихи.

Ирка боялась и тихонько пробормотала стишок при поддержке тёти Вали. Таня красиво и выразительно прочла «Мороз-воевода» Некрасова. А я, театрально размахивая руками, стишок Екатерины Александровой, который я храню в памяти специально для таких случаев:

Машет варезкой зима —

Чудо совершается:

Все деревья и дома

В шубы наряжаются!

Дед Мороз немного подождал:

— Всё?

— Думаю, достаточно!

— Ну, тогда получайте, дети, подарки! — он заглянул в вой новогодний мешок: — Это вот малышке Ирочке, — на белый свет появился пушистый медвежонок с клетчатым бантом*. — Это — Тане! — Тане достался набор карандашей. — А это вот — Оленьке!

*Какая удача,

что Ирка сегодня у нас в гостях!

Ну, куда бы мне этот медведь?

А ей понравился.

Альбом! Отличный альбом с почти акварельными листами, по тридцать семь копеек!

— Ай, спасибо, бабушка!

Он ещё пошуршал мешком:

— И вот вам от бабушки по конфетке. Ну, а я дальше пойду, дел сегодня множество!

Дед мороз ушёл, и я услышала, что бабушка моет что-то в кухне. Зашла к ней:

— Баб, оставь! Я потом всё помою.

— Да я вот бокальчик только. Я шампанско больше не буду, компота в кружечку себе налью. А то вдруг придёт кто...

Ну да, логично.

Пять минут ушло у товарища Жени, чтобы упаковать дедморозовский костюм в багажник жигулей, накинуть пальто и прийти к нам как будто в первый раз. Мама поглядывала на дверь. Ждала. Новый звонок вызвал ещё больший всплеск энтузиазма, Наиль приветствовал Евгения уже как старого знакомого, пошли представления, шампанское, все друг друга кормили, телевизор что-то радостное периодически пел.

— А пойдёте на горку? — предложил вдруг Женя. — Там столько народу катается!

— Там на балконе от телевизора коробка лежит, — сказала бабушка, — возьмите-ка.

Это, понятное дело, чтоб садиться. А ещё у нас было три катальных подушки: моя, Иркина и Танина, они за своими быстренько домой сгоняли.

Ну и шикарно мы накатались! Увалялись в снегу все! Фейерверков по-прежнему в ходу не было, зато серпантин и хлопушек множество, весь снег наверху горки засыпан был.

В три часа ночи вернулись домой, снова ели-пили, вспомнили про горячий чай, яблочный пирог и печёные сгущённые орешки... Потом по телику «Танцы, танцы, танцы» начались, плавно перетёкшие в «Мелодии и ритмы эстрады» — ещё и танцевали.

Разбрелись часам к пяти. Мы сдвинули стол, и бабушка постелила Наилью в зале на полу. А Дашу, естественно, поместили в Наилькину комнату, на новые простыни. Потому как, вы понимаете — правила приличия же. До свадьбы — никак.

Ирку отец унёс на руках, в полнейшем отрубеве, Таня мужественно переставляла ноги самостоятельно.

Женя ушёл пешком (выпивши же), оставил жигуль у нас под окнами.* Однако, успел передать маме отдельный подарок для меня, потому как утром под табуреткой (в смысле — под ёлкой, привязанной к табуретке) я нашла два сладких подарка. И акварельные краски «Нева», большой набор! Это, конечно, Наиль! Где, интересно, он умудрился его достать? И шикарно иллюстрированные «Сказки Пушкина». Это вообще замечательно, детские книги я люблю, и буду любить, даже когда бóльшая часть книг станет электронной. Надо потихоньку библиотеку собирать.

*Ох, чувствую, у местных кумушек

появится повод для сплетен.

ПРОШЛОГОДНИЕ САЛАТЫ

Бабушка проснулась первая. Бабушки всегда рано просыпаются, даже если в пять легли. Следующие на очереди — дети. Я встала и поняла, что есть просто не могу. Налила себе чаю с молоком, села на диванчик в зале, взяла программку. Тэкс, «Остров сокровищ» мы уже, считай, просмотрели, да и хрен бы с ним, я все экранизации не очень люблю, кроме мультяшной, а она ещё не снята. А вот «Спящую красавицу» я бы посмотрела. Балет!

Я включила телевизор (убавила громкость, хотя Наилю, спавшему без задних ног, по моему, было всё равно) и уселась, попивая чаёк. Спокойно посидеть мне дали минут сорок. Потом пришли Таня с Ирккой (подозреваю, что родители, жаждущие поспать, тупо выперли их к бабушке).

— А ты чё смотришь? — спросила Ира.

— Балет. Садитесь. Запоминай, Таня. Чайковский, балет «Спящая красавица». Спросит учительница, что вам на каникулах понравилось — продемонстрируешь свою эрудицию.

— А что такое эрудиция? — спросила Ирка.

— Эрудиция, — поправила Таня. — Это значит, ты умная.

Они пристроились рядом со мной и минуты три смотрели.

— А когда они будут разговаривать? — спросила Ира.

— Никогда. Это же балет, только музыка и танцы, — объяснила я.

Она обдумала этот постулат.

— А чё дядьки одетые, а эти тётки без штанов?

— Положено так, — важно сказала Таня.

— А им не холодно?

— Нет, это же театр.

— А у них трусы видно, — осудила балерин Ирка. — Некрасиво.

Эта реплика повисла в воздухе. Но долго Ирка молчать не могла:

— А чё она побежала?

— Видишь, с дяденьками танцует, — выступила капитаном Очевидность Таня.

— А те чё сидят?

— Им, значит, не положено.

— Все бы вместе танцевали, — рассудительно сказала Ира, — а то сидят, как будто им пары не хватило.

Скрипнула дверь, и вышла заспанная мама в халате, остановилась посмотреть, что это мы тут обсуждаем.

— А танец маленьких лебедей когда будет? — блеснула Ирка познаниями в балете.

Таня посмотрела на меня.

— Сегодня не будет, — слегка разочаровала Ирку я. — Это другая сказка.

Вышла одинокая балерина и начала вскидывать ножки и поворачиваться.

— Я тоже так могу! — заявила Ирка и начала показывать, как она может.

— А по другому каналу что? — спросила мама, и я поняла, что спокойно досмотреть мне не дадут.

— «От всей души» идёт.

«От всей души» была программой поисковой, таким советским аналогом «Жди меня» и «Ищу тебя», многим нравилось.

— Понятно, — мама побрела в ванную и через какое-то время появилась куда более жизнеспособная.

Следом за мамой встала Даша, потом Наиль, всё как-то задвигалось, приехали Саша с Ниной, Клара с Валентином, тётка Заря с дядей Дизелем, бабушка отправила Таню за родителями. Снова стало шумно, весело, музыку на проигрывателе завели. Все снова уселись за стол. Конечно, столько еды осталось! Все холодильники забиты салатами, котлеты и картошка с балкона перекочевали в духовку разогреваться. На столе вместо шампанского стояли уже «Столичная» и вино для женщин, а вместо вчерашних бокалов достали наши

хрустальные рюмочки.

Потом мужики пошли курить в подъезд, а вернулись с Женей — увидели в окно, что он пришёл за машиной, и позвали его к нам. Пошли новые представления, расшаркивания и рукопожатия...

Хорошо было. Люди успевали погулять как следует в короткие выходные. Но оказалось, что кое-кому на работу уже сегодня: Женя на этот раз выпивать отказывался, потому что через три часа на смену.

Кое-кто завёл нудные и ненавидимые мной уговоры, мол «да что такого, полрюмочки за знакомство» и «за три часа всё выветрится». Вот что за манера у отдельных граждан, не понимаю я? Не может человек — нет, пристали. А бывает, что и просто не хочет. Не имеет права, что ли, не хотеть? Я без палева налила полрюмки воды и подсунула Жене под руку:

— Это безопасно.

Он посмотрел на меня внимательно. «Вода», — сказала я одними губами, и он понял. Встал:

— Ну, если только полрюмочки. За знакомство! — выпил артистично, закусил, как положено, и тогда от него отстали.

Но бабушка сердито поджала губы. И когда настало время разъезжаться, и все кроме нас с ней пошли провожать уезжающих на остановку, она сказала:

— Я думала сурьёзный человек, ответственный. А он! На машине ехать — он водку пьёт!

— Да не пил он, — успокоила её я.

— Как же не пил?! За знакомство-то чуть не целую маханул!

— Да это вода была. Я ему из крана налила. Мы подговорились, — я скромно сложила ручки на коленях.

Вот тут бабушка начала хохотать.

— А что? — пожала плечами я. — Человеку на работу, а они наседают.

В этом году второе число удачно выпало на воскресенье, и мы, практически тем же составом, на завтра гуляли у тётъ Нины с дядь Сашей. И даже Женя, успевший, как он сам сказал, поспать часа четыре после ночной смены. На этот раз он был без машины, выпивал, хотя и умеренно, и никаких подозрительных взглядов не вызывал.

Ну, что — можно сказать, что и Женя, и Даша были в целом одобрены роднёй, потому что в эти новогодние праздники за общими застольями встречались практически все мамы братья-сёстры со своими половинами, кроме Рината, который уехал на Украину знакомиться с роднёй своей новой (третьей, кажется?) жены, да там как-то и подзастрял.

21. ПЕРЕМЕН

ХОРОШЕЕ ВРЕМЯ — КАНИКУЛЫ

С третьего января мама начала как штык ходить на работу, и мы с бабушкой почти все дни хозяйничали вдвоём. Забегал папа, принёс мне подарок, и бабушка весьма дипломатично отнеслась к тому, что мы с ним часа два просидели на кухне, болтая и распивая чай. Господи, хоть бы утряслись эти их противостояния, напрягает меня прям...

05.01.1983

Наиля практически никогда не было дома, но вот сегодня он явился, весь из себя серьёзный. Я сидела в зале за столом, рисовала новыми шикарными красками и прислушивалась к разговору, который доносился из кухни. Наиль с бабушкой говорили негромко, но и не секретничали, так что угрызения совести меня не мучали от слова совсем.

— Мам... Мы тут это...

— Чё?

— Заявление с Дашей подали.

— М-м. На какое число?

— На девятое апреля, получается.

Бабушка пошуршала отрывным календариком:

— Суббота будет, хорошо.

— Но. Нам сперва на пятое предложили, но я сказал, что с буровой не успею вернуться.

Пластмассово щёлкнуло — это, должно быть, бабушка календарь на специальной пластинке-держалке обратно на стенку повесила.

— С родителями-то когда познакомишь?

— Так вот... На следующее воскресенье хотели. Съездим?

— А что, далеко ехать-то?

— В Ангарск.

— Ну, эт недалеко. Съездим, конечно.

— Мам, я тебе денег отправлю, как получу. Стол надо будет...

— Накроем, само собой.

Ну, вот и Наиль женится. Неожиданностью это, надо сказать, не стало. Всё к тому шло.

Девятого мы с мамой наострили лыжи в лес (в буквальном смысле), а бабушка поехала знакомиться с новыми сватами. Вроде бы Дашины мать с отцом бабушке понравились, и Дашу официально «пропили»; на следующий день Наиль уехал на буровую — до самой свадьбы.

Новогодние каникулы порадовали меня извещениями от «Пионера», от «Костра» и (это было особенно приятно, потому что вообще неожиданно) от «Мурзилки», они взяли-таки одну из посланных им головоломок, и это несказанно воодушевляло. Суммы были относительно умеренные. Самый большой блок, если считать объём текста вместе с рисунками, выходил в «Костре», на двести восемьдесят семь рублей пятьдесят копеек аж. Поменьше, на сто пятьдесят семь — в «Пионере». Очень бодрила мысль, что публикация там и там распланирована на год, а это означает что? Стабильный доход как минимум в этом году.

И маленькая головоломочка на двенадцать рублей с половиной — в «Мурзилке» — тоже была совсем не лишней. А кроме всего прочего, оставалась надежда, что она будет не единственной.

Я решила не жадничать. Бабушке на хозяйство выделила пятьдесят рублей, попросив при случае купить того шампуня в тубике и сухофруктов хороших на рынке — груш, кураги и красивых яблок, сушёных дольками. В отсутствие свежих фруктов в постоянном доступе сухофрукты были относительным спасением. Особенно груши очень я уважаю.

Семь рублей сложила в свой кошелёчек на расплод. А четырёста прибавила к кубышке, которая на дом.

НИКОГДА ЕЩЁ ШТИРЛИЦ... КАЖЕТСЯ, Я ЭТО УЖЕ ГОВОРИЛА

Одиннадцатого января я пошла в школу в приподнятом настроении. В моём портфеле лежали три авторских номера журналов, но пока я дошла до школы, я что-то передумала их учительнице показывать. Подозрительность вдруг какая-то во мне прорезалась. И я решила: узнают — значит, узнают. А нет — не буду хвастаться.

Однако, в голове у меня бродили разнообразные планы и идеи. Я привычно засела за последнюю парту. Сразу достала всё: вместо букваря, прощание с которым благополучно произошло ещё во второй четверти, — новенький учебник «Русский язык, 1», «Математику» и пару новых пустых тетрадок, в клетку и в линейку, чтобы, если что, сразу изображать деятельность.

Класс с новыми после каникул силами (хе-хе) принялся за решение *очень сложных* примеров, а я — я тоже раскрыла тетрадь в клетку. Мою черновую тетрадку, в которой я иногда делала заметки и вычисления. «Мурзилка» вдохновил меня на продвижение в сторону логических задач. Честно вам скажу, в прошлой жизни всякими магическими квадратами и sudoku я не увлекалась от слова совсем. Знакома с принципами была, да, но даже определение «любитель» было бы для меня, пожалуй, чрезмерным. Так, решала иногда, ради интеллектуальной разминки. Однажды встретила схемку построения магического квадрата четвёртого порядка*. И даже использовала её в одной из головоломок, посланных как раз-таки в «Мурзилку». И тут мне вдруг (как озарение, натурально) пришла в голову идея, каким образом (возможно!) эта схемка сможет сработать на бóльших площадях. Идея требовала немедленной проверки.

*Магический квадрат — это пространственно-математическая задачка. Такая квадратная таблица, в которой число строк и столбцов одинаково, и заполнена она неповторяющимися числами от 1 и далее таким образом, чтобы сумма чисел в каждом столбце, каждой строке и каждой диагонали была одинакова. Магический квадрат четвёртого порядка — это когда количество ячеек

*в столбце или строке
равно четырём.*

Я расчертила лист на квадрат со стороной восемь ячеек — ручкой, чтобы не стереть линии, когда начну работать с числами. А потом заполнила табличку числами по порядку, стараясь нажимать едва-едва, чтобы линия получалась бледненькая. А потом начала стирать и менять числа местами в определённом алгоритме. Когда часть таблицы была заполнена, я проверила готовые строки — реально, одинаковое количество! Неужели я нашла ключ?!

Я бросилась усиленно заполнять дальше, чтоб скорее закончить всё и проверить столбцы тоже, и так увлеклась, что опомнилась, только когда гневный голос над моей головой произнёс:

— Это что такое? — и чья-то рука выдернула у меня тетрадку.

Я успела удержать фразу: «Это что за хамство?» — хотя для этого мне пришлось стиснуть зубы. Всё-таки моей матушке тут неплохо работается, сейчас нужно постараться в дипломатию.

Надо мной стояла директриса. И весь класс стоял колом в проходах между партами и таранился на меня. Включая совершенно несчастную Татьяну Геннадьевну.

— Добрый день, Алевтина Ивановна, — сказала я, поднимаясь. — Простите, увлеклась, не заметила вашего прихода.

— Ты чем занимаешься? — гневно потрясла она тетрадкой.

— Пожалуйста, обращайтесь с этим предметом бережно. Он содержит чрезвычайно ценную информацию.

— Нет, вы посмотрите на неё!

— Может быть, мы не будем срывать урок и поговорим в другом месте?

Я начала проталкиваться между учениками, и Татьяна Геннадьевна расстроено сказала:

— Ребята, садитесь, — так что директрисе пришлось уже прощсе.

Я вышла из класса и пошла в сторону директорского кабинета. Алевтина Ивановна возмущённо клацала каблуками за мной. Более всего она напоминала надутую камеру, из которой подтравливает воздух.

Я шла и представляла себе, как гордо сейчас с ней поговорю. Я же издающийся автор, а не пуговичка вам от кальсон! И вообще, скажу: я и так согласилась на уроках сидеть, вам не кажется, что заставлять меня в придачу непрерывно смотреть на доску и записывать примитивные примеры — это всё на психологическую пытку смахивает? И ещё...

Я зашла в директорскую приёмную и проследовала мимо секретарши.

— Там никого нет! — воскликнула она.

— Вон она, сзади идёт, — мрачно ответила я и прошла в кабинет.

Памятуя о том, что наша директриса в те годы крайне трепетно относилась к тому, чтобы в её присутствии никто не смел садиться раньше неё, я остановилась у её стола, напротив директорского места. Так, пожалуй, даже лучше будет. Она сядет, и мы окажемся практически на одном уровне.

Директриса величаво... как это сказать?.. вшагала в кабинет и уселась в своё директорское кресло. Смотрела она крайне неприятно. А ведь будет вполне доброжелательная тётушка. Сильно потом. После всех своих несчастий. Удивительно, как люди меняются. Я думала всё это, пока она пафосно читала мне нотации. И вдруг, в паузе, услышала свой голос. Мдэ, бывает со мной такое, особенно в момент стресса, подсознание

успевают сказать до того, как регулирующие процессы включатся:

— Алевтина Ивановна, не пускали бы вы сына на речку. Утонет ведь он...

— Что? — остановилась она на полном ходу.

Я тяжело вздохнула и потёрла лоб. Ну, вот заче-е-ем?.. Как мне вырулить теперь?

— Там... будет на дне какой-то бетонный блок с торчащей арматурой. Он нырнёт и насадится, прямо всем телом. Пока найдут, пока будут вытаскивать, он умрёт от кровопотери и утопления. И, возможно, от болевого шока.

Мне показалось, что у неё не только лицо побледнело, а даже глаза.

— Ты что такое говоришь?..

Я всё-таки села и ссутулилась:

— Я уже жалею, что вам рассказала. Я ведь не смогу назвать ни год, ни место. Только... он довольно большой уже будет. Может, даже в институте уже будет учиться. И, кажется, поедет с друзьями...

Стало слышно, как громко, отчётливо отсчитывают секунды стрелки настенных часов. И тут я сломалась. Я ведь помню её...

— Мы... с вами потом общаться будем... — немного, но перемена в человеке будет настолько оглушающая... Слёзы полились у меня в три ручья. — И вам после его смерти будет очень тяжело. Инсульт случится. Там будет ещё что-то плохое, это я уже не знаю. Но сына попробуйте спасти...

Я начала рыдать уже неостановимо. Достала из кармана фартука платок, высморкалась. Надо же было, чтобы срыв произошёл именно сейчас, именно здесь...

В руки мне тыкался стакан с водой.

— Оля... попей, — она сидела напротив меня на корточках, и была похожа на самую обыкновенную тётю, только что с гнездом на голове.

Я отхлебнула несколько глотков.

— Спасибо.

— Ты... ты откуда это всё?..

— Я не знаю. Только никому не говорите, пожалуйста. Люди начнут про своих спрашивать, а я что могу сказать? Иногда знаю. Вот... Андропов тоже долго не протянет. Год, наверное. Так что у вас будет время проверить.

Этой фразы она испугалась, оглянулась на секретарскую, прошептала:

— Ты лучше такое никому не говори.

Я судорожно вздохнула и кивнула:

— Ладно, не буду.

Алевтина Ивановна вернулась на своё место и раскрыла тетрадку:

— И всё-таки, вот это что такое, ты можешь объяснить?

Я привстала и заглянула в тетрадь.

— А-а... это м... логический квадрат, — исправилась я на ходу; мало ли, как они тут на слово «магический» среагируют, я уж и не помню, — восьмого порядка. Надо, чтоб числа не повторялись, и чтоб в столбцах и строках была одинаковая сумма.

Директриса подняла брови, разглядывая таблицу:

— Это ты где списала?

— Это я сегодня составила.

— Сама?! — она посмотрела на меня круглыми глазами.

— А кто? — проворчала я.

Она перелистнула пару страниц:

— А это что?

Я навалилась на стол:

— Поверните... А-а! Это я рассчитывала примерные суммы гонораров, который получит автор за книгу объёмом в десять и шесть десятых авторских листа при различных сопутствующих условиях.

— Вот как. А почему тебя интересует эта тема? Мама хочет издать книгу?

— Насколько я знаю, пока в работе слишком мало материала для полноценного нового издания.

— Тогда зачем?

— Для себя, — пожала плечами я.

— Ты тоже хочешь написать книжку?

— Почему хочу? Я уже. И надеюсь, что кроме журнального у неё будет и твёрдый переплёт.

— погоди, — Алевтина Ивановна закрыла тетрадку и сложила руки стопочкой, — я сейчас тебя маленько не поняла...

— Давайте, я вам покажу? — предложила я, поднимаясь. — Так проще будет. Вы не уходите, я сейчас принесу.

Я добежала до младшего блока, а там как раз перемена. Шум, крик! Татьяны Геннадьевны нет, и класса нет — в столовую, наверное, пошли. А мне так даже и лучше. Я вытащила из портфеля свои журналы и помчалась обратно.

Алевтина Ивановна внимательно просмотрела все три шедевра. Больше всего её роман в «Костре» впечатлил.

— Да... В первом классе делать тебе нечего... Но и автоматически перевести тебя в другой класс или досрочно аттестовать без разрешения облоно я тоже не могу. А они не одобряют, — она пожевала губами. — Но есть вариант.

— Какой? — не веря своей удаче, вскинулась я.

— Школа имеет право перевести на домашнее обучение или на индивидуальный график обучения одарённого ребёнка. Обычно это связано со спортивными или музыкальными мероприятиями. Но твой случай, Оля, мы тоже можем оформить как подобный. Писательская деятельность наверняка требует работы с источниками, посещения библиотек...

— Интервью с очевидцами событий! — подхватила я. — Я сейчас о годах войны пишу, очень много подобной работы!

— Ну, вот видишь. Ещё и тема какая серьёзная. Так что мы пока переведём тебя на домашнее обучение. По правилам, учитель должен приходить к тебе трижды в неделю, но в твоём случае это будет чистая формальность. С Татьяной Геннадьевной договоритесь, в какие дни ей нужно будет прийти — или тебе подойти в школу, написать проверочные работы — и всё.

— Я могу идти домой? Прямо сейчас?

— Да, я тебе записку напишу, — она взялась за ручку. — Я журналы оставлю у себя на пару дней? Для оформления протокола комиссии.

— Только у меня других экземпляров нет.

— Не волнуйся, я обязательно тебе всё верну и никому их передавать не буду. Давай,

если хочешь, подпишем все номера, чтобы они не потерялись?

Эта мысль показалась мне дельной, и я наставила автографов в каждом из номеров — на первой странице, и у заголовка своей публикации. Затем я направилась в класс, вручила Татьяне Геннадьевне записку и сообщила, что всё разрешилось просто великолепно, после чего забрала из классной раздевалки свои вещички (в младшем блоке в каждом классе свой гардеробчик), торжественно нарядилась и пошла домой.

ГЕНИАЛЬНОЕ ДИТЁ

Бабушка увидела меня — испугалась:

— Что случилось? Заболела?

— Почему сразу «заболела»? — сильно хотелось зашвырнуть портфель подальше, но я культурно повесила его на специально прикрученный для меня крючок. — Переведена на домашнее обучение как особо талантливый ребёнок.

— Ох ты ж!

— Не хухры-мухры, — согласилась я. — Буду по утрам дрыхнуть до девяти.

— Как баре, — усмехнулась бабушка.

— Ага. А потом встану — и работать-работать-работать. Как папа Карло.

— Кушать-то будешь?

— Пока нет.

— Строчить пойдёшь?

— Ага.

Когда я печатала, бабушка всегда называла меня «пулемётчик». В ходу были фразочки «строчит пулемётчик за синий платочек»**, «Анка-пулемётчица»*** и ««так-так-так», — говорит пулемёт»****

*Соответственно:

**фраза из песни «Синий платочек»,

текст: Я.Галицкий, М.Максимов,

музыка Ежи Петербургского;

***девушка-пулемётчица,

персонаж книги

Д. Фурманова «Чапаев»

и снятого по нему фильма;

****фраза из песни «Два Максима»,

музыка С. Каца,

слова В. Дыховичного.

Вечером мама принесла с работы новость, что слухи о гениальной мне поползли по школе. Пока среди учителей. Некоторые приходили и просили показать журналы. Журналов у мамы не было (да их и у меня теперь не было, я ж их директрисе отдала), и она всех посылала в школьную библиотеку — и правильно, следуя логике, там и «Пионер», и «Костёр» должны были лежать.

Под конец дня Анна Дмитриевна (у которой, должно быть, случилась трещина в мироощущении) уже не убирала эти журналы и даже вклеила в них маленькие закладочки, опасаясь, что многократными перелистываниями номерá растреплют до состояния мочалок.

На следующей неделе я была приглашена (ну, как «приглашена»... поставлена в известность о необходимости явиться) аж на четыре линейки (в младшем и в старшем блоке, по две смены), на которых мне пришлось постоять и посветить лицом, пока завучи

рекламировали, собственно, меня и мои шедевры и призывали всех к творческим взлётам.

Чувствовала я себя несколько неловко, особенно в старшем блоке, но это была цена свободы.

И настали для меня счастливые дни и полнейшее блаженство. Естественно, я как отличник в том анекдоте, «а сам всё учусь и учусь!»

Я закончила «Председательницу» и оставила её отлежаться перед финальной вычиткой. Нарисовала ещё несколько картинок-заданий. Никуда их пока посылать не стала, сильно они разношёрстные по возрасту и специфике получились. Поразмыслила, и начала вторую книжку про поделки, где брат с сестрой Мастерилкины. Если в «Пионере» первая часть нормально зашла — глядишь, и продолжение легче проскочит.

22. ВЕСНА. ПТИЦЫ ГНЁЗДА ВЬЮТ*

*Из наблюдений юного натуралиста.

СЕМЬ

На моё семилетие я попросила всех, если будет такая возможность, подарить мне детские книги. Желательно не одинаковые, ха. И не про репку-колобка.

Или так же бумагу для печатания, запас карман не тянет. Или бумагу для черчения. Во всяком случае, воздержаться от игрушек.

В день рожденья папа снова прибежал с утра, снова притащил мне здоровенную упаковку бумаги для печатания, рассказывал смешные истории про своих юных борцов из спортивной секции. Снова сказал, что остаться на праздник не сможет, и этим ожидаемо нагнал на меня некоторой меланхолии. Скорей бы уж устаканились эти эмоции, и мы могли жить в относительно спокойном взаимодействии.

К обеду, как обычно, собралась большая толпа. Дети, взрослые — вся родня. Вновь глядя на это со стороны, я подумала, что очень они привыкли жить вместе, рядом, и теперь каждый крошечный повод использовали, чтобы лишний раз пообщаться.

Тут тётя Клара решила пошутить и говорит:

— Ты бы, Оля, скорее хоть писала свою книжку, а то тут вперёд тебя успела твоя тёзка написать. Ира читала в «Костре», говорит: на-адо же, тоже Ольга и тоже Шаманова.

— Как это тёзка?! — возмутилась бабушка. — Это Ольгина книжка!

— Ты что, мама! — замахала руками тётя Клара. — Там такие места описаны! Разные города, и тайга, и техника. Даже я бы так не написала!

— Потому что Ольга у нас умная, как Ленин! — выступила с торжественным тезисом мама.

— Просто я много читаю и у меня богатое воображение, — скромно сказала я. И пока они не начали хором кричать, что «не может быть!» и рассказывать, что они бы в жисть такого не насочиняли, добавила: — А если вы мне нá слово не верите, я вам покажу мою рукопись, заверенную у нотариуса.

Все, конечно же, захотели увидеть этакое диво. Да и слова какие: «рукопись», «нотариус»! Все набились в нашу с мамой комнатку, и я достала папку из своего отдельчика серванта.

— Только, чур, не дёргать! — громко предупредила я. — Бумага нежная, листочки не должны порваться! Эта копия на случай споров в суде об авторском праве.

Эта фраза произвела ещё бóльшее впечатление.

— Да я вообще трогать не буду! — тётя Клара спрятала руки за спину. — Только посмотрю и всё.

И все заявили, что только посмотрят, раз такие сложности. Я бережно извлекла из папки распечатанную книжку и положила на столик:

— Вот, пожалуйста.

— Действительно, гляди-ка, заверено, дата и печать, — тётя Клара неверяще посмотрела на меня, никак я в её уравнение в качестве неизвестного не вписывалась.

— Да мы вместе туда ездили! — сердито, от того, что ей сразу не поверили, проворчала бабушка.

— Так ты, Ольга, правда настоящий писатель? — удивлённо спросил Евгений, который тоже был приглашён и рассматривал мой талмуд поверх остальных голов, как жираф. Удобно, блин! Но я не завидую, нет-нет. Меня мой мелкий будущий метр шестьдесят устраивает более чем.

— Конечно! — скроила важную мину я. — А ты, дядь Женья*, думал: это всё понты корявые, что ли?

*Как-то мы с ним после деда Мороза незаметно на ты перешили.

Тут все начали ржать, а я (как это мне периодически свойственно) задним числом спохватилась, что ни разу пока не слышала здесь этого выражения. А ходит ли оно вообще? «Взять на понт» — да, было, а чтоб «понты» и «корявые»?

Блин. Может, ничего, прокатит?

— Ну, давайте за стол! — позвала всех бабушка. И все пошли. И никто, и впрямь, не стал руками рукопись трогать. Кроме маленькой Ирки, которая, приоткрыв рот, провела по печати нотариуса пальцем. Приобщила к таинственному.

РОМАНТИШНОЕ

На восьмое марта дядя Женья пригласил маму в романтическую поездку.

Нет, на самом деле он гораздо прозаичнее её пригласил. Это называлось «празднование восьмого марта». Предполагалось, что здоровенная толпёнь авиадиспетчеров и прочих причастных с их предприятия со своими дамами специальным автобусом выдвинутся седьмого около семи часов вечера в сторону небольшого дома отдыха, обслуживавшего нужды авиаорганизаций. Может, там ещё кто-то тусовался, не знаю, но Женья маму уверял, что уже там бывал пару раз, и всё прилично. Итак, седьмого они прибывают где-то в восемь, скромный поздний ужин, дискач (культурно, в отдельном клубе, с ведущим и светомузыкой, все дела), после чего общие посиделки в гостиничном корпусе — кто что с собой привёз, самопальная гулянка. А уж восьмого обширная программа. Катание на лыжах по берёзовому лесу (да, за городом же у нас чуть не до апреля снег лежит), концерт (для желающих), обильный праздничный банкет (для всех), песни под гитару (гитара в наличии), вечером снова дискач (опять же, для тех, кто ещё способен).

А ещё там баня есть, — подумала я. Была я на этой турбазе с первым мужем. Он тоже авиаинженером был. Поэтому я, кстати, и профессию Женину тогда так чётко угадала.

А! Ну вот, восьмого все гуляют до состояния полного отрубца, девятого утром грузятся в тот же автобус (как дрова) и к семи прибывают в город, поскольку многим к восьми на работу. Шикарный план!

— Я тебя и до дома сразу отвезу, — уговаривал маму Женья, — я машину на нашей стоянке у аэропорта оставлю.

Мама обещала подумать.

Обсуждали они всё это, пока бабушка к соседке, подружке своей, Марии Петровне пошла. А то бы она тут сразу высказалась, что неприлично и вообще.

А я опять сидела в зале, черновик правила. И даже не прислушивалась специально. Слушайте, прямо шпионское какое-то место.

Евгений от нас на дежурство поехал, а мама осталась задумчивая в кухне сидеть. Я вышла к ней:

— Ты чего такая?

— Да вот не знаю, ехать на праздники за город или нет.

Я присела за стол и тоже подпёрла щёку ладошкой.

— А ты знаешь, мам, не старайся сделать как положено или как принято. Отстанись немножко, не паникуй. Ты *сама* хочешь? Хочешь — едь. Не хочешь — не едь. Во всяком случае, ни то, ни другое решение вреда никому не причинит. Тем более, праздник женский, твой, вот и думай про себя.

— А тут, готовить, гости придут?

— Приготовим прекрасно и без тебя. Ты у нас будто особый готовщик.

Мама, правда, готовить не очень любит. Ей бы лучше пилить что-нибудь, строгать, строить. Редкая женщина, да уж. Но шить, правда, тоже любит. Однако, на восьмое марта всё это неактуально.

Вернувшейся бабушке мама ничего не сказала и целые сутки решала, разбиралась в ощущениях. А я, в то время, пока она на работе была, провела с бабушкой вдумчивую беседу на тему: «Вот и Наиль женится, одна мама бедная, одинокая, всё боится нас бросить даже на день, одна сплошная работа, никакой личной жизни...» — и т. д. и т. п. И когда мама вечером завела осторожный разговор о том, что вот, мол, Женя приглашает, бабушка неожиданно сказала:

— Да езжай. Отдохнёшь хоть, повеселишься с молодыми.

Мама так удивилась, что молча в комнату ушла и довольно долго там сидела. Переваривала, видать, новую информацию. А потом смотрю — платья перебирает. Решилась, значит.

Приехала она с этого сабантуя какая-то вся... светящаяся, что ли. И Женя вокруг неё стал ходить *со значением*. Срастётся ли у них, и хорошо ли всё будет, как бы заранее знать...

ПРО ДЕНЕЖКИ

Денежки шли, и журнал «Мурзилка» вносил в их поступление некоторое разнообразие. В феврале они ничего из моих картинок не взяли, зато в марте — побольше, лабиринт на пол-листа. Опять же приятно!

Вот кто меня окончательно проигнорил, в этом моя убеждённость крепла день ото дня — «Весёлые картинки». Да и хрен бы с ними. Обижусь вот и тоже вас игнорировать начну, целуйтесь сами со своим журналом.

Я посмотрела, что я им отправляла, и часть, более подходящую для школьного возраста, хотя бы для начальной школы, послала в «Костёр». Ну, а вдруг? Чтоб не терзаться сомнениями, вложила в бандероль подписанный конверт (с марками, конечно же), адресованный мне. А в сопроводилке к заданиям подписала, что если, мол, их не устраивает мой материал, пожалуйста, пусть они отправят этот конверт вместе с прочей исходящей корреспонденцией. Я хоть буду в курсе и ещё куда-нибудь их попытаюсь пристроить. Вон, какой-то «Барвинок» выходит в УССР, и есть даже вариант на русском языке. Всё одна страна, почему бы и нет?

В общий котёл я всё так же подкидывала по сорок-пятьдесят рублей в месяц, как получалось. Неровный «хвост» в пределах десятки оставляла себе на случай расходов, остальное прятала в кубышку. Мама меня спросила: может, ещё что полезное для дома купим? И тут я предложила ход конём: запланировать на лето поездку в подмосковный Солнечногорск, к деду Али. Он давно зовёт. В прошлый раз мама с бабушкой созрели к восьмидесяти четвёртому году. Но оказалось, что именно тем летом в Москве проходили международные игры «Дружба-84», в пику олимпиаде в США, которую СССР вместе со всем

соцлагерем бойкотировал, и в столицу впускали только по спецпропускам. Получилось, что в самую Москву мы смогли приехать только один раз, и то под видом покупки обратных билетов в Иркутск, толком ничего не посмотрели. А я бы хотела и в Третьяковку зайти, и дом-музей Васнецова маме показать, думаю, он ей не меньше чем мне понравится. Любим мы такое. Оружейная палата, интересно, открыта? Да просто старые станции метро посмотреть — это хлеще многих музеев мира!

Ну и по магазинам пронестись не лишнее.

Так что ехать лучше бы нынче. Мама с бабушкой задумались.

ИНТРИГИ

Период у матушки с Евгением однозначно развивался как конфетно-букетный. Во всяком случае, букеты у нас не переводились, да и конфеты со всякими пироженками и тортами тоже. Да, разнообразие было не то, что в будущем. Зато вкус не пластмассовый!

И вот сидела я однажды (ближе к концу марта это было), точила очередное мраморное пирожное с чайком, и вдруг подумала, что совсем неплохо было бы иметь с собой в путешествии здорово́го мужика. Не в смысле «не больного», хотя и не больного тоже, но... Короче, вы поняли. Спокойнее, и тёмных личностей не так бояться будем.

А то всё здо́рово, конечно, но две женщины (одна из которых бабушка) с маленьким ребёнком да с чемоданами. О! Про чемоданы, кстати, я не подумала. Чемоданов обычно мужчинам требуется раза в три меньше, чем женщинам. А тащить они могут в три раза больше. Очень полезное качество.

Мама с Евгением сидели тут же, чай пили с теми же пироженками. Я возьми да и брякни:

— Дядь Жень, а у тебя когда отпуск?

— Часть в июле, а часть осенью, — точно, у диспетчеров же отпуска большие, почти как у учителей, а потом станут ещё больше. — А что?

— А ты не хочешь с нами в Москву поехать?

— Оля-я! — опять сказала мама.

— А вы собираетесь в Москву? — спросил Жень.

— Точнее, в Солнечногорск, там у бабушки брат в военной части живёт, генерал.

— Ух ты!

— Я тоже так думаю. Так вот. От Солнечногорска до Москвы недалеко совсем, электричка ходит.

— Оля, ты думаешь — нет? — попыталась остановить меня мама. — Ну как мы таким табором к деду Али завалимся?

— Да-а. Таким табором — это, пожалуй, будет для него слишком, — согласилась я. — А если мы у него бабушку оставим, а сами в гостиницу? Должны же там гостиницы быть? Условия там, конечно... Но мы же всё равно только ночевать приходиться будем, правильно?

— Ты прямо уже распланировала всё! — мама возмущённо налила воды в чайник и включила его в розетку. — А если не получится?

— Чему тут не получится? — удивилась я. — Деньги есть, отпуск есть, даже принимающая сторона есть. Я лично собираюсь.

Она фыркнула и пошла к бабушке, которая что-то кричала ей из Наилькиной комнаты.

— Между прочим, — сказала я, глядя в кружку, — семьи диспетчеров имеют право на бесплатный пролёт самолётом туда и обратно. Правильно?

Мы уставились друг на друга.

— И у нас есть ещё три с небольшим месяца, чтобы решить эту проблему.

— Какую проблему? — спросила мама сзади.

— Проблему приобретения билетов на самолёт, — с pokerфейсом сказала я. — Потому что поездом ехать я категорически не хочу. Четверо суток умеренного комфорта, одни туалеты чего стоят! Нет уж, ешьте сами.

— Ну, вот в кого она такая а? — риторически вздохнула мама.

— В Ленина, наверно, — развела я руками. — Я ж умная как Ленин.

Мама аж поперхнулась, Женя хлопал её по спине, а я прихлёбывала чай.

— Кстати, можно было бы квартиру двухкомнатную на месяц снять. Это, наверное, будет даже дешевле, чем гостиница. И кухня есть. И никто не будет в номер не вовремя ломиться, подселять кого-нибудь или паспорта у вас проверять.

— А зачем паспорта? — не поняла мама.

— Ну, как — общий номер могут снять только супруги. При этом доселить к тебе могут кого угодно, вот это меня вообще восхищает.

— Ты откуда это знаешь? — подозрительно спросила мама.

— В кино видела! — гордо сказала я. — Там ещё девушка, чтоб с чужими мужиками в комнате не спать, этой тётке из гостиницы большую шоколадку дала — и всё! Сразу нашёлся и номер свободный и вообще...

Маму, по-моему, больше всего поразила перспектива чужих мужиков в её комнате, она аж передёрнулась.

— Ну, вы тут думайте, — сказала я, — а я пошла: работать, работать!

Четыре дня у Евгения ушло, чтобы переосмыслить своё жизненное состояние и собраться с духом. Или дело было просто в графике работы? И на четвёртый день он пришёл. Хорошо, тридцать первого марта, а не первого апреля, в день дураков.

Нарисовался на пороге, намарафеченный, в новом костюме, и с огромным букетом белых роз.

Я открыла дверь, заценила.

— Отлично! Не забудь на одно колено встать, как принц.

— А это обязательно?

— Конечно! Все принцы так делают. И плюс сорок процентов к общему положительному впечатлению.

— Ну, тогда ладно.

Я пошла звать маму, которая уже выглядывала из нашей комнаты. В домашнем халатике!

— Кто там?

Я затолкала её обратно:

— Быстро! Что-то красивое надевай!

— Да что случилось-то?

— Ма-а-ма! Некогда! Сюрприза не получится. Давай скорее! — я распахнула шкаф. — Что берём?

— Красное давай!

Отлично! Очень выразительно. В зале заохала бабушка, и мама заторопилась, путаясь в рукавах.

— Да не спеши, не начнут без тебя. Волосы распусти! Держи расчёску! На одну сторону

сделай, вот так.

Мы торжественно выбежали в зал, и Евгений опустился на одно колено. И правильно сделал! А то он и так огромный, а с этим букетом — вообще!

— Галя, выходи за меня! — сказал он.

Мама огромными глазами посмотрела на нас с бабушкой.

— А в свадебное путешествие поедem в Солнечногорск, — тихонько сказала я.

— Ой... — испуганно сказала мама. Он смотрел на неё выжидательно. — Ну... давай попробуем...

— Ну что, совет да любовь! — сказала бабушка.

Женя встал и вручил маме цветы:

— Это тебе. Минутку! — он вышел в коридор и вернулся с тортом и шампанским. — Я думаю, это надо отметить! А тебе, Оля, лимонад! — мне торжественно был представлена бутылка «Тархуна».

— М-м! Класс, спасибо!

И мы стали отмечать.

Торт в этот раз был редкий, шоколадный, с шоколадным же кремом и орехами.

— Очень я такие торты уважаю, — сказала я. — А ещё, говорят, к шампанскому неплохо сыр идёт.

— Да? А не шоколад?

— Да сыр к любому вину идёт. А шоколад в шампанском играет прикольно. Видели?

Оказывается, они не видели такого простого фокуса! Я притащила из кухни начатую плитку шоколада, которая с позапрошлого Жениного прихода в шкафчике лежала, и отломилa несколько небольших кусочков:

— Бросаем в бокал и ждём.

Шоколадные брусочки начали обрастать пузырьками газа, всё больше и больше — и вот уже начали всплывать и снова опускаться, и так по кругу.

— Надо ж! — сказала бабушка. — Завтра померла бы — и не знала!

— Играет — значит шампанское хорошее, — я подпёрла щёку, следя за кувырканьем шоколадок в бокалах.

— А ты откуда знаешь? — спросила бабушка.

— Вычитала где-то... — слегка пожала плечами я.

Так, однако, пора завязывать с такими откровениями, что-то часто меня спрашивают, откуда я то или это знаю...

23. ПОСЕДЕЕШЬ ТУТ С ВАШИМИ СВАДЬБАМИ

ПРЕДСВАДЕБНОЕ

Вечером мы сидели и чаёвничали уже втроём, между нами девочками.

— Но, правда, быстро у вас получилось, — покачала головой бабушка. — Три месяца всего знакомы-то.

Положим, видали мы варианты и побыстрее — подумала я, но вслух сказала:

— Баб, ты сама подумай-ка. Взрослые люди уже, опыт брака был, так?

— Так, — вынужденно согласилась бабушка.

Будем надеяться, оба знают, чего хотят, мдэ...

— Смысл им два года хороводы водить? Да пока ещё заявление подадут, а там очередь. Это ещё три месяца пройдёт. Полгода — не так и мало.

— Саша с Ниной тоже недолго дружили, — внезапно разморозилась мама, — а живут вон, двадцать лет уже с лишним! А Ринат со Светкой дружили-дружили — и чё?

Света была первой женой Рината. И как-то не сложилось у них, это точно.

Бабушка цыкнула зубом и согласилась, что долгая дружба никаких гарантий на счастливую жизнь не даёт.

— Вы лучше скажите, что Наилю на свадьбу дарить-то будем? — спросила я. — Считаю, неделя осталась.

— Что-то полезное надо, для жизни, — рассудительно предположила мама, — сервиз или там столовый набор. Бельё постельное можно...

— Как бы детскую кроватку дарить не пришлось, — вслух подумала бабушка.

— Она что?.. — мама выразительно округлила глаза.

— Показалось мне, но, — кивнула бабушка.

— Вы погодите, — остановила их я. — Что, Наиль кроватку не купит? И вообще, глупо мы будем с кроваткой выглядеть. И как мы её потащим? В разобранном виде ещё смешнее, чем в собранном. Пришли с набором палок, тоже мне, — я фыркнула.

— Ну а что? — бабушка подпёрла щёку рукой. — Покрывало хорошее он уж сам купил. Одеяло двухспальное, можмыть? И подушку ещё. На одной-то двоём* неудобно будет.

*Она почти всегда так говорила:

«двоём» или «троём», опуская первую «в».

— Салатник хороший хрустальный, — предложила мама, — или набор рюмок.

Это сейчас звучит странно, а по меркам восемьдесят второго года — отличный подарок. Признак достатка и определённого статуса. Хрусталь стоил относительно дорого, большой предмет (ваза, блюдо для фруктов или большой салатник) запросто мог стоить рублей шестьдесят — половину средней зарплаты. Такое дарили от семьи из нескольких человек. Достойный подарок от пары (у простых людей, не у «породистых») обычно укладывался рублей в пятнадцать-двадцать.

— Жить, я так понимаю, они будут с нами? — уточнила я.

— Наверно, с нами, — прикинула бабушка. — В Ангарском-то* у родителей така квартирка маленькая, однокомнатная, поменьше нашего зала комната. А тут, в Иркутском*, хоть и двухкомнатная, да там в дальней бабка с дедом, а в другой, проходной, Даша, да ещё две сестры помладше.

*Это «в Ангарске» и «в Иркутске», значит.

Да уж, подселаться что туда, что сюда — вариант ещё хуже.

— А пошлите к нему в комнату, сообразим? — я направилась к Наилю, и мама с бабушкой потянулись за мной.

Уместились мы в комнате с трудом. Там уже стояла целая батарея ящиков со спиртным. На первый тост — шампанское, на последующее: кому покрепче — водка («Столичная», «Русская» и подкрашенная «Зубровка» сорока пяти аж градусов), кому послабее — сладкие наливки местного ликёро-водочного завода «Кедр» («Брусничная» и «Спотыкач»), «Портвейн 777» (в просторечии «три топора») и даже по благу скоробчѐнный ящик «Киндзмараули».

Но это ещё не всё! Сюда же были втиснуты доски (которые я про себя начала называть «седалищные»), два разобранных стола, на комодѐ — стопки посуды, на диванѐ — вилки-ложки навалом, тазики и кастрюльки для приготовления всякой вкуснятины, вокруг ещё какие-то коробки, узлы...

— Может, люстру попробовать посмотреть? — спросила мама. — Хоть какой-нибудь вариант? Вдруг будут?

— Или шторы на окна, — предложила я, — а то эти совсем древние, застиранные уже.

— Ну так, ты знаешь, сколько им лет? — кивнула бабушка. — Пятнадцать уж, наверно.

— А сколько гардинная ткань может стоить?

— Рублей восемь-десять, — прикинула мама. — Если сильно дорогая — ну, пятнадцать.

Пять метров тут надо.

— А ты маленько сэкономь, — я ткнула пальцем, — до пола не надо, у него видишь, штора длинноватая, и подгибать приходится. Снизу вот так убрать, — а показала пальцами, — и сверху, там же выступ и гардина.

— Четыре шестьдесят, — ловко подсчитала бабушка.

— А на каждый срез по два сантиметра прибавь на подгиб, — продолжила сеанс арифметики я.

— Четыре семьдесят, короче. Если по пятнадцать рублей это что... семьдесят с копейками получается?

— Да, дороговато, — покачала головой бабушка.

Мы выгреблись обратно в зал.

— А, может рублей по восемь попадѐтся? На четверых-то раскидаем, — удивила их я, включив себя в компанию, — дядь Женя же идѐт?

— Идѐт!

— Ну вот! — я притащила кошелѐк и вытрясла всю свою ходовую наличность. — Я за себя и за бабушку. Сорок семь рублей. Нормально?

— Я десятку-то добавлю! — бабушка тоже вынула кошелѐчек из шкафа, пошуршала, прибавила красную бумажку.

Мама собрала наличность, три железных рубля, один бумажный и трѐшку «на расплод» мне оставила.

— Мы завтра в город поедѐм, посмотрим, что попадѐтся.

Да уж, тут лотерея — будет что, не будет, выбросят приличный товар или под прилавком притырят. Походить надо по магазинам, где-то в очередях постоять...

А в город они поедут, вообще-то, заявление подавать и за кольцами.

И ЭТО ТОЛЬКО ПРОБНЫЙ ШАР...

Второго апреля после обеда мама с Женей уехали делать первый официальный шаг к

будущей счастливой семейной жизни, а мы с бабушкой сели составлять свадебное меню и попутно (на другом листке) пытались осознать, что ещё нам для масштабного гулянья понадобится. На третьем листке, двойном, вырванном из середины тетрадки, меня вдруг накрыл масштаб трагедии. В смысле — сколько будет гостей. По-моему, получался просто охулиард.

Только родни с нашей стороны по самым минимальным прикидкам двадцать семь человек — если посчитать тех, кто всегда с удовольствием ходит на большие праздники. А если взять всех вообще (ну, реально — а вдруг они захотят???) — тридцать пять получится. Для нашей крошечной хрущёвки уже мощно. С Дашиной стороны мы достоверно знали с шестерых. А если ещё какие-нибудь тётушки? А друзья-подруги молодых? И ещё мы самих молодых не посчитали! Плюс два! Крындец, вообще! Хоть убейся, не входят все, если только боком сидеть, как Карл Маркс и Фридрих Энгельс на знаменитых барельефах.

Я считала так и сяк. У меня получалось критическое число тридцать шесть, после которого мы просто физически переставали уместаться сидя. Рационализаторское предложение бабушки: «Я могу за стол не садиться», — я отмела с негодованием. Ещё чего не хватало! Чтоб матери жениха места не досталось?! Да вообще, как это будет выглядеть, если кто-то останется стоять?

Единственным приемлемым вариантом было снять какую-то площадь. Кафе сразу было дорого, не считая того, что они по-любому не согласятся на часть принесённых блюд. А мы уже столько накупили! Рестораны тем более отпадали. И не только по цене. Если с кафе у меня было подозрение касательно еды, то в ресторанах, скорее всего, не только еду, но и выпивку свою не разрешат — иначе какой же у них будет гешефт? А мы спиртным уже под завязку затарились, водки вон целая батарея...

Оставался последний вариант — столовая. Неплохой такой вариант. Демократичный, как потом будут говорить. Главное, чтоб демократичность не переросла в убогость, мдэ.

— Баб, у тебя деньги остались? На свадьбу которые?

— Остались, конечно. Скоропортящее-то* ещё не покупали.

*Ну, вы поняли — «скоропортящееся».

— А какие у нас приличные столовые в округе есть?

— Именно столовые?

— Да.

— Ну... Подумать надо... — бабушка посидела, глядя в окно. — В школах только, или в город ехать, это ж при предприятиях или в центре.

Мда, был в Юбилейном кафетерий, но там зальчик неудобный, просто как вход в магазин, столов нет, не говоря уже о стульях. В школу идти проситься?

В восемнадцатой Алевтина точно не разрешит, ни за какие деньги, сильно она принципиальная. А такое, насколько я помню, всегда запрещено было. Типа, нецелевое использование. Хотя я знала одну мадам, которая точно разрешила бы — заведующую из ближнего к нам садика. Вот уж оборотистая баба! За лишнюю десятку удавится. Как она воровала у своего же сада в лихие девяностые — только свист стоял! Но в детских садах, к сожалению, нет больших столов, только крошечные детские, и этот вариант мы оставим на самый крайний случай.

А вот ещё одна школа была. Четвёртая. И о щепетильности её директора (или директрисы, кто там сейчас) мне ничего известно не было. Но если мы просто с улицы придём, нас с весьма высокой вероятностью также просто пошлют. А зачем приходиться с

улицы, если мы имеем нескольких весьма уважаемых работников образования, в частности тётю Клару, которая у нас, между прочим, завуч. Интересно, какие расценки тут?

Пока я ждала маму с Женей, составила себе целый список вопросов, которые нужно было в случае потенциального согласия директора четвёрки ему задать.

Примчались они такие радостные, давай хвастаться, справку о назначенной дате регистрации показывать, колечки, подарки Наиллю... Подарки, между прочим, оказались вообще не такие, как мы предполагали.

Во-первых, набор столовых приборов! В презентабельной коробке, ложки-вилки-ножики, как положено, довольно симпатичные, у ножей и вилок пластик ручек такой сгущённый, типа под слоновую кость. Но самое интересное, у нас ровно такой же уже был — на мамину первую свадьбу подаренный, только футляр не коричневый, а чёрный.

А кроме того — весьма симпатичный чайный сервиз на шесть персон. Схватили, как говорится, что красивое увидели. Нужное, опять же.

Я дала им порадоваться этому всему и говорю:

— Вы сильно не расслабляйтесь, нам с вами срочно надо до тёти Клары пронестись, потому что у нас тут ахтунг, — и предъявляю наши с бабушкой расчёты, — Наилькина свадьба может запросто накрыться медным тазом. А этого мы никак допустить не можем.

Снова (в который раз!) убедилась, насколько вдруг уменьшается город при наличии собственного транспорта. Сразу вспомнилось, что расстояние от Юбилейного до Солнечного всего-то километров шесть. Поездка, на которую у нас обычно уходил в среднем час, заняла от силы десять минут. Красота!

МЫ ОТ АРТЁМА ИВАНОВИЧА

Это хорошо, что у тёти Клары имелся телефон. И знакомые в разных школах среди руководящего, тысызты, состава. Сорок минут непрерывных созвонов — и вот мы уже едем домой с договорённостью о посещении четвёртой школы завтра с утра. В десять дяденька директор придёт ради наших прекрасных глаз и... возможно, у нас что-то получится.

Всю обратную дорогу я донимала маму периодическими всплывающими вопросами типа: «А посудой нам дадут пользоваться?» — «А розетки у них в зале столовой есть?» — «А сменка нужна?! Надеюсь, нет...» — «А до сколько можно будет гулять?»

Я отчётливо ощущала, что перепсиховала с этой свадьбой, и состояние моё вернее всего можно охарактеризовать словами «тревожное перевозбуждение» — перегрузила детскую психику, короче. Силы у меня сделались слабые. Нейроны подглючили, или что уж там за стабильное состояние системы отвечает. И что плохо, остановиться я не могла. Я постаралась сесть прямо и продышать «психическую атаку». Диафрагмальное дыхание. Медленно. На четыре счёта вдох носом — на восемь выдох через рот. Но это действие почему-то напугало маму.

— Да успокойся, Ольга! — Женя преувеличенно бодро посмотрел на меня в зеркало заднего вида. — Мы же люди взрослые, всё выясним, договоримся.

Машина свернула в Юбилейный, сползла к болоту по Сеченова и начала забираться в нашу гору. Я дышала. На въезде во двор я практически успокоилась. Из машины вылезла уже нормальная.

По подъезду я шла молча — не хватало ещё привлечь соседей к обсуждению темы, а дома спросила:

— Хорошо, умные взрослые люди, скажите мне: что конкретно, по пунктам, вы будете спрашивать по поводу гулянки?

— Ну... У нас же есть список, для начала... — мама полезла в сумку и выяснила, что список она забыла у тёти Клары.

— Мо-ло-дец, — сказала я.

— Съездить? — предложил Женя.

— Да чё уж ехать, садитесь, сейчас новый напишем, я всё помню! — замахала руками слушавшая этот диалог бабушка.

Действительно. С дополнениями!

И мы написали список длиной с мою руку. В числе прочего бабушка предложила спросить: раз там столовая, так, может, они нам и гарниры сделают? В те года (у нас в родне, во всяком случае) было принято помимо салатов и закусок подавать два горячих: обжаренную курицу и котлеты (как вариант — сосиски, считавшиеся тогда деликатесом). Гарнирами к одному из горячих шла толчёная картошка, а ко второму — длиннозёрный рассыпчатый рис или (как в нашем случае было запланировано) тушёная капуста. То и другое (и картошка, и капуста) ни к дефицитным, ни к дорогим продуктам не относились, и спокойно могли быть передоверены «профессионалам».

— Кстати, у них баки здоровенные, можно было бы и компота сварить на заливон, — высказала мысль я.

— Оля! Что за слова! — поморщилась мама. — «Заливон»!

— Коротко и ёмко, — не сдалась я. — Чай так и так у них же придётся кипятить.

Назавтра, провожая маму с Женей на встречу с директором, я вспомнила ещё одну вещь:

— Спросите-ка, какой у них длины столы. А ещё лучше, сантиметр возьмите да смерьте длину, ширину.

— Зачем? — удивилась мама.

— А ты думаешь, в школьных столовых скатерти есть? Или мы так сидеть будем, за обшарпанными голыми столами, — они переглянулись. — Купим бязи белой да нарежем, а потом эти куски простираем и на простыни перекроем.

— Возьмите-ка её с собой, — вдруг сказала бабушка, — она у нас вон какá деловá. Хуже не будет.

Так я внезапно вошла в состав комитета по договариванию.

Однако, мама с Женей проявили себя образцово и даже про неотмеченную в списке длину столов не забыли. Вопрос со скатертями, однако же, отпал сам собой — оказалось, в школе скатерти-таки есть, и стелятся они в особых случаях. Наш случай был признан особым за пятьдесят советских рублей — при условии, что мы будем вести себя прилично, ничего не поколотим и не будем выходить на школьный двор, чтоб никто из окрестных домов не отследил нехарактерное для учреждения образования скопление (для курения предполагался выход во внутренний полузаброшенный школьный дворик через обычно закрытую запасную дверь).

Не знаю, сколько брали в других местах, вопрос жадности всегда вариативен. Пятьдесят — «в фонд школы» — это, по сути, сорок лично директору и десятка тем, кто будет за нами убирать, посуду мыть и полы. А вот с кухней принципиальный вопрос был решён, но с поварихой нужно было договориться персонально по всем пунктам отдельно.

— Завтра к шестнадцати тридцати сможете подойти? — спросил директор.

— Я не смогу, — покачала головой мама.

— Ну, давайте я приду, — неуверенно сказал Женя.

— Нет, давайте мы с бабушкой придём, — предложила я. — Я её провожу, покажу где, и

мы всё решим.

И назавтра мы вполне удачно сходили и благополучно договорились. Мы приносим продукты, и нам готовят толчёнку, капусту, жарят курицу, варят компот, обеспечивают чай, а кроме того пекут свадебный торт (тоже из наших продуктов) и красивый кусальный каравай — всё за тридцатку. Салаты приносим свои, готовые, раскладываем их в глубокие тарелки. А! Ещё они сами сервируют столы на пятьдесят человек (это мы с запасом взяли, мало ли) и освобождают часть столовой под танцы. Я было запереживала, что алюминиевые приборы — несолидно на свадьбе, но меня уверили, что и стальные приборы в столовой есть — тоже для особых случаев.

Ну что, по-моему, вышло вполне.

24. АХ, ЭТА СВАДЬБА, СВАДЬБА...

ПОДСТРАХОВОЧКА

В то же время я пришла к окончательному выводу, что мне-таки надо подстраховаться. Все знают, что я читать люблю — это да. А что и когда я в последнее время читала? Дома у нас кое-какие книжки есть, но набор никак не энциклопедический. Значит, что? Значит, нужно иметь документальное доказательство, что книги я читаю, и в большом количестве. Придётся нашу дражайшую Анну Дмитриевну слегка напрячь. Что-то давно она не имела счастье меня лицезреть. Утро вторника для такого выхода показалось мне вполне подходящим. Я решительно нарядилась, прихватила портфель и пошагала в школу.

В библиотеке был аншлаг. Анна Дмитриевна работала за своей стойкой как многостаночница, стараясь отпустить как можно больше детей до окончания перемены, и казалось, что у неё мелькает сразу несколько рук. Арахна*, тоже мне. Или нет, эта, индийская... Кали**!

**Ткачиха из греческих мифов,
которую за самомнение
ещё в паучиху превратили.*

**Богиня смерти у индусов.

Многорукая, мда.

*Говорят, у индианок заодно —
богиня домохозяек.*

Я дождалась, пока это половодье схлынет, и тоже подошла, откашлялась. Над тумбой показалось лицо. Как в девяностых говорила юмористка Елена Степаненко, «радостью перекошенное», ага. Я когда явилась, она меня из-за других детей-то не увидела, а потом я сидела, ждала, а ей в своей конторке сидячих тоже не видать.

— Здрассьте, Анна Дмитриевна, — вполне себе приветливо поздоровалась я. — А я к вам по делу.

— Слушаю.

— Да вот, видите ли, перечитала я дома всё, что только можно. Мне бы что-нибудь интересное.

— «Тимур и его команда»?

— Читала.

— «Кортик. Бронзовая птица»?

— Читала.

— «Приключения Тома Сойера»?

— И даже Гекельберри Финна.

Минуты три она перечисляла мне всякое детское, а потом отчаялась:

— Ну, я даже не знаю, что тебе дать!

— А есть у вас Макаренко? — Макаренко мне весьма нравился, я бы и освежила впечатления разок, хоть бы кусками. — «Педагогическая поэма»? Или, быть может, «Флаги на башнях»?

— Да это же сложная вещь, — усомнилась библиотекарша.

— Ничего, я постараюсь понять. И «Горе от ума» дайте. И что-нибудь популярное по географии. И, скажем, легенды и мифы Древней Греции.

- Через семь дней продлить нужно, — чопорно предупредила Анна Дмитриевна.
- Через семь дней я возьму следующие книги, — мило улыбнулась ей я.
- Ты не успеешь столько прочитать.
- Не переживайте, успею.
- Я проверю!
- Естественно.

Забегая вперёд, сразу скажу, что из-за приготовлений к свадьбе и всяческих торжеств я действительно пришла только через неделю. Зато с того дня посещать библиотеку я начала *дважды* в неделю, исправно таская туда-сюда шесть книжек (допустимый по правилам предел). Анна Дмитриевна поначалу пыталась упираться, опрашивать меня по прочитанному и даже вступать в дискуссии. Напрасно она это делала, я вам скажу. Кто из нас, в конце концов, старше и умеет задавать неудобные вопросы?

Кончилось тем, что выдавала она мне всё, что я просила (из имеющегося в наличии, понятное дело), и дурацких опросов устраивать более не пыталась.

Регулярно, каждый понедельник и четверг, я приходила за новой порцией «знаний», а дома аккуратно записывала прочитанные книги в список. Специальную толстую тетрадку завела для такого случая. Выделила отдельные разделы: «Русская и советская проза», «Зарубежная проза» (были ещё соответствующие разделы для поэзии), «Легенды, мифы и сказки народов мира» (а то ляпну что-нибудь про Йормунганда так, что народ будет озираться с подозрением — а я нечаянно могу), «География», «Спорт» — ну и так далее. Из легкомысленных имелись «Научная фантастика», «Приключенческая литература» и «Прочее».

Для наглядности я эти книги дома обязательно выкладывала, так, чтоб они на видном месте лежали: то раскрытые, то с закладками. Кое-что, между прочим, и правда, почитывала — оживить, припомнить.

СУМАТОШНЫЕ ДНИ

Шестого, в среду, приехал Наиль, и всё завертелось со страшной силой. Он куда-то ездил, доставал «музыку», привозил какие-то коробки и свёртки — и всё это было нужное (и удивляло меня чрезвычайно, поскольку я трижды в своей жизни умудрялась обходиться без подобных наборов).

В четверг они с бабушкой ездили на рынок, привлекли для столь ответственного дела Женю — и правильно, иначе я не знаю, как бы они со всеми этими кулями доволоклись. В пятницу Женя работал, и бабушка отправила Наиля на автобусе в коопторг со специальным списком «скоропортящего». А мы (мы с бабушкой) составили генеральный список: что мы готовим, что и в каком порядке везём, что кому передаём и ты ды. Иначе невозможно весь этот кошмар в голове удержать.

Вечером внезапно (для меня) приехали две Дашины сестры, и они втроём с бабушкой начали делать заготовки под завтрашние салаты — то, что спокойно проведёт на балконе или в холодильнике ночь и не тронется. Я тем временем переговорила с мамой и с Наилем, чтобы они спокойно восприняли тот факт, что я не поеду в ЗАГС.

Ну, я реально не могу! Во-первых, почему-то (даже если ты приехал точно к назначенному времени) всё равно придётся ждать от сорока минут до полутора часов. Как работникам сего заведения это удавалось вообще? Во-вторых, все эти мадам-регистраторши практиковали чудовищно длинные, нудно-пафосные речи (что, между прочим, породило

целую серию пародий, ушедших в фольклор — я не вру!). И в-третьих, кто-то должен проследить за исполнением наших с бабушкой списков. Это буду я.

Над последним пунктом все посмеялись. А зря. Готовить-то я не разучилась. Ножи бы мне только кто наточил, а то ночью на ощупь не угадаешь, какой стороной резать, а я такое не люблю.

И я нашла такого человека!

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

9 апреля 1983, торжественная суббота.

Женя пришёл к нам рано-рано, часов в восемь (ладно-ладно, я сова, для меня восемь — рань несусветная!), оказывается, он сегодня выступает главным свадебным извозчиком, по какому поводу на машину положено установить здоровенные обручальные кольца (сверху, типа таксистских шашечек), натянуть от переднего до заднего бампера (обязательно через эти кольца) цветные капроновые ленты, а на морду машины ещё и куклу-невесту привязать, которую вчера Дашины сёстры подогнали. А! Ещё шарики к зеркалам. Как сложно всё...

А я вышла в коридор и грустно спросила:

— Дядь Жень, ты ножи точить умеешь?

— Конечно, умею! — страшно обрадовал меня он. — А брусок есть?

Брусок у нас был, хотя и страшненький, и за десять минут Женя справился с квестом и привёл наши ножи к приемлемому состоянию.

— А теперь быстро в кухню! — скомандовала я. — А то они неправильно нарежут. А я пальцы себе отчекрыжу. Зато ты — большой и сильный, и мы сейчас дружно их победим. Твоя сила, мой интеллект.

Женя хрюкнул. Привык он уже, по ходу, к моим закидонам.

— Кого побеждать-то будем?

— Куриц. Пошли.

Куриц было восемь штук. Кто вам будет говорить, что в СССР были только синие неошипанные куры с головой и потрохами — не верьте. Нет, такие, конечно, были тоже, но бабушка считала, что не для того она переехала в город, чтоб самостоятельно задохлых кур щипать.

Да, по-честности, в Иркутске практически всегда продавали кур ошипанных, правда в основном они были худые и поджарые, как нигерийские бегуны, а те, которые «несушки», ещё и страшно жилистые. Так и называли их, «синяя птица», и брали в основном на бульон. Цена на них при этом была выше, чем на говядину*! Два девяносто за килограмм! Но брали — может, потому что без талонов? Да и мясо магазинское от супнаборов мало отличалось. А на рынке цена уже пять рублей за кэгэ. И это не вырезка! Слова «вырезка» я в детстве вообще не слышала. На мясо была установлена предельная цена (именно вот эта, пять рублей) — все без исключения куски были с костями, все по пять рублей. Говорят, особо ценились рубчики, умеющие разобрать тушу так, чтобы костей было поменьше видно.

*То есть, на те говяжьи кости

с остатками воспоминаний о мясе,

которые в магазинах

можно было отоварить на талоны.

Но это я отвлеклась от магазинных куриц. Так вот, наша бабушка этих птиц счастья не уважала и покупала для торжественных случаев совсем других. Не знаю, чьё это было производство — скорее всего, коопторговское — но куры были красивые, упитанные и

чистенькие, без лап, голов и прочих неприятностей с кишками. Подозреваю, что и стоили они совсем по-другому, но поскольку в обычных государственных магазинах их не продавали, то и ценник я вам сказать не могу, не видела.

Я примчалась на кухню вперёд Жени и начала командовать:

— Значит так, смотри: крылья все отдельно, — крылья здесь не любили, не воши, видать, во вкус; а я их завтра пожарю, отлично будет. — Отделяем ноги и делим пополам вот так: ножка и бёдрышко, ага?

— Понял.

— Три грудки целиком оставь, а остальные делим на четыре части вот так.

— А спинки?

— А спинка — супнабор, толку с них на банкете. Заморозим.

— Разрешите приступать?

— Считай, что зелёный свисток прозвучал.

Пока в зале началось разбирательство с куклами и надувание шариков, Женя махом раскроил мне куриц. Спинки я реально сразу убрала, получилось четыре куриных супнабора. Пришлось завернуть их обратно в толстую упаковочную бумагу*, из которой эти куры были извлечены. И они даже влезли в морозилку, поскольку из неё как раз почти всё было вынута для готовки.

*То, что сильно позже

назовут претенциозным словом

«крафтовая».

Бабушка вплыла в кухню, когда я уже ставила кастрюлю с грудками вариться. Тяжеловато, блин!

— Оля! Ты зачем такую тяжесть поднимаешь!

— Ну, простите, погорячилась. Ты на выкуп-то поедешь?

— Говорят, надо.

— Ну и езжай. А то Наиль вдруг загрустит. Обидно ему будет, если ты не поедешь.

— Думаешь?

— Конечно. Мама — и вдруг не поехала.

— А тут как?

— Нормально тут, всё успеем. Погоди-ка!

Я сбегала в комнату и притащила жестяную коробочку от грузинского чая (дряного, честно скажем, чая, купленного единожды исключительно ради коробочки).

— Держи. Будут выкуп за невесту просить — будешь рассчитывать.

Бабушка заглянула в коробочку.

— Ты где столько наменяла?

— Так с нового года, считай, готовилась, все копейки — туда, — да-да, коробочка больше чем наполовину была заполнена копеечными однушками и двушками. — Если что останется, из ЗАГСа будут выходить, под ноги им кинешь. На жизнь в достатке.

— М-м. Ещё крупы тогда надо. Ну-ка в кулёчек мне насыпь.

— Риса?

— А пшёнка, что, не подойдёт?

— Да любая крупа подойдёт. Хоть пшёнка, хоть перловка.

— О! Перловки давай!

Мама явилась посмотреть, что́ это мы тут делаем, послушала нас и тоже изъявила

желание людей крупами посыпать. Пшёнкой. Чтоб в жизни было разнообразие.

В общем, уехали они во всеоружии. А я осталась одна. И начала смешивать необходимые ингредиенты в нужных комбинациях.

Ко времени приезда группы инициативных женщин из госучреждения я успела доделать три сложных салата. Нет, три таза сложных салата! Оставила им всякое малоинтересное и требующее физических усилий: селёдку от костей чистить, морковку сырую тереть, сыр колбасный и тому подобное.

Привалили они толпой: бабушка, тетя Валя, тётя Клара, которой не хотелось ехать в Солнечный, да потом обратно, обе её дочери.

— А где молодые-то? — спросила я, заглядывая за их спины.

— Так они поехали на Вечный Огонь, потом по городу, потом до Листвянки хотели ещё.

— Господи, а туда-то зачем?

— Да просто, время провести. Дома, что ли, сидеть три часа? — махнула рукой тётя Валя. — А это белый что за салат?..

В общем, пошли гастрономические разговоры, сборы и прочее.

Слоняющимся от безделья дяде Рашиду и дяде Вале было предложено собрать те запасные столы, что у Наиля в комнате стоят — всё равно ведь завтра второй день у нас гулять будем. Неугомонная тётя Валя побежала следом за мужем в Наилеву комнату и замерла на пороге:

— А где молодые-то сегодня спать будут?!

Мы сгрудились у неё за спиной.

— А давайте сейчас столы соберут — и мы всё на столы переставим? — бодро предложила Алёнка.

— Ну, вы таскайте, а я колбасу буду резать, — выбрала себе самую халявную работу хитрая тётя Клара.

В общем, дело закипело. Поставили первый стол, кто-то умный предложил сразу застелить его скатертью назавтра, да и доски с табуретками расставить, всё равно их тоже из крошечной спальни убирать надо. Второй стол пока накрыли куском кухонной клеёнки для поварих, потому как в кухне все не вмещались никак.

— Ой, а это что за пакет? — закричала большая Ира из кухни. — И кровь с него течёт!

Я побежала туда.

Пакет оказался здоровенным куском говяжьей печени. Нет, не куском. Целой, блин, печенью! Кто-то по ошибке её разморозил. Ну, а теперь всё, крындец. Обратно замораживать — такая фигня получится...

— Сейчас, погоди, — я высунулась в зал: — Ирка, кастрюлю жёлтую из комнаты принеси!

Маленькая Ирка ввинтилась между людьми и почти сразу выскочила с нужной кастрюлей:

— Эту?

— Да, давай!

Я передала Ире (большой Ире, такое вот задвоение имён у нас в родне) кастрюлю:

— Вот такими кусками режь и сюда складывай.

— И куда это?

— Молоком зальём, пусть до вечера стоит. А завтра я утром паштет из него сделаю.

Я вдруг испугалась, что для паштета нет прочих ингредиентов. Сунулась под раковину — лук с морковкой в ведрах стоят! А вот масло? Масла сливочного нашлось в морозилке две пачки. Маловато на такой кусок, но уж чем богаты. Сейчас, как говорится, поздняк метаться — переложила их на дверцу холодильника, чтоб к утру не каменные были...

И вот примерно в такой суете прошло три часа.

Наконец всё было готово, и... обнаружился серьёзный прокол в нашем плане. На машине был только Женя. Женя увёз молодых, и должен был приехать вместе с ними прямо в школу, к шести часам. С той стороны тоже была одна машина, и она тоже уехала с молодыми. Посмотрели мы на свои тазы — других вариантов всё равно нет. Каждому по тазу/кастрюле/сумке — и вперёд!

Больше всего меня пугала перспектива тащить ящики с выпивкой, но тут мужики сказали, чтоб мы на этот счёт не переживали, хоть три раза сбегают, но принесут. Уж кто бы сомневался!

«Граждане, соблюдайте культуру общения и питания», — пробормотала я фразу, которая висела у нас на пивном киоске у «Трёх поросят». Хотя, наши выпившие все спокойные, весёлые, ни разу никаких ни драк, ни ругани даже не было. За прочих гостей я не была так уверена, но сильно надеялась на благополучный исход нашего мероприятия. Если что, наших больше, мы забором.

Дальше довольно скучное — дотащились мы да начали всю эту вкуснятину раскладывать, что не влезло, временно составляли в здоровенный школьный холодильник. Повариха продемонстрировала бабе Рае торт — пока персонально, чтоб, так сказать, для остальных сюрприз был. Она, вроде, осталась довольна.

Приехали Дашины родители — с сумкой батончиков и ещё одной, в которой оказалось сливочное масло и банки с красной игрой. Шик невероятный! Бутерброды наши дамы мазали сами, не доверяя столь важное дело неизвестным школьным поварихам.

Молодёжь прямо в обеденном зале решила не танцевать — дескать, разговорам будет мешать, и светомузыка при свете не сработает, чё её тогда тащили. В ближнем к столовой углу вестибюля установили будущую дискотеку со здоровенной сияющей и мигающей бандурой, которую настраивал местный Кулибин (видимо, из Дашиной родни). Увидеть наш дискач с улицы не должны были никак по причине почти полного отсутствия окон.

Потихоньку стягивались гости, прохаживались или рассаживались на лавочках вдоль стенок, развлекали друг друга светскими беседами. По условию, поставленному нам директором, во дворе никто не маячил, и встречать молодых мы должны были здесь — у входа, но внутри. Все сошлись на том, что это тоже нормально, и принципиального повода стоять на улице никакого нет. Бабушка, в своём парадном синем платье с брошкой на груди, уже сидела с караваем наизготовку.

ГОРЬКО!

И вот, наконец, двери распахнулись и первыми показались мама (моя мама) и Дашины сёстры, все трое весёлые (подозреваю, по паре-то бокалов шампанского они уже приняли). Все сразу подскочили, засуетились, построились широким полукругом. Торжественно вошли свидетели в красных лентах, а уж за ними — молодые! Все заорали, захлопали, а я поняла, что бабушка оказалась-таки права: не далее как к августу нас ожидало прибавление в семействе. Пока в глаза бросалось не особо, но... если знать, то заметно, так скажем.

Последним вошёл Женя, что-то сказал сторожу, и тот закрыл двери на массивный засов. Свадебный ритуал был, сразу признаюсь, не настолько раздут, как в постсоветские

времена. Общие приветственные крики, из которых выделялись родители молодых с лозунгом: «Совет да любовь!» Мать жениха с караваем, отец невесты с бокалами. Каравай кусали, кто больше (тот и главный, ха). Бокалы били с размаху об каменный пол вестибюля (но завернув в специальные полотняные мешочки, это я им подсказала, из будущего фишка, тут никто так не делал).

После все повалили за столы. Тамаду выбирали прямо в процессе — ещё и соревнование было, кто станет тамадой. Но тут уж с огромным отрывом по очкам выиграл дядя Саша, он у нас всегда тамадил, и тосты красиво говорил, и шутил остроумно, и спор среди гостей мог погасить. И вообще дядя Саша пользовался всеобщим уважением, так что тут без вариантов.

Дальше было много тостов, криков «горько!» — обязательно с хоровым счётом под поцелуи, снова тостов, танцев, шуток и поздравлений.

Сторож открыл мужикам дверь во внутренний двор, и они время от времени массово вставали и выходили «курнуть».

И всё было просто замечательно, пока...

25. ОЧЕНЬ ЭТО ХЛОПОТНО

СПОКОЙСТВИЕ...

...пока во двор школы не въехал дежурный милицейский бобик. Зал столовой в четвёрке совершенно глухой. И вестибюль практически глухой — такой странный проект, сильно отличающийся от моей родной восемнадцатой школы, у которой входная зона наоборот, как аквариум. Этот бобик видел разве что сторож, у него в каморке было крошечное окошечко на парадный двор. А ещё поварихи — в кухне были окна. И я. Потому что я тоже в этой кухне была, пришла сказать, что хорошо бы первое горячее уже подавать, а тут — пожалуйста.

Не могли нас в процессе гулянки увидеть, ну никак. По-любому какая-то падла из кирпичного дома напротив срисовала, как молодожёны приехали. И не поленилась до автомата дойти!

Эти мысли промелькнули у меня в голове, пока я наблюдала, как из бобика устало выгрузился милиционер, смутно показавшийся мне знакомым. Про горячее я всё же сказала и помчалась в вестибюль.

На: «Откройте, милиция!» — сторож, понятное дело, открыл. Тем более, он и сам уже видел, что милиция. А милиционер, и правда, оказался знакомым — дядя Серёжа из нашего подъезда, с четвёртого этажа. Он уже понял, с кем приехал разбираться, и стоял с совершенно кислым и несчастным лицом. А напротив него стояли бабушка и слегка косой и очень весёлый Наиль, обнимающий испуганную невесту. И Дашины родители. И дядя Саша, да и много кто ещё, и подтягивались остальные.

Сергей обозрел всё благородное собрание и расстроено сдвинул фуражку на затылок. Отношения у наших семей были неплохие.

— Поступил сигнал от граждан... О нарушении общественного порядка.

Кто-то заглушил музыку, и в наступившей тишине тяжело вздохнул защитник этого самого порядка. Люди заволновались. Ломать праздник посередине, разбираться с милицией — и непонятно, чем, вообще, всё это закончится — не хотелось никому. Более того, я боялась, что Наилькины друзья с работы могут начать решать возникшую проблему слишком кардинальными способами. А это только сначала как будто прикольно, глаза горят и все крутые как в американских боевиках (где герой всех крошит и ему ничего за это не бывает). А на деле всех так или иначе задерживают, и начинается долгое и мучительное разбирательство, со множеством крайне неприятных последствий.

А ещё мне не хотелось, чтобы бабушка расстраивалась. И Наиль. И Даше с пузом волноваться вредно. И вообще!

Я подёргала милиционера за рукав и проникновенно заглянула ему в глаза:

— Дядь Серёжа!

Он посмотрел на меня понуро.

— А у нас ведь никого не бьют, окон не ломают, не матерятся даже, — задушевно сказала я, — вы и напишите, что нарушений не обнаружено. А люди были! Репетировали самодеятельную постановку, «Свадьба в Малиновке», — дядя Серёжа склонил голову вбок и посмотрел на меня с новым интересом. — А если социально активным гражданам видится в происходящем что-то неправильное, пусть в другие инстанции обращаются, хоть в профсоюз, вы-то тут при чём, да? Пойдёмте лучше, посидите с нами. И ребят с экипажа зовите тоже. Вы какую предпочитаете, «Столичную» или «Зубровку»?

Дядя Серёжа смотрел на меня, а я не могла избавиться от ощущения, что вижу ремейк «Особенностей национальной охоты»*, тот момент, помните, когда: «Кто стрелял?!» — «Семёнов, водку пить будешь?» — «Водку?.. Водку... буду».

*Фильм 1995 года,

режиссёр Александр Рогожкин.

А через полчаса я начала подозревать, что если кто-то попытается прервать наше веселье, товарищи милиционеры его ещё и арестуют. Мдэ. И всё-таки хорошо, что мы с запасом местá посчитали.

Поначалу я нервничала, что Женя уедет на ночную смену, и у меня не останется группы поддержки в лице двухметрового трезвого мужика. Ну, а вдруг кто-то забудит — успокаивать как? Потом смотрю — полвосьмого, а он всё сидит. Спросила: оказывается, подменился сменами, будет работать завтра, так же в ночь, а не пьёт, потому что на машине. Ух ты!!!

Обрадовалась я, что козырь наш останется с нами до талого — всё-таки, так спокойнее. Ну, а завтра оно проще — завтра дома будем.

Про мелочи хозяйственные писать не хочу, скучно всё это.

В конечном счёте, всё завершилось благополучно, никто не подрался, ничего не сломали, и на улицу в открытый двор никто гулять не ломился.

Кое-кто, вроде нашей тёти Зари, которая долго в гостях сидеть не любит, и двух Дашиных тётушек (все с мужьями), да ещё нескольких гостей, разошлись домой пораньше, но около тридцати неугомонных продержались до двенадцати, когда сторож уже начал прохаживаться вдоль вестибюля, выразительно побрякивая ключами. К этому моменту Женя уже отвёз и сложил к Наилу в комнату свадебные подарки (здоровенная куча получилась) и вернулся за гастрономической партией — салатов в холодильнике до фи́га осталось, как раз нам на завтра. И огромные пятилитровые банки с остатками солений, которые забирали не столько ради помидоров-огурцов, сколько ради самих дефицитных банок.

А ещё же светомузыку отвезти тоже надо.

Бабушка расплатилась с кухней, огромная толпа родственников и друзей пошли ночевать к Рашиду с Вале́й — в расчёте, что завтра, выспавшись, они придут к нам. Как уж они там будут устраиваться, я не знаю, на полу, поди, одеяла разложат, да лягут ровненько, как дрова. Честно скажем, значительная часть гостей и так была изрядно в дрова, думаю, они даже не заметят дискомфорта...

Второй день прошёл (сейчас будет такое характерное клише) в непринуждённой семейной обстановке. Пили, пели, много ели. Отсутствие комнаты для танцев компенсировали, выставив музыку (и светомузыку, конечно же) в подъезд — там на площадке и танцевали, благо она у нас большая, квадратная.

Зато, к моему облегчению, «добровольный женский комитет из числа родственниц и подруг новобрачных» перед застольем начистил ведро картошки и организовал прочую красоту. А после — всё перемыл и прибрал. Какое счастье!

ПОКА ЧТО ПАУЗА

Наиль пробыл дома до среды, а с четверга уехал на буровую. В планах у него было поработать вахтами до начала августа, подкопить, так сказать, на начало семейной жизни, а там перевестись в Иркутск, слесарем или дизелистом. Квалификация у него была хорошая,

рублей триста в месяц ему светило. Не те деньжищи, конечно, что на буровой, но очень прилично. В будущее он смотрел с энтузиазмом.

Даша сказала, что пока Наиля не будет, проживёт со своими бабушкой-дедушкой, да и ездить с Юбилейного в центр на работу ей было далековато и с животом по наполненным автобусам неудобно. А, я не говорила, где она работает, да? В магазине «Художник», представьте себе. Мы это ещё в новый год выяснили, и происхождение художественной акварели сделалось предельно очевидным.

Я почесала в затылке, и подумала, что дальше там мало ли как сложится, и выкатила Даше список художественных материалов, которые мне до крайности хотелось бы заполучить. Я заплачú, конечно же!

А то что же, дураком надо быть, чтобы при такой возможности да не воспользоваться...

ДУБЛЬ ДВА

Ровно неделя у меня была, чтобы спокойно посидеть, вытянув ножки.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что валяла дурака. Вообще, если привык работать в определённом ритме, бездельничать до крайности сложно; всемирно известный пример: японские трудоголики. В отсутствие привычной нагрузки ломка начинается прям наркоманская. Мне, например, надо ежедневно писáть. Иногда вдруг наступает внутренняя пауза — как будто тумблер переключается — и тогда я рисую — и так до следующей волны.

В этот раз я засела рисовать нечто конкретное: платье. Свадебное. Для мамы. Потому что та свадебная мода, которая была мною увидена, чёт меня совсем не вдохновила. Это раз. А второе...

— А почему они все разноцветные? — спросила мама, разглядывая мои эскизы.

— Потому, мам, что белый — только для первого раза хорош. И вообще, глупо это, тратить столько денег на платье, которое ты наденешь один раз. А в цветном ты сможешь хоть в театр, хоть на праздник.

— И что, замуж в красном выходить?

— А кто тебе запретит? Ты что, что-то подписывала?

Этот аргумент периодически ставит людей в тупик. Мама посмотрела на меня долгим взглядом.

— Не веришь мне — давай ещё кого-нибудь спросим, — коварно предложила я. С бабушкой-то я давно провела разъяснительную беседу. Но, кажется, мама начала предугадывать мои хитрые ходы.

— С Женей надо посоветоваться.

Что ж, разумно. Будущий муж, всё-таки.

Вечером зашёл Женя. Он вообще у нас все свободные от работы вечера проводил — как правило, встречал маму после уроков, и они вдвоём шли к нам.

— Ну что, Ольга, показывай своё модельерство.

— Будете меня подкалывать — так и будете в магазинских мешках ходить, — проворчала я.

— Мы только в порядке товарищеской критики, — Женя сел на диван. — Давай!

Я достала листок:

— Цвета условные. Я считаю, что нужно посмотреть что-то цветное, что красивое попадётся. И не тяжёлое. Июль — всегда жара.

— Может, бежевое? — предложила компромисс мама.

Я представила себе эту картинку, и мне сделалось кисло.

— Мама-а-а! В бежевом ты будешь жёлтая. Ужас какой. Ты яркая, тебе ни один пастельный цвет не подойдёт. Хочешь выглядеть больной на своей свадьбе?

Женя посмотрел на маму, подняв перед собой мой листок:

— А Ольга ведь права. Тебе в ярком очень хорошо будет.

— И вуальку мы тебе соорудим в тон, — добавила информации к сомнениям я, — хочешь со шляпкой, хочешь с цветком.

А что, бальные танцы есть? — Есть! Значит, и фатины-сетки цветные должны быть, и украшения, пайетки всякие, стразы-бусины.

— И вообще, — резюмировала я, — вам бы по тканям прокатиться, поискать лёгкое и нарядное. С зеркальцем. Прикидывай на себя и смотри. А метраж там внизу написан, при какой ширине сколько брать. А потом к той портнихе, нормально она шьёт и берёт недорого.

Очень надеюсь, что я их убедила. Собрались в субботу за тканями. Посмотрим, найдут ли что путное.

КУДА БЕЖАТЬ?

16 апреля 1983

В субботу мама с Женей катались, искали ткань на платье. Первые несколько магазинов погрузили их в уныние. Потом они поехали на Ленина, там тоже магазин был, да и зашли Дашу попроведать в «Художник». А она им посоветовала в Ангарск съездить. Казалось бы, ближний свет (пятьдесят километров, так-то), но в те года народ куда только за покупками не катался. В Москву, говорят, вон целые колбасные электрички ездили с окружающих и даже не очень областей. Ну, не в смысле официально колбасные, это такое фольклорное наименование получилось. Люди ехали в Москву за продуктами, потому что там снабжение сильно лучше было. Так вот, Ангарск тоже снабжали неплохо. И с бытовой техникой там всегда интереснее было, и с мясными продуктами, да много с чем.

Итак, маманя с Евгением устремились в Ангарск, но мне пока об этом ничего известно не было, да и волновали меня в этот момент мои собственные проблемы.

После стресса со всеми апрельскими свадебными делами я решила, что мне временно нужен щадящий режим. Во-о-о-от. Решить-то я решила, а мозг как разогнался, так и продолжал лететь. Здóрово, да? Поэтому я ударными темпами закончила текст для второй книжки с поделками про братца и сестрёнку Мастерилкиных. В этот раз пионер Петя со своей сестрёнкой, пошедшей уже в первый класс и торжественно принятой в октябрюта*, должны были вспомнить в каникулы про коробку со всякими желудями-шишками, привезёнными из деревни, немножко поностальгировать, ну а дальше начинался нехитрый сюжет, в процессе которого дети лепили красоту как мы любим — и говна и палок. Ой, простите, из бросовых природных материалов.

*Меня тут тоже

торжественно принимали,

так что процедуру я припомнила.

И это всё надо было тщательно поэтапно прорисовать. Рисование меня немного успокаивало, почти как размеренное дыхание (четыре счёта вдох, восемь — выдох), только вот бумаги съедало очень прилично. В «Промтоварах», куда я регулярно ходила за альбомами для рисования, а потом для черчения (для некоторых целей они подходили гораздо лучше в силу гладкости и плотности бумаги) меня уже узнавали, и в этот раз, не успела я подойти к прилавку, продавщица сказала:

— Бумага для черчения закончилась.

Вот блин!

— А альбомы есть?

— Только тетради для рисования, — она махнула рукой на витрину. В тетрадях для рисования была тонковатая бумага, и по качеству они меня не устраивали никак.

— А для черчения когда будет, не знаете?

— В среду приходи, должен быть привоз.

— Спасибо.

Я уныло вышла на крыльцо. Вокруг сияло солнце, с крыши капали остатки последнего дожившего до середины апреля снега, пахло просыпающейся землёй и тополиными почками.

Нет, ждать до среды мне решительно не хотелось! Мне требовалось три альбома, прямо сейчас. Вот, знаете, когда огонь в ж... м-м-м... в организме горит? Надо — и всё тут, хоть тресни.

Я прошла от «Промтоваров» по аллейке до «Трёх поросят». Решение созрело, и я уверенным шагом направилась под горку, в сторону остановки «Болотная». На Мухиной, напротив папиного дома, был весьма неплохой книжный магазин. А в этом магазине был отдел канцтоваров. Отчего бы мне и не пройтись? Тут ходу-то километра полтора. От болота в горку, правда. Ну, да ничего. Минут пятнадцать топать от силы.

Однако, ближе к Болотной моя уверенность изрядно сдулась. Внутри своей головы я периодически сбивалась на привычные реалии будущего, а улицы Захарова-то ещё нет! Точнее, есть от неё крошечный огрызок на самом верху, у Мухиной. А тот спуск, по которому будут троллейбусы ходить, даже ещё отсыпать не начали. Ближайшая дорога проходит по Сеченова — а это сразу километровый крюк. Можно было, конечно, пройти прямо через болото, были там переброшены длинные такие многосуставчатые мостки. Реально длинные, по расстоянию больше, чем школьный стадион, точно вам говорю. Смущало меня то, что само болото было чрезвычайно малохожим местом, заросшим ивняком. Зимой там становилось относительно прозрачно, а сейчас листва уже всю полезла, не видать, кто на другом конце стоит.

А ещё мостки выходили на длинный ряд домов, построенных как в деревне, с большими приусадебными участками, и я боялась, что из какого-нибудь двора могут выскочить собаки.

Вообще, этот райончик Мухиной и Якоби был весь низкоэтажный. За рядом индивидуальных домов шли бараки, в которых уже никто не жил, и их переделали под всякое: магазинчики, приём ветоши, приём макулатуры. А выше начинались дома́ двухэтажные, тоже деревянные, восьми- или шестнадцатиквартирные, часть с печным отоплением, с построенными специально для этих домов длинными рядами дровяных сараек, в которых частенько содержались куры, поросята, козы. Сейчас (в восемьдесят третьем) здесь стало больше похоже на город, а двадцать лет назад, папа рассказывал, проезжающая машина была такой редкостью, что ребятишки с ближайших дворов сбегались к дороге на звук мотора, посмотреть на этакое диво, а в сарайках проживали даже коровы, которых пасли в ближайшем лесу — буквально, только дорогу перейти.

Как идти, я прекрасно представляла, по этим мосткам мы ходили множество раз — недалеко от папиного дома стоял кинотеатр «Байкал», а чуть дальше — детская поликлиника. Но мне стало очково. Я остановилась у спуска к болоту, взглядываясь в кусты на противоположном берегу.

— Ты, девочка, что — потерялась?

Я чуть не подпрыгнула. Позади меня стояла тётя с двумя полными хозяйственными сумками.

— Да нет. Мне к «Байкалу» надо.

— Ну, пошли. Я как раз туда.

Не сказать, чтоб я прям так сильно обрадовалась. Тёти — они, знаете ли, тоже бывают разные. Но пошла следом. Понадеялась, что если собаки — на двоих сразу не кинутся. А если какая подстава — кину в ноги портфель и побегу назад. Авось, запутается и сразу не догонит.

Никаких, однако, засад на пути не возникло. Мы благополучно дошли до кинотеатра, после чего я сказала «спасибо» и повернула налево, а тётя — направо.

Я шла, глазела по сторонам и рассуждала про себя: какое, что ни говори, пока ещё неспешное всё. И личного транспорта почти нет. Дороги пустые, считай. Уже к двухтысячным такую картину можно будет наблюдать разве что часов в шесть утра. Нет, скорее, в пять, мда. И воздух над городом был совершенно чистый и прозрачный. Как говорится, наслаждайтесь, пока можете.

26. КНИГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ВОЛШЕБНОЕ МЕСТО

В книжном меня неожиданно узнали. Продавщица поздоровалась, спросила:

— Оля, ты сегодня с мамой?

— Нет, я одна.

— М-м. Ты маме скажи, — она понизила голос, хотя в магазине практически никого не было, кроме какой-то бабуся, — пусть зайдёт ко мне на недельке.

Ага. Это, по ходу дела, та соседка с папиного двора, которая ей периодически книжки притыривает.

— Вы можете мне показать, — сказала я. — Я, если что, куплю.

Тётенька оглянулась на бабуся. Та пристально смотрела на нас.

— А в канцелярию подойдите, а? — позвала бабуля.

Продавщица кивнула мне, мол: подожди, — продала бабульке банку красных чернил, набор плакатных кистей и лист ватмана и снова вернулась ко мне.

— Ну, смотри.

Книг оказалось много, как будто эта тётя специально их копила (не исключено, что так и было). Я перебирала стопку. Ну, допустим, «Чук и Гек», пусть будет. Люблю их. Душевно написано, как ни крути.

Сотника рассказы — тоже весьма неплохо, с большим юмором и без занудства.

Пришвин и Паустовский — сразу нет, даже не глядя, что там за шедевры. Классики, хорошо пишут, молодцы, но — нет. В школе детей так залюбивают этими двумя персонажами, что ни один здравомыслящий ребёнок добровольно ни того, ни другого мэтра не откроет.

Над Булычёвским «Миллионом приключений» я задумалась. Обижена я на него. Не на «Миллион приключений», конечно, а на Булычёва, и на то, как яростно сразу после развала СССР бросился он поливать грязью всё то и всех тех, кого буквально вчера перевозносил. Жиденький оказался человек. Взять-не взять? А! Возьму. Посмотрю хоть на стилистику свежим взглядом — как сейчас детские фантасты пишут.

Лев Кассиль «Кондуит и Швамбрания». Нет. Помню, с какой зубодробительной скукой читала её в детстве — потому что читать что-то хотелось, а больше было нечего. Зачем себя вторично примучивать? Многим нравится и даже вызывает восторг, но... Как говорится, совсем не моя чашка чая.

Ещё одна книга, имевшаяся в моей прежней библиотеке (видимо, по случаю сегодняшней okazji и купленная) — «Это было на Почай-реке». Нечто вроде бы историческое. Нет, не люблю.

Мамин-Сибиряк «Алёнушкины сказки». Сколько раз пыталась — не заходит стиль вообще. Какое-то... для деточек.

Зато над следующими книгами я буквально затряслась. Одна из книжек была продолжением серии про Муфту, Полботинка и Моховую Бороду (Эно Рауда). И неважно, что продолжение, а начала нет, всё равно возьму! А вторая радовала меня много лет, пока кто-то не скомуниздил: книга увлекательных математических игр «Головоломки профессора Головоломки». Беру!

Напоследок я крайне удивила продавщицу, отказавшись от «Последнего из могикан»

Фенимора Купера и от книжицы Дюма. Первый зануда. С тем же успехом можно затяжные описания Вальтера Скотта читать, по сорок листов без диалогов. Второй — бессовестный сочинитель альтернативной истории. Ценности для меня (ввиду грядущего вскоре расцвета романистики) ни тот ни другой не представляет.

— Вот эти я возьму, — хлопнула я по меньшей стопке. И ещё мне три папки бумаги для черчения. Есть?

— Есть-есть. Как понесёшь?

— А в портфеле!

Хорошо, денег хватило. Счастья у меня было — просто полные штаны. Люблю хорошие книжки, прям до умопомрачения. Я уложила покупки в свой портфельчик, и тут взгляд мой остановился на прилавке с раскрасками. В голове как будто звоночек бздынькнул. Я подошла, взяла первую попавшуюся: «Луна в синем море». Пролистала. Шестнадцать страничек и корка. Перевернула на тыльную сторону обложки, посмотреть выходные данные.

— Пятнадцать копеек, — подсказала продавщица.

— Да, я вижу, спасибо.

На самом деле меня интересовали другие циферки. Я пыталась кое-что подсчитать — и на скаку не получалось никак.

— Скажите пожалуйста, а альбомы для раскрашивания относятся к книжной продукции?

— Конечно! — сделала большие глаза тётя.

Ладно, не будем жидиться, куплю, дома спокойно прикину. А раскраску потом Ирке подарю, пусть радуется.

Я выложила из кошелька ещё пятнадцать копеек и уже окончательно упаковалась. На мой, как говорила бабушка, бараний вес, что-то тяжеловато получилось. Да и до бараньего веса мне, честно скажем, далеко. Таких как я на среднего мясного барана двоих надо. А на хорошего — троих.

Я вышла из магазина и остановилась на углу, раздумывая — не зайти ли к папе и не попросить ли, чтоб он меня проводил?

И тут увидела, что от остановки «Управление ГЭС» отъезжает «двойка» — эта следующая в сторону плотины, вообще-то остановка, но дороги пустые, деревья вдоль них пока совсем маленькие, а транспорта настолько исчезающе мало, что по прямой здесь видно отлично. А моя остановка — вон она, чуть в стороне, через дорогу.

Как я чесанула! Папы ещё, может быть, и дома нет. Это мне тогда одной да с тяжёлым чемоданом тащиться придётся. А так я за шесть копеек чуть не до самого подъезда доеду. Ещё и крутилку билетной кассы покручу! Это смешное занятие доставляло мне неизменное удовольствие.

Добежала я одновременно с «двойкой». И доехала благополучно. Ну, здорово же, да?

В автобусе меня посетила внезапная мысль, что теперь (ввиду наличия нескольких новых книг) скрыть факт посещения книжного не удастся никак.

Подумала.

Да и пофиг! Изобретать какие-то хитроумные комбинации мне не хотелось вообще. Не тот случай, чтобы прямо напрягаться.

Дома я достала свои книжки и первым делом похвасталась бабушке. Бабушка —

конечно же! — сразу ужаснулась, что я до Мухиной сходила сама, долго хлопала крыльями и рассказывала страшные истории.

— Ну, ладно! — не выдержала в конце концов я. — Сходила, живая вернулась — посмотри лучше, какие книжки!

Книжки бабушка одобрила. Она, вообще-то, читать тоже любит. Выбрала себе Сотниковский «Архимед» Вовки Грушина» и со словами: «Дай-ка я почитаю», — пошла к Наилу в комнату, в тишине-спокойствии посидеть.

А я вытащила раскраску. Циферки же! Циферки ждут.

НУ ЧТО, ЕЩЁ ИДЕЙКА?

Я устала на заднюю корку. В выходных данных было много всего любопытного. Там, в частности, значилось: «тираж 300 000 экз». Очень впечатляюще.

Я посидела, переваривая информацию. Триста тысяч — это хорошо. Не очень весёлой информацией было то, что между отправкой в набор и подписанием в печать прошло *тринадцать с половиной месяцев*. Фигассе, скоростя у вас. А ведь книжка не такая и большая, условно-печатных листа два с половиной всего. И хотя у меня по квадратным сантиметрам даже с учётом полей получалось около трёх авторских листов на книжку, хрен с ним, посчитаем по-минимуму, как два с половиной. И вообще, пора прикинуть, сколько же автор за сей шедевр мог получить. Интересно мне просто.

Я вытащила свои формулы и начала высчитывать.

Подумала.

Выходило, что даже если не учитывать доплату за первое массовое издание (её запросто в этом случае могло и не быть, мало ли), при таком тираже получалась сумма в четыре тысячи шестьсот пятьдесят шесть рублей с копейками. Импрессион. Пожалуй, сто́ит того, чтобы год подождать.

Раз в год по раскраске рисовать... Хотя, там, наверное, тоже мафия своя. Или типа по благу. Или (ещё вариант) — по рекомендации от союза художников. Или очередь стоит на десять лет вперёд.

Блин, как сложно всё.

Но мы очковать не будем, напротив — ломиться будем во все возможные двери, где-нибудь да проломим, правильно? Да даже если в нашем местном издательстве напечататься, тиражом, скажем, в шестьдесят тыщ экземпляров, выхлоп будет равняться годовой зарплате, к примеру, учителя не самого начального уровня. Нехило, так-то. А у меня и рисунки кой-какие есть, надо подработать до стандартного количества. И корки цветные, наверное, к этим наборам придумать...

И ПРОЧЕЕ, ПРОЧЕЕ

Поездка мамы с Женей в Ангарск оказалась удачной. Привезли они совершенно дивный шёлковый жаккард, золотой рисунок (хризантемы и мелкие букетики, похожие на незабудки) на глубоком изумрудном фоне. Ну, очень красиво. И платье из него получилось просто королевское!

После явления милиции в школу Женя решил так не рисковать и договорился со столовой, своей же, для работников диспетчерской службы. Получилось вроде бы подороже, зато геморроя насколько меньше! Ему оставалось только выпивку купить.

Из прочего: меня благополучно перевели во второй класс. Было бы удивительно, если бы нет. Мдэ.

Меня немного смущало, что ближе к свадьбе Женя начинает ходить всё более смурной.

Однажды выхожу в кухню, а они с мамой сидят такие озабоченные.

— Ну, и чего киснем? — спрашиваю.

Они переглянулись.

— Вот, Оля, — Женя отставил недопитую кружку, — поделюсь с тобой как с человеком рассудительным.

Мама только вздохнула.

Я села за стол, также как они сложила руки замочком:

— Так-так, и чем тут с рассудительными людьми делятся?

— Да вот, видишь, — Женя нахмурился, — не успели мы ещё с твоей мамой начать жить, как нас уже подъедает квартирный вопрос.

— М-гм. А подробности?

— Подробности такие. Я, возможно ты слышала, проживаю с матушкой... — начал Женя.

— И-и-и?..

— И с братом.

— А комнат у вас?

— Две. Знаешь, может: от входа по центру кухня, а направо и налево по комнате, одна как ваш зал, вторая поменьше.

— К вам уходить вообще не вариант, — пробормотала я, прикидывая.

Совсем-совсем не вариант, и неважно, какого эти комнаты размера и в каком порядке расположены.

— Вот и получается, что мне или к твоей маме в примаки идти, — тут мама поморщилась, — или снимать квартиру.

— Ну, и чего киснем-то, я не пойму? — снова спросила я. — Значит, у нас будем жить, раз такое дело. В тесноте да не в обиде.

— А ты куда? — всплеснула руками мама. — В зал даже кресло-кровать некуда поставить.

— Ой, не надо мне кресло! — замахала руками уже я. — Я их терпеть не могу. И, говорят, разваливаются они быстро, продавливаются. Вы лучше, знаете... — они уставились на меня оба, — вы мне купите хорошую раскладушку. Таковую, чтоб не провисала. И матрас. Я шикарно с бабушкой в зале буду спать.

Вот, как хорошо, что мы сервант не выкинули! Там столько свободных полок, не придётся особую перетасовку в нашем с мамой барахле делать. Хотя, возможно, есть смысл мне свои вещички в стенку перетаскать, иначе как — понадобится что-то, и за каждой мелочью к ним ломиться? Не люблю такое. А стенка тоже полупустая стоит. Пока никто не успел, я займу, ха. Надо с бабушкой завтра эту тему обмозговать.

А ещё вечером до меня дошло, что скоро я буду спать одна. Сколько лет я спала, обнимая мужа, потом вот — прижимаясь к тёплому маминому боку... Игрушку мягкую завести большую, что ли? Или просто вторую подушку, маленькую узкую? Я, вообще-то, прямоугольные подушки больше люблю, а тут все квадратные. Буду по ночам на неё ножку закидывать. Хм...

КНИГИ, СВЯЗИ, ГЕНЕРАЛЫ...

С середины апреля и до самого конца мая я вычитывала «Председательницу» (это которая про бабушку в годы войны) и переводила её в печатный вариант. В первый раз пробовала печатать сразу три копии. Копирки уходило — страсть! Книга получилась

серьёзная, на четырнадцать с половиной авторских листов (или на тридцать шесть глав по восемь-девять печатных листов, если так легче представить).

Все три копии заверила у нотариуса на дату предъявления и достоверность подписи, но отправлять пока никуда не стала. Почему? — спросите вы. Сейчас объясню.

Я уже упоминала про деда Али. При слове «дедушка» наш мозг автоматически выдаёт усреднённо-уютный образ, нечто вроде рыжего дедка из мультика про Антошку (который копал картошку, да-да).*

**Советский мультик,
снятый по детской песенке
В. Шаинского и Ю. Энтина
режиссёром Л. Носыревым.*

Дед Али был вовсе не такой. Это был сухощавый мужик чуть выше среднего роста (ближе к метр восемьдесят где-то), бодрый и подтянутый, не смотря на свой почтенный возраст. Он был из тех генералов, которые сделали себя сами — ибо никакого блага у него не было. Представляю, как ему пришлось пробиваться, учитывая, что родители были купеческого сословия (не знаю, просочилось ли это где-нибудь), а отец и вовсе репрессирован, сослан и все положенные двадцать пять лет отбыл на поселении в Средней Азии (об этом было известно доподлинно). Вроде бы его посмертно реабилитировали, но тут, знаете, как в анекдоте, «ложечки нашлись, а осадочек остался».

Зато дед Али был настоящий боевой, а не паркетный генерал. Всю Великую Отечественную прошёл (понятное дело, в куда меньших чинах, ибо был тогда лет тридцати с небольшим). Вся грудь в орденах.

А ещё немаловажно, что за часть это была. В своём первом детстве я как-то этот пункт вообще упустила. А много позже однажды поинтересовалась. Они ж, военные части, разные все (и не нужно надо мной ржать, я же девочка...). Вот у нас в Иркутске (и вокруг) есть танкисты, есть ракетчики, есть (при СССР были) авиационные инженеры. А в Солнечногорске стояла часть спецназа Главного разведывательного управления. Получается, дед наш был генералом спецназа ГРУ, что ли?

Как было написано у них на сайте, «Основным назначением (...) являлось предотвращение ядерной и иных угроз «холодной войны»». Я, помнится, взрослая об этом узнала — поразились страшно. Уточнять детали, когда я начала интересоваться, было давно уже не у кого. И не думаю, что сейчас я рискну спросить у него что-нибудь в лоб. Во-первых, такое как-то не принято спрашивать, а во-вторых, дед Али совершенно не умел разговаривать с детьми. Своих родных у него никогда не было, а та девочка, о которой он всю жизнь заботился, была дочкой его жены от первого брака. По-моему, он детей считал чем-то вроде июньских яблок: маленькие, недозрелые, пользы никакой, оскомины одна. Хотя, возможно, сейчас мне удастся некоторым образом построить с ним общение, не вызывая у деда приступов изжоги.

Вот, кстати, про его жену (с изжогой ассоциация, ага). Жена здесь важна для понимания процесса. К старости у этой дамы то ли от проживания в закрытых городках, то ли от жиру и безделья плавно поехала кукуха. Прямо вместе с крышей дома своего, мда. Сейчас они с дедом Али пока ещё живут вместе, и она изводит его по-тихому, но где-то через полгода процесс перейдёт в острую фазу, она начнёт страшно скандалить, закатывать публичные истерики и (самое худшее) сочинять на деда чудовищные кляузы, тоннами вываливая их на руководство. В конечном счёте дед не выдержит и разведётся с ней, и его

понижат в звании до полковника (хотя и с сохранением всех наград и прочего), на том основании, что развод порочит честь мундира высшего офицера. Он будет переживать страшно и начнёт угасать — быстро растает, года за два. Но всё это время будет платить своей психованной дуре алименты. Зашибись вообще перспектива.

Не знаю, можно ли с этим вообще что-то сделать, как подумаю — меня прям клинить начинает. Бабушка пока про всё это не в курсе, собирается в гости радостная. Как бы не вышло там шкандалья.

Но не ехать нельзя. Надо ехать. Особенно учитывая, что до окончания генеральства осталось совсем мало времени. Почему-то бабушка всегда стеснялась просить брата о чём-то. А я так считаю: не надо стесняться. Обращаться надо к нему, пока есть возможность. Я очень (ОЧЕНЬ) надеялась, что какие-то зацепки и подвязки у него были. Как минимум, должны были быть нужные друзья, у которых могли бы быть нужные знакомства. Ну, вот это — правило семи рукопожатий. Или пяти? Как же без интернета неудобно, блин, вы не представляете! Каждый чих проверить таких усилий сто́ит!

Короче.

Мне кровь из носу нужно было пропихнуть книгу не просто в журнал, а в одно из центральных издательств (а в идеале — и туда, и туда). И дело не в деньгах, уж прожили бы как-нибудь. Дело было в формировании... имени, что ли? Личного бренда? Наверное. Успеть выстрелить. Споры бросить, как орочья грибница, а уж потом мы прорастём, будьте уверены.

Вряд ли мне удастся переплюнуть по продуктивности великих мэтров современности (не будем зазря полоскать на ветру их имена), но, во всяком случае, я собиралась заработать себе имя. А как потом распорядиться этим именем, об этом я старалась даже думать тихо-тихо, самым краем сознания. Это будет потом. Время придёт.

Больше книг на сайте - Knigoed.net